

МИГЕЛЬ SEVERO

ПЛАНЕТА АФОН
КРЕСТНЫЙ ХОД

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ ПИЛИГРИМА

Мигель Severo

Планета Афон. Крестный Ход

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57321728
Планета Афон. Крестный Ход: Родина; Москва; 2020
ISBN 978-5-907332-80-5

Аннотация

Книга Мигеля SEVERO продолжает рассказ о наведывании святого Афона. Автор и гости Святоименной Горы, которым по особому приглашению (а пускают на остров не всех!) посчастливилось побывать здесь, делятся не только впечатлениями, но и своими личными тайнами. Впрочем, автор ярко живописует не только красоты священного места и портреты многонациональных паломников, но и проникает в Историю России, чтобы делать выводы и давать советы нам и нашим потомкам... Издание богато иллюстрировано и предназначено для всех, кто любит историческую, духовную, философскую и художественную литературу. *Издание 2-е, исправленное и дополненное.*

Содержание

Предисловие ко второму изданию	7
Глава I. «Встреча друзей»	20
Глава II. «Послушание»	65
Глава III. «Симонов камень»	102
Глава IV. «Агио Пантелеимон»	137
Глава V. «Паче молитвы»	198
Глава VI. «Казнь»	262
Конец ознакомительного фрагмента.	273

Мигель Severo

Планета Афон.

Крестный Ход

© МИГЕЛЬ SEVERO, 2020

© А. Асманов, автор рисунков и обложки, 2020

© ООО «Издательство Родина», 2020

* * *

«Всё тайное рано или поздно становится явным».

[Сократ, V век до Р.Х.]

*Мне нравятся красивые сердца,
От них исходит очень много света.
Купаешься в любви, и нет конца,
И сам переполняешься при этом.
И щедро они делятся с тобой
Избытком искреннего, чистого участия,
И всей своей сердечной добротой.
Иметь таких друзей – большое счастье!*

«Никто, зажегши свечу, не покрывает её сосудом, или не ставит под кровать, а ставит на подсвечник, чтобы входящие видели свет. Ибо нет

ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы».

[Евангелие от Луки, гл. 8; 16-17].

Светлой памяти протоиерея Всеволода / Чаплина/, моего друга, идейного вдохновителя, духовного наставника и соавтора, а также моих предков, прошедших горнило Крымской, Русско-Турецкой, Русско-Японской, Первой Гражданской, Халхин-гола, Корейской, Афганской, Первой и Второй Мировых войн, а также нацистские и сталинские истребительно-трудовые лагеря, посвящаю.

*Нас всех друг другу посылает Бог.
На горе иль на радость – неизвестно...
Пока не проживём цикличный срок,
Пока мы не ответим свой урок,
И не сдадим экзамен жизни честно.*

*Мы все друг другу до смерти нужны,
Хоть не всегда полезность очевидна...
Не так уж наши должности важны,
И не всегда друг к другу мы нежны –
Бывает и досадно, и обидно...*

*Как знать: зачем друг с другом мы живём?
Что вместе держит нас, соединяет?
По жизни мы идём, и день за днём
Себя друг в друге лучшие узнаём,
И шляпу перед зеркалом снимаем...*

*Нас манит даль непройденных дорог,
А друг в дороге – радость и подмога...
И не сочтём высокопарным слог:
Нас всех друг к другу посылает Бог!
И слава Богу – нас у Бога много...*

[Борис Пастернак].

Предисловие ко второму изданию

Братья и сестры!

Вы держите в руках вторую книгу из серии «Планета Афон», которую я назвал «Крестный ход». Почему именно так?

ОТНІЙ АГІЛАЪ

ХРАНИТЕЛЪ

Каждому православному человеку, приходящему в этот мир, при рождении даётся не просто имя – у него появляется Ангел-хранитель, который ведёт его по жизни, спасает от бед и напастей, и будет ходатайствовать за него перед Всевышним Богом на Страшном Суде.

Так и каждая книга, получив «путёвку к сердцу читателя», одновременно получает имя, которое, подобно ангелу, что в переводе с греческого означает «вестник», несёт благую весть о том, что автор хочет выразить своим творением.

Откуда вообще возникло это понятие, крестный ход?

Считается, что первый крестный ход совершил Спаситель наш Иисус Христос, взойдя со Своим Крестом на Голгофу. Однако ещё до Своего пришествия в мир, ещё будучи во утробе Своей Пречистой Матери – Пресвятой Богородицы, Он совершает крестный ход из Назарета в Вифлеем. И потом, повинувшись Божиему гласу, Спаситель вместе со Своими Богоизбранными родителями совершил крестный ход из Израиля в Египет, спасаясь от лютой смерти, грозящей Святому Семейству от рук нечестивого царя Ирода.

«Крестные ходы спасут Россию», – так во все века говорили святые отцы. И сколько раз эта истина становилась явью.

Достаточно вспомнить крестный ход с чудотворной Владимирской иконой Пресвятой Богородицы, совершённый нашими предками в далёком 1395 году, спасшим столицу Руси Первопрестольный град Москву от нашествия Тамер-

лана.

А сколько совершалось на Святой Руси крестных ходов во время страшных эпидемий чумы и моровой язвы, природных катаклизмов, нашествия иноплеменников! И даже в новейшей истории богохранимого отечества нашего нельзя не вспомнить крестный ход с той же чудотворной Владимирской иконой – Небесной покровительницей Москвы, – спасший Третий Рим от «коричневой чумы» – гитлеровского фашизма.

Произнося «крестный ход», часто имеют в виду пешеходное шествие с животворящим крестом или чудотворной иконой. Однако научно-технический прогресс вносит и во благое дело свою лепту. В наши дни крестные ходы совершаются и на поездах, и на автомобилях, и на самолётах и даже на космических кораблях.

Не только чудотворная Казанская икона Богоматери, но и Пояс Пресвятой Богородицы, хранящийся в монастыре Ватопед и привезённый по благословению вселенского патриарха со Святой Горы Афон в Златоглавую столицу, совершали крестный ход по всему периметру нерушимых границ Богохранимого отечества нашего. Миллионы православных верующих смогли поклониться святыне и получить от неё благодать.

Невозможно перечислить все крестные ходы, которые стали в России доброй православной традицией и совершаются ежегодно. К примеру, крестный ход на Ганину Яму, где

покоится прах царственных страстотерпцев. Или в Алапаевске, на место гибели святых великой княгини Елисаветы и инокини Варвары.

Можно вспомнить Иринарховский крестный ход из Ростова Великого или крестный ход из Балашова в Вавилов Дол в память новомучеников и исповедников Российских, репрессированных в годы «красного террора». А также многие другие.

И, конечно же, нельзя не отметить в этой связи самый протяжённый в России и в мире многодневный Великорецкий крестный ход с чудотворной иконой святителя Николая Чудотворца.

Паломничество ко святым местам всегда было благочестивой традицией русских людей. С верой и молитвой отправлялись они на Святую Землю, Святую Гору Афон, Киево-Печерскую лавру, на Соловки, Валаам. Но по своим масштабам и значимости, по древности традиции Великорецкий крестный ход вполне может встать в один ряд с общепризнанными центрами святости, куда и поныне каждый год стекаются тысячи паломников со всей необъятной России, а также из-за рубежа.

История Великорецкого крестного хода уходит корнями в XIV век и насчитывает уже более шестисот лет, когда на берегу реки Великой был явлен образ Николая Чудотворца. Это самый протяжённый крестный ход в России – паломники идут шесть дней, и пять ночей около двухсот километров

по бездорожью.

Но крестноходцы знают, что даже несколько шажков по пути на Великую – жертва Богу и святителю Николаю, и святой точно не оставит, поможет в делах и в скорбях утешит.

Рано или поздно каждый человек начинает задумываться над тем, зачем он «пришёл» в этот мир, какова высшая цель его существования? Следствием этого становится его стремление не только к профессиональному совершенствованию, но и к духовному становлению. Истинное человеческое бытие находится на пересечении горизонтальной и вертикальной составляющих его жизни. Без стремления к совершенствованию по вертикали, духовному развитию, жизнь становится бесконечным забегом за мнимым материальным благополучием.

Только в гармонии материального и духовного человек получает точку соединения, которая воссоздаёт крест. Именно в момент пересечения линий умственного развития и духовного становления мы соединяем в себе земное и Небесное, плотское и духовное – это и есть крестная ноша каждого из нас, призванных в этот мир.

Обретение Великоорецкого образа Николая Чудотворца «В лето мироздания 6891 от воплощения Бога Слова» явилось событием поистине знаковым. В 1555 году царь Иоанн IV в первый раз запросил чудотворный образ в Москву.

В тот год началось строительство памятника в честь Казанской победы – собора Покрова на рву или храма Василия Блаженного. По указу царя один из приделов был освящён в честь Великоорецкой иконы.

В ознаменование этой великой победы, в праздник Рож-

дества Николая Чудотворца 29 июля/11 августа сюда совершается крестный ход из Успенского собора Кремля.

Второй раз Образ пренесен в Москву в 1614 году после Великой смуты. Царь Михаил Феодорович Романов утвердил статус иконы как Всероссийской святыни, Богом данной «роду христианскому во всех странах, градах и весях». В 1658 году по благословению патриарха Никона первый архиепископ Вятский и Великопермский Александр своим указом установил день празднования Великорецкой иконы 24 мая/6 июня.

Изначально Крестный ход проходил по рекам, покуда епископ Вятский Лаврентий не издал указ об учреждении сухопутного пути. С того времени маршрут не меняется и по сей день.

В годы советской власти на крестноходцев обрушивались страшные гонения, вплоть до заточения на каторгу и расстрела. Троицкий кафедральный собор, где хранилась чудотворная икона, был взорван. Образ бесследно исчез.

Но крестный ход продолжался, несмотря на запреты. Люди шли и несли иконы Николая Чудотворца, хотя многие из подвижников подверглись репрессиям.

В 1978 году Великорецкий крестный ход воссоздан в его былом величии. Он ещё известен тем, что сто лет назад от привезённой на Вятскую землю со Святой Горы Афон иконы Богородицы «В скорбях и печалех утешение» произошло множество чудесных исцелений. В благодарность вятичи из-

готовили колокола для русского Андреевского скита на Афоне.

Августовская революция 1991 года дала возможность окончательно возродить древнейшую православную традицию русского народа. В 1983 году, к 600-летию обретения Чудотворного Образа Великорецкому крестному ходу был придан статус Всероссийского.

Лёгких крестных ходов не бывает. Во всём созвездии молитвенных шествий по русской земле – если только они будут истинно покаянными – видится наш спасительный путь. Без этого Россию не возродить и величия её не воссоздать. Благодаря таким крестным ходам, как Великорецкий, Отечество наше всё ещё остаётся одним из островков духовности на планете Земля. Россия есть подножие Престола Господнего. Пока она будет существовать на карте мира как суверенное православное государство, не иссякнет и вера истинная – Православие.

Но крестный ход – это не только – в его классическом понимании – шествие со святынями. Крестный ход проходит каждый человек своей жизнью – угождая Богу, либо отрицая Его. Нет промежуточного звена или – как модно говорить – «золотой середины». Либо ты христианин, либо мракобес. «Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые» [Мф. 7;18].

Свой крестный ход проживает и каждый народ, каждое государство, каждая цивилизация. И в зависимости от того,

угодно ли это Богу или богопротивно, нации и народы возрождались или вымирали, истреблялись; государства становились могущественными или приходили в упадок; империи и цивилизации процветали или рушились и исчезали.

В Боге хранимой стране нашей Российской никогда и ничего не происходило и не происходит того, о чём бы не было сказано во Священном Писании. Но в Евангелии от Луки также сказано: «И от всякого, кому дано много, много и потребуется; и кому много вверено, с того больше взыщут» [Лк. 12; 48].

Когда мы говорим, что у России свой, особый путь, мы исходим из того, что русские – это богоизбранный народ, и мы не можем, не имеем права жить так, как нам заблагорассудится. «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты» [Мф. гл. 26;39].

Кого Господь любит, того и наказывает. Каждый раз, когда в русском народе ослабевала православная вера, Господь Бог попускал очередное искушение, дабы укрепить её в людях.

Не зря символом спасения является крест. Он состоит из вертикальной и горизонтальной его составляющих. И каждая из его составляющих несёт в себе особый духовный смысл.

Если человеком будут двигать только материальные устремления, то это и есть горизонтальная составляющая, то есть движение по кругу. Замкнутый цикл. Тупиковый путь. Такой человек никогда не достигнет духовного совершен-

ства и в конце жизненного пути его ожидает преисподняя.

Вертикальная составляющая животворящего креста – это есть путь к духовному совершенству, лестница от земного к Небесному, стремление уйти от тленного и приблизиться к бессмертному, к Вечности. Недаром все святые, которым человечество поклоняется со времени пришествия в мир Спасителя, выбирали в качестве жизненного преоритета именно духовный путь, вертикальную составляющую креста и достигали Царствия Небесного.

Уход от Православия, стремление обрести земное счастье в материальном, во все века приводили к пропасти гибели. Мы помним историю гибели Западной Римской империи, как только римляне захотели единственно «хлеба и зрелищ». Гибель тысячелетней Византийской империи также стала возможной только после того, как восточные ромеи погрязли в роскоши и отпали от Православия, заключив с католиками Флорентийскую унию и признав каноническую власть папы Римского над православной церковью.

Наконец, гибель Российской империи в XX столетии произошла по той же самой причине – охлаждению к вере и стремлению к роскоши. А титанические усилия большевиков по индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства вкупе с развязанными страшными гонениями на Православие и вовсе привели русский народ к духовному коллапсу и поставили Россию на грань исчезновения.

Если Бог с нами, то какая разница, кто против нас?! Эта

аксиома не нуждается в доказательствах.

Только возвращение к вере православной позволило Святой Руси избавиться в своё время от Ордынского ига. Только неприятие католической веры польских интервентов и избрание на русский престол православного царя Михаила Феодоровича Романова позволило нашей стране преодолеть Великую смуту и стать одной из мощнейших держав на планете.

Наконец, только прекратив гонения на Православную Церковь в России и возвратившись к истокам и корням, Россия смогла одолеть «коричневое» нашествие католической Европы и закончить Вторую мировую войну в Берлине.

В наши дни не утихают нападки как на Русскую Православную Церковь, так и на Православие вообще. «Высочайшее дарование» в нарушение всех канонов автокефалии раскольнической Украинской псевдоправославной церкви Вселенским Патриархом Варфоломеем – это лишь один из эпизодов гибридной войны, развязанной против Православия. Об этом ещё не так давно предупреждали афонские старцы.

Тот крестный ход, который совершила Россия и Русская Православная Церковь в XX веке, несмотря на страшные потери, всё-таки привёл к очищению от скверны и духовному возрождению. И в наши дни, когда открытые гонения на церковь вроде бы прекратились, наступает самое опасное – духовное перерождение. Когда коммерциализация и погоня за количеством будет вредить качеству, а фарисейство подме-

нит собой святость.

И в этой битве за души праведников крестные ходы выходят на первый план, отсеивая случайных «захожан» от истинно православных. Кто не боится «сменить уют на риск и непомерный труд», тот никогда не отречётся от Христа, от созданной Им Православной церкви, от Заповедей Божиих.

Книга «Планета Афон. Крестный ход» как раз о тех, кто верит во Христа не лицемерно, а истинно.

До новых встреч на страницах романа!

Мигель Severo.

Глава I. «Встреча друзей»

Автор выражает искреннюю благодарность доктору исторических наук Винокурову Николаю Игоревичу, кандидату исторических наук Косоруковой Марии Ивановне и Стрижову Юрию Васильевичу за предоставленный обширный материал по истории государства Российского.

Также автор сердечно благодарит фотохудожника Георгия Елади и Владимира Хохлова за любезно предоставленный фотоматериал, используемый в книге.

Жизнь, как движущийся поезд, с остановками, маленькими радостями, большими неприятностями и...

Мы садимся в поезд и впервые там встречаем наших родителей. С ними нам хорошо и безопасно и вначале думаем, что они так и будут путешествовать с нами всегда. И вместе с нами братья и сёстры. Но однажды, на какой-то одной внеплановой остановке, родители сойдут с поезда, и мы должны будем наше путешествие продолжить, но, увы, уже без них.

Всё новые пассажиры будут садиться в поезд: друзья, соседи, знакомые. Если суждено, то там встретим и любовь нашей жизни. Встретим наших детей, внуков, а может и правнуков.

Некоторые будут выходить из поезда, оставляя за собой угнетающую пустоту, а другие – мы даже и не заметим, что их не стало. Это путешествие полно радости, обид, встреч и прощаний. Мы станем успешны, если к каждому будем иметь хорошее отношение, понимая, что мы все разные. С разным уровнем осознания себя.

Самым большим секретом есть то, на какой остановке мы сами должны сойти и когда. Поэтому мы должны жить в чистоте, любить, прощать, просить прощения и обязательно благодарить. И всегда быть в «боевой готовности» покинуть поезд.

Почему?! Потому, что однажды, когда придёт наше вре-

мя и наше место станет пустым – другие займут. Ведь должны же остаться после нас хорошие воспоминания, которые будут продолжать путешествие в Поезде Жизни дальше...

Сначала я хочу поблагодарить всех, кто путешествовал со мною вместе и на своей конечной станции уже сошёл. Благодарю тех, кто со мной дальше путешествует, и буду бесконечно благодарна тем, кто подсядет на следующей станции и проедет со мной до конца.

Я желаю всем нам, чтобы наше путешествие с каждым днём становилось всё более интересным и более осознанным. И чтобы мы всегда имели чистоту помыслов, огонь в Душе, любовь в Сердце, крепкое здоровье в теле, успех, достаток.

Благодарю всех вас, пассажиры Поезда моей Жизни.

Сильные люди знают, как надо правильно жить, даже со слезами на глазах и с улыбкой сказать: «У меня всё хорошо...»

Архангел Михаил видит нашу грусть и говорит: «Тяжёлые времена позади...» Если вы верите в это – так улыбнитесь...

Я всё иду, иду на Свет – хоть путь тернист... И ещё хочу сказать: **«ХОРОШО, ЧТО ВЫ ВСЕ ЕСТЬ!»**

Мария Майор-Килиманн. «Поезд Жизни».

В ожидании прибытия парома «Агио Пантелеимон» встречающие и отъезжающие пассажиры сгрудились возле арсаны, удобно расположившись в тени ангара. Большинство хранило обет молчания, только пожилой долговязый немец что-то еле слышно сообщал своему соседу, при этом жестикулируя, как дирижёр симфонического оркестра.

Сосед его пребывал в полудреме и слушал собеседника, похоже, только из вежливости. Его ковбойская шляпа сползла на самые глаза, прикрывая их от яркого солнечного света.

Двое греческих монахов, облюбовав глыбу из серого гранита, заботливо обточенную морской стихией, что-то читали, периодически осеняя себя крестным знаменем.

Остальные паломники скорее напоминали музей мадам Тюссо – за четверть часа я не заметил даже малейшего шевеления. Да и лица гостей Святоименной Горы были словно восковыми от неповторимого южного загара.

Когда короткая стрелка моего хронометра вплотную вознамерилась указать «час волка»¹, на горизонте обозначилось нечто не вяжущееся с Божиим миром. Гигантскую посудину крикливо сопровождали чайки и альбатросы, перекрывая

¹ «Час волка» – 11 часов пополудни московского времени. Во времена СССР этот час означал начало продажи спиртного. На курантах театра им. С. Образцова в 11 часов появляется волк.

своим гомоном даже шум винтов, шёпот прибора и соловьиные серенады.

В отличие от позавчерашней нелётной погоды нынешний день радовал очередной десант на Афон ярким весенним солнышком, поэтому вся публика собралась на палубе и делала ненавязчивую рекламу своим планшетам, фото- и видеокамерам.

Цейсовский бинокль помог мне разглядеть среди разномастной публики две долгожданные фигуры, резко отличавшиеся как по росту, так и по темпераменту. Тот, который повыше и с окладистой бородой без конца выбирал нужный ракурс и «сочинял» фотолетопись. Другой был резко невозмутим и сохранял олимпийское спокойствие. Оранжевая бейсболка выдавала последний пункт его вояжа – Иерусалим.

Открою интимную тайну: Никита в каждой поездке обязательно приобретал себе бейсболку, и его домашняя коллекция уже зашкаливала за полусотню. Только на Святой Земле он побывал раз пятнадцать, но «ни разу даже глазом не моргнул».

Вольдемар был и в этом отношении прямой противоположностью – никаких коллекций не собирал, зато из каждой поездки привозил по несколько тысяч фотографий, так что вполне можно было сочинять путеводитель, основываясь только на его фотодокументах. Во всяком случае, данное повествование расцвечено картинами Святогорья с его барского плеча.

Должен признаться, меня всякие фотосессии утомляют паче безделья. Ну, так ведь и пчёлы иногда досаждают своей простотой, но без них жизнь мёдом не покажется даже в принципе, тем более, на Земле.

Очертания парома увеличивались с каждой прожитой секундой, и вот уже со снайперской точностью капитан причалил его к арсане. Раскрылся гигантский клюв, и шумная ва-тага бородатых мужей ступила на священный берег.

Те гости, которых встречали, не стеснялись эмоций и тут же утопали в объятиях братьев во Христе. Отъезжающие не заставляли себя ждать и в темпе сиртаки поднимались на палубу.

Всё происходило как будто по писаному сценарию, без какой бы то ни было суеты и суматохи. Афон!

Мои спутники покинули борт одними из последних. Заметив меня ещё на подходе, они не стали пробираться в первые ряды, чтобы не угодить в толкотню, и молчаливо помахивали мне своею десницею. Никита был как всегда молчалив, зато Володя не приминул вскинуть обе руки вверх, сжавши обе ладони в один кулак, а потом, выбросив правую вперёд, подобно супостату, указующему пролетариям верную дорогу, начал нарочито громко и неспешно декламировать стиш собственного сочинения, как бы пародируя В.Маяковского:

Под свист контрреволюционной пули,

*Под грохот канонады тротиловой,
Лицезрею под «люли-люли» берёзку хилую.
Это вам не пальмы заокеанские, не ананасы с бананами.
Слышу словеса, исторгнутые буржуазной будкою:
Па-аду-умаешь, берёзка – дрова! Балалайки с дудками!
Я б волком выгрыз эту мораль, философию гнилую и
узкую.
Наша берёзка – это рояль! Громадный, как и всё русское!*

И так, с поднятым вверх кулаком, Вольдемар прошагал с десяток шагов, пока не протянул десницу мне. Азь недостойный крепко пожал его длань, также крепко сжал губы, помотал подбородком и с пафосом сумел из себя выдать:

– Ну, вы гигант, Холмогоров!

– Дык что я, ви бы пьслушали мьего дружбана, Юру Черепанова, – Вольдемар сделал повелительный жест рукой в направлении «Изумрудного города» и резко скомандовал:

– Ну-ка, встаньте-ка с Никитой, я вас зьпечатлею, – и он прицелился, выбирая ракурс.

Никита, как всегда тихий и немногословный, также протянул мне свою десницу. После крепкого рукопожатия мы также крепко обнялись и по православному обычаю три раза похристосовались. Затем приблизились на десяток шагов к монастырю и замерли в ожидании фотошедевра.

«КЭнон» нашего друга был хоть и не из разряда «навороченных», фотографии на нём получались весьма недурственные. К тому же гигант Х-в снимал всё подряд, направо

и налево, поэтому повторюсь: по его фотолетописи можно было вполне написать сносный романчик, даже не ощутив присутствия собственными глазами.

Ласковое южное солнышко понемногу начало превращать наши спины в жаркое, тем не менее мы не торопились скрыться от его навязчивых лучей под сень буйной растительности или каменной симфонии пантелеймоновых стен.

Всё ещё расточая эмоции, мои попутчики явно не спешили воспользоваться гостеприимством афонских братьев, несмотря на то, что все вновь прибывшие уже скрылись в архондарике и занялись мирским попечением. Нас же переполняла радость от встречи и надежда на то, что земные заботы никуда не денутся.

Таки на самом деле – куда они денутся? Не медведь, *sin embargo*², в лес не убегут, да и толкотня в очереди нас не особо прельщала. Поселимся – на улице, поди, не оставят.

И тут же поймал себя на мысли, что только вчера вечером исповедовал свою гордыню и вот на тебе – опять за старое. Видно пословица не зря молвится: горбатого могила исправит. Придётся, как ни крути, видимо, сегодня опять идти исповедоваться, и так, вероятно, до самой могилы. Каждый день...

С кем поведёшься, с тем и наберёшься. А водился азь недостойный все последние годы как раз с моими дорогими и незабвенными попутчиками. Изъездили мы с ними почти

² Sin embargo (исп.) – однако.

всю Европу, обошли пол-России крестными ходами и везде полагались на волю Божию.

В этой связи вспоминается наше первое с Володей совместное паломничество к Терновому Венцу Спасителя, который хранится в Париже, в знаменитом Нотр-Дам де Пари.

Случилось это в «гламурные» нулевые годы, когда жизнь казалась малиной. Впрочем, так оно и было, ведь малина – самое лучшее слабительное средство. Если в ней сидит медведь...

Нам с Вольдемаром подобная развязка не грозила, он был успешным бизнесменом, а ВПС строил грандиозные воздушные замки для приведений, что по тем временам было делом очень даже востребованным. Романтики ще не вмерли, а прагматики только постигали сию науку в своих гарвардах, оксфордах и принстонах. Зелёные фантики с портретами заокеанских президентов только-только начали уступать геополитическое пространство нововведённой европейской валюте, а Саддам Хусейн, явно поторопившись с приоритетами, испытал «шок и трепет» от своих бывших покровителей, благополучно «примерил столыпинский галстук».

Но нас политика интересовала в дозированных пропорциях, лишь постольку-поскольку Париж облюбовали многочисленные арабские мигранты, превратив его во второй по величине мусульманский город планеты после Каира.

Шутка, конечно, но в каждой шутке, как известно, есть доля шутки. После посещения Монмартра желание шутить

улетучивается подобно запаху Chanel в курительной комнате.

Хотя с незапамятных времён все путеводители и рекламные проспекты воспевают это место как самое романтическое и живописное в Париже. Видимо им за это хорошо приплачивают, потому что второго такого злчного, криминального и неуютного района во французской столице вряд ли можно найти.

Неспроста «mons martyr» в переводе «гора мучеников».

В годы правления римского императора Траяна Деция холм был местом казней православных христиан, нередко сопровождавшихся чудесами. Как тут не вспомнить первого епископа Парижа Дионисия, который после казни взял отрубленную голову в руки, омыл её в источнике на склоне холма, и только дойдя с ней до храма, пал замертво.

В нынешнем веке мучениками вполне можно считать многочисленных паломников, потому что они, как правило, не из олигархического сословия, хотя нет правил без исключения.

Вот и мой брат во Христе излишним смирением не страдал, поэтому доброго совета знающих людей не послушал. А зря.

Мне-то, по большому счёту, терять было нечего, если только жизнь, аще убо за воздушные замки и платят воздухом. А Х-в потому и гигант, что решил скупить Монмартр

оптом, понеже цены здесь просто заворачивали. Нет, чтобы вспомнить пророческие слова Александра Пушкина в знаменитой «Сказке о попе и работнике его Балде», таки ещё и торговаться начал!

По закону Архимеда, если в одном месте убыло, в другом обязательно прибудет. А следуя арабской пословице, если утром дурак идёт на рынок, то вечером умный будет при деньгах. Своего братана я бы даже в бреду к дуракам не отнёс, вот только был уже вечер, скорее даже ночь. А в это время на Монмартре и с огнём не сыщешь представителей богемы, коих несть числа тусуется в этом живописном уголке Парижа. К ночи же на узеньких кривых улочках можно увидеть лишь горы мусора и обилие красных фонарей.

Знаменитая Place Pigalle, где сосредоточены кабаре, ночные клубы и прочие «весёлые» заведения типа Moulin Rouge³ также расположены неподалеку от «горы мучеников».

Вот где раздолье для местной мафии! Любой более-менее прилично одетый гражданин сразу становится их потенциальной – а иногда случается, что и реальной – жертвой.

Поначалу меня поразила не только приветливость продавцов – это присуще большинству восточных торговцев, – но и поразительная уступчивость. Сколько раз удивлялся на рынках Египта, Турции, Сирии и других мусульманских стран,

³ Moulin Rouge (франц.) – знаменитое кабаре «Красная мельница». По праву считается лучшим борделем Парижа.

насколько щепетильно они торгуются за каждый цент, а тут продают, чуть ли не бесплатно, лишь бы заглянуть в содержимое твоего портмоне. И вот тут-то начинается самое интересное.

Цену сбавляют до таких параметров, чтобы клиент захотел купить всё подчистую. Но в желаемом количестве данный товар, по понятным причинам «отсутствует». Зато «точно такой же» есть в соседней лавке, которая расположена так, что покупатель уже «на мушке». За ним увязывается «хвост», который передаст его следующим «друзьям», что в конечном итоге может закончиться весьма печально.

«Хвостатые» человеки, как мне подсказывает интуиция, —

это те, чьи предки произошли от обезьяны. Во всяком случае, так трактует лучшее в мире бесплатное советское образование. И вот эти сведомые млекопитающие оказываются в свободной стране, да ещё и среди халявы! А сколь советскому человеку ни тверди «халва», всё равно для него халява слаще.

И всё же умные люди настоятельно не рекомендуют забывать, что бес платит за сыр, который только в мышеловке. А наступление времени этой мышеловке захлопнуться знают лишь Небесный Отец и «крестный отец» местной мафии.

Когда азь сведомый почувствовал трогательную заботу о нас грешных со стороны трёх лиц арабской национальности, первое, что я вспомнил из рекомендации моего наставника, это никоим образом не подавать вида, что ты обнаружил «хвост», и вести себя как можно более естественно.

Хорошо бы закурить, да сие занятие в наступившем тысячелетии меня уже не прельщало. А как ещё можно успокоить взбудораженное сердце, прыгающее как сторонники евроинтеграции на Майдане? Только усердной молитвой. Хотя инструктор мой, Царствие ему Небесное, был махровым атеистом, сие действо I'm освоил уже без его чутких рекомендаций.

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго». «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, ради Пречистыя Твоя Матере и всех святых, помилуй мя грешнаго». «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий...» – молитва

выступала на моих устах подобно испарине на спине, даже помимо моей греховной воли. Но тени в грязных футболках и дешёвых джинсах всё равно не отпускали нас ни на шаг, лишь иногда передавая нас таким же неумытым гастарбайтерам Пятой республики.

И тут Сам Господь подсказал мне гениальный ход!

Достав фотоаппарат, я стал направо и налево фотографировать архитектуру Монмартра, а заодно и зловещие фигуры, висевшие у нас на хвосте. Те немного заменжевались, но тут же, слегка испугавшись, нырнули в дверь близлежащего магазинчика.

Следуя очередной инструкции, азъ догадливый затащил моего попутчика во второй по счёту магазинчик в левом проулке.

Это была сувенирная лавочка, и хозяйкой оказалась, на наше счастье, симпатичная молодая француженка, довольно сносно понимавшая по-испански. Чтобы не вызвать подозрений, мне пришлось купить у неё брелок с изображением Эйфелевой башни, а Володе пивную кружку. Но всё внимание моё в это время, естественно, было обращено на «хвост».

Так и есть: «тени» самую малость подёргались по «улочке д'Артаньяна», потом заглянули в соседнюю лавчонку, первую по ходу и, не солоно хлебавши, возвратились на исходные позиции, чтобы выслеживать новую жертву.

Вольдемар, надо отдать ему должное, хоть и ничего не заметил, но и не стал упираться, как пень, а моментально сле-

довал за мной. Только когда вышли на улочку, я ему подсказал, что его трогательная любовь к халяве рано или поздно укоротит его на голову.

А с Монмартром пора бы попрощаться, если не хотим возвратиться домой налегке, а то и с петлёй на шее. Можно приехать в Париж ещё разочек, а то и два не помешает, тогда уже с более многочисленной группой гуляй хоть целый день и скупи всё подчистую. А пока лучше унести ноги. И головы.

Карты у нас с собой не было, навигаторов в те времена у паломников не существовало, но заблудиться на Монмартре, равно как и в Старом Таллинне, невозможно по определению. Дело всё в том, что «мне сверху видно всё»; отсюда весь Париж как на ладони. Поэтому мы всё же не отказали себе в удовольствии насладиться французской стариной по полной программе.

Страх уже улетучился, как пчелиный рой по вектору штормового ветра, главное было не повторить ошибку с халявой. Но не для моего незадачливого попутчика. Коммивояжёр определённо в нём брал пальму первенства над паломником и даже просто созерцателем, каким был азъ безсребреник (в кармане).

Создавалось ощущение, что это Железный Дровосек, покинувший Изумрудный город и прибывший в город каштанов и шансона, где в каждом магазине находится многоваттный электромагнит. Его так и тянуло в каждую дверь, причём это даже любопытством нельзя было назвать, скорее гор-

дыня, что, согласно Священному Писанию, есть грех самый тяжкий. Мне пришлось пару раз прибегнуть даже к повышению голоса, держа в уме первый разряд по боксу. Таким образом, вопрос коммерции был закрыт, и мы возвратились к первоначальной теме.

Рассказывать о Монмартре можно до Второго Пришествия, ограничусь лишь несколькими фразами. Холм до сих пор считается планктоном парижской богемы. Было время, когда это свято место облюбовали Сальвадор Дали, Ван Гог, Пьер Огюст Ренуар, Амадео Модильяни, Пабло Пикассо и другие не менее известные адепты кисти и холста. Но нам тот день не встретились в не только Рафаэль или Брюллов, но и те творцы, кто от слова «худо».

С упорством, достойным гораздо лучшего применения, всё те же лица цвета шоколада наперебой старались впарить нам дешёвые поделки или жареные каштаны, собранные, по всем вероятностям на той же Plase Pigalle. И хорошо, если продавец хотя бы разок в наступившем тысячелетии помыл руки.

Исходив, таким образом, весь островок средневековья, мы поднялись на самую высокую точку холма, где возвышается видимая из любого района Парижа величественная базилика Сакре-Кёр. Воистину, это та видимая часть айсберга, которая ещё не потонула в океане грехов и пороков, захлестнувшего Монмартр. Здесь ещё теплится искра Божия, которая не позволяет окончательно превратить эту святую землю

в Содом с Гоморрой.

Базилика Святого Сердца Иисусова (как переводится Сакре-Кёр) была построена благодаря обету двух ремесленников Александра Легентия и Рауля де Флереи. Они поклялись возвести храм, умоляя Бога спасти Францию от разрушения во время франко-прусской войны и Парижской Коммуны. В июле 1873 года Национальная Ассамблея постановила построить собор на вершине Монмартра, чтобы он стал памятью о горе, которое претерпела Франция, и жертвах тех страшных лет.

По окончании войны не только ремесленники, давшие обет, жертвовали крупные суммы на строительство базилики, была объявлена подписка среди всего населения Франции. 16 июня 1885 года президент Мак-Магон заложил первый камень в её основание. При закладке первого камня, в грунт холма был положен также бронзовый медальон «Франция преподносит Христу монмартрскую базилику», пергамент с протоколом церемонии основания базилики и ящичек с французскими медалями.

Открытие церкви состоялось в 1919 году.

Высота Собора Сакре-Кёр равна высоте Монмартра. На колокольне висит самый большой колокол из известных в мире – девятнадцатитонный «Савояр», отлитый в 1895 году.

Перед собором высятся две пятиметровых конных статуи скульптора Х. Лефевра – Святой Людовик и Жанна д'Арк. У подножия базилики расположена единственная бесплат-

ная смотровая площадка, с которой открывается неповторимо чарующий вид на город.

Войдя в собор, мы поразились его внутреннему убранству, росписям, мозаикам, а также поистине божественному звучанию органа.

Недалеко от Сакре-Кёр притаилась средневековая церковь Сен Пьер, органично вливаясь в завораживающую симфонию камня и чугунного литья, сдобренную светом ажурных фонарей.

Но что-то мы увлеклись городом богемы и каштановой листвы, Железному Дровосеку пора возвращаться в Изумрудный город. Гордыня его с тех пор заметно поубавилась, но заметно сие лишь при жутко ненастной погоде.

Если светит солнышко, как в день прибытия его на Святую Гору, Наполеон со своими планами «чистит мундир».

С места в карьер брат Владимир стал расписывать маршрут путешествия по часам и минутам. При этом напрочь забыв, что нас, на секундочку, ещё не поселили и неизвестно, поселят ли вообще. В моём пророческом предвидении, как оказалось, была доля истины, понеже всем здесь управляет Богородица.

Однако чтобы понять сию истину, нужно подвизаться на Святой Горе не один день, а то и не один год. Володимер хоть и не в первый раз паломничал здесь, гранит такой сложной науки оказался ему явно не по зубам.

Никита же, дабы не прибегать к услугам стоматолога, за

всё время не проронил ни единого слова, если не считать ценных указаний своей многочисленной армии поклонников цветочного бизнеса. Мобильный телефон в его руках уже раскалился докрасна, а может это просто солнце отражалось в его экране. Но создавалось ощущение, что он уже дымится от напряжения.

Традиционное «алё-алё» свидетельствовало о том, что Никита обзванивал все свои не шибко многочисленные торговые точки с целью получения коммерческой информации.

С ним мы познакомились несколькими годами ранее, также в мае месяце и не где-нибудь, а на Святой Земле. Причём, когда наша группа покидала Второй Иерусалим, чтобы поклониться Первому, также был проливной дождь, и мы все боялись, что рейс отложат, а то и отменят вовсе. Только Ники был аналогичным образом невозмутим. Его традиционное, также как и сейчас, «алё-алё» сопровождалось весёлыми шуточками паломниц, которых это не просто забавляло, но и отвлекало от навязчивых мыслей. После чего Никита открыл Псалтирь в кожаном переплёте, привезённую как раз со Святой Земли, и углубился в сугубую молитву.

Помню, тогда у меня создалось впечатление, что он единственный из всех твёрдо верит, что вскоре мы очутимся во Святой Земле. Даже отец Андрей, духовник нашей группы, и тот был в растерянности, уже высказал все слова ободрения и не находил новых.

Ожидание длилось где-то, наверное, третий час, но обна-

дѣживающей информации всё никак не поступало. Припасённые – по старой советской привычке – сухпайки кое-кому реальногодились. Трапеза под крылом самолёта вполне могла состояться «после дождичка в четверг», а неделя только начиналась. Вѣдро не шибко спешило на наш огонёк, цены же в буфете кусались паче западносибирского гнуса.

После прочтения девяностого псалма Никита вынул из баула пакет с кедровыми орешками, и тут я почему-то прикинул, что он не москвич. Со стороны поглядеть – он не имел в себе ничего примечательного. Не знаю почему, но мне представилось, что он откуда-то с Крайнего Севера или Сибири, где нравы всё ещё примитивно просты и не искажены лицемерием.

Что ни говори, а совмещать вкушение пищи телесной и духовной у меня не получается даже в монастыре. Может быть, поэтому разведчик из меня реально вышел, а вот войти обратно так и не сумел, аще убо не умею делать одновременно взаимоисключающие друг друга вещи. А надо бы уметь...

Трудно подобрать слово, которое смогло бы в точности выразить, что я тогда почувствовал, глядя на него: Никита был как бы один, но не одинок. Складывалось ощущение, что хотя он сосредоточил внимание на хлебе насущном, но пребывал в положении человека, беседующего с Господом за чашкой чая.

Если в чём другом ещё могло возникнуть сомнение, то здесь у меня не проскальзывает даже подобия на усмешку.

Никита составил многозначительное выражение на лице, будто доказывал теорему о несовместимости кислого с пресным. Что тут непонятного, спросит дотошный читатель? Отвечу: для меня тоже когда-то лучшим обществом было одиночество, но в те наивно-счастливые годы мне было ещё невдомёк, что такое пребывать наедине с Богом, какая это всё же благодать!

Вздремнуть у меня не получалось, а бесцельное пребывание в аэропорту всегда вызывает негативные эмоции. Поэтому мне больше ничего не оставалось, как обратиться к Иисусовой молитве. «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго». «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, ради Пречистыя Твоя Матере и всех святых, помилуй мя грешнаго». «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий...»

Вот уже вторая, третья, четвёртая сотня обращений ко Всевышнему покинула мои уста, а за окнами, хоть и менее неистово, но всё ещё бушевала стихия.

Когда же Никита, дочитав последнюю кафизму, захлопнул Псалтирь, непогода как-то враз стихла, небо прояснилось, и фианитовые капли на стёклах аэропорта заслезились всеми цветами солнечного спектра.

«Пророк», – промелькнуло в моём воспалённом мозгу.

Группа наша во мгновение ока приободрилась от спячки. Отец Андрей начал что-то оживлённо говорить, и тут мы услышали долгожданное объявление, что «посадка на рейс такой-то будет производиться...»

Как же тяжело было разгибать свои затёкшие после долгого ожидания конечности! И лишь один наш герой вскочил, будто ужаленный пчелой, подхватил свой нелёгкий баул словно барсетку, и танцующей походкой пингвина заспешил к стойке регистрации на посадку.

В салоне «Боинга» наши места соприкоснулись, но мой визави не торопился осчастливить меня байками о своём прошлом и будущем и даже не спешил просто познакомиться. Чинно упрятав свой баул на полку, ещё до взлёта он погрузился в летаргический сон, да так, что рёв турбин не поколебал ни одного мускула на его щетинистом лице.

Слава Богу, что моё место оказалось скраю, потому что регулярное посещение «сектора газа» для моего не слишком здорового организма – вовсе не прихоть, а результат продолжительного походно-палаточного существования дней минувших.

Вот уже погасло световое табло, и длинноногая бледнолицая стюардесса начала раздавать страждущим пассажирам горячительные и прохладительные напитки. Когда тележка «бросила якорь» возле наших кресел, во мне начали бороться два чувства.

С одной стороны, уснувший паломник имеет полное право воспользоваться навязчивым сервисом, с другой – кто способен разбудить спящего, тот способен на любую подлость. И как тут быть?

Обращаться ко Господу в подобной ситуации – не тот уро-

вень проблемы... Но после первых же заботливых слов бортпроводницы мой сосед резко очнулся, будто и не спал вовсе, хотя лично у меня в этом не было ни малейших сомнений.

Симпатичную девчушку, недавно перешагнувшую за порог совершеннолетия, сидевшую у окна и зачарованную открывавшейся панорамой, это даже слегка развеселило. Тихим голосом она попросила апельсиновый сок, смерив нашего соседа оценивающим взглядом.

Я же подобных метаморфоз в своей биографии насмотрелся по самые конечности, поэтому особых эмоций не проявил. Однако, неординарные личности во мне всегда вызывают некоторое желание с ними познакомиться поближе. Тем более что предстоящую неделю всё равно будем рядом.

– Сударь, Вы какое вино предпочитаете в это время суток? – этот вопрос мой наставник в разведшколе называл палочкой-выручалочкой. И действительно, ещё ни разу с ним не было не только проколов, как правило, собеседник или собеседница сразу располагались к разговору.

– «Киндзмараули», – моментально ответил мой визави.

– Жаль, а я предпочитаю «Вдову Клико». Но не вино, а живую-здоровую и в пеньюаре.

Девчушка у окна серебристо захохотала, а у соседа даже не шевельнулась ни одна морщина на лбу. Степени его серьёзности можно было позавидовать. Или степени полного отсутствия чувства юмора. Но если у человека нет чувства юмора, то, по крайней мере, у него должно быть чувство, что

у него нет чувства юмора. Но и это не проявлялось в видимых эмоциях.

Стюардесса, меж тем, стараясь подавить нахлынувшее желание сократить диафрагму с короткими выдохами через рот, понеже находилась при исполнении, и архитерпеливо ожидала нашего решения. Чтобы разрешить тягучую проблему выбора между белым и красным вином, Гm взглянул на часы: чёт – белое, нечет – красное. Но и здесь меня ждало разочарование – минутная стрелка показывала аккурат на «шестёрку». Что ж, значит так тому и быть.

– Будьте так любезны, красного и белого, мне и господину, – Гm указал рукой на соседа.

– И сок вишнёвый, – поторопился добавить он, нехотя раскладывая откидной столик.

Тележка покатила дальше, а господин Пророк раскрыл свой баул и вытащил на свет Божий небольшую коробочку с шоколадным ассорти. «С таким попутчиком и в разведку не страшно пойти», – и пока я так думал, мой брат во Христе любезно угостил соседку слева. Наташа – так звали красавицу, – вежливо поблагодарила, но со второго раза всё же приняла угощение.

– За что пьём? – это уже относилось ко мне, и вежливый господин поднял стаканчик.

– За знакомство, естесьсно. Мигель, – я протянул брату во Христе свою десницу.

– Никита, – представился он, и мы обменялись крепким

мужским рукопожатием.

«Белые начинают и выигрывают», – почему-то подумалось мне, когда уже встал выбор с какого вина начать. Обычно всегда начинаю с самого слабого, ибо идти на понижение – верный шанс проснуться наутро с тяжким похмельем. Здесь же оно нам не грозило по той простой причине, что разницы в градусах между вином и соком мы не ощутили. А раз хода нет – ходи с бубей. Оценив «букет душистых прерий», мой собеседник проявил инициативу.

– Ты уже бывал на Святой Земле? Бери жоголяд, – он протянул мне коробочку с ассорти.

– Gracias, amigo⁴, – ваш покорный с удовольствием угостился забавным шоколадным медвежонком. – К сожалению, премьера. Сколько уже святых мест исходил и объехал, а во Святую Землю до сих пор как-то не сподобился. Видимо не готов ещё. А ты уже бывал там?

– Конечно! – Никита чуть не выпорхнул из своего кресла. – Сколько раз! Благодатный огонь только пять раз встречал в Храме Гроба Господня, а ещё два раза попасть не сумел.

– А сам-то откуда будешь? Неуловимые признаки выдают в тебе немосквича.

– Интересно какие? – Никита сдёрнул с себя налёт безразличия и обратил на меня взор.

– Тебе как, от «а» до «я» или...

⁴ Gracias, amigo (исп.) – спасибо, друг.

– Или, – Никита был категоричен, стало быть, деловой человек. А деловые люди мне всегда импонировали своей немногословностью и умением находить выход даже из аховой ситуации. И ещё завидным хладнокровием и способностью расположить к себе собеседника.

ВПСлуга предложил смочить гортань «за милых дам», Никиту долго упрашивать не пришлось, и мы сделали ещё заход по глоточку. Зацепив шоколадного зайчонка, я продолжил:

– Начать с того, что ни разу не встречал москвича, который бы засыпал под рёв турбин да ещё без снотворного. Или усыпляющего. Твоим нервам позавидует даже статуя Аполлона.

– Сибирский воздух к тому располагает, – как оказалось, я был недалёк от истины, мой брат во Христе действительно обитал за Уралом. – А за окнами моей фазенды кедры растут, что говорит о кристально чистой атмосфере. К тому же дом мой из лиственницы построен, а внутри кедром отделан. Я вообще в железобетонных бараках жить не могу...

– Это ты чудно подметил, насчёт бараков. Я как-то не думал...

– А как же их ещё называть? В доме должен быть один хозяин, а «дом, разделившийся сам в себе, не устоит» [Мф. 12; 25]. Если много хозяев, то это уже анархия. И потом, если человек от земли оторвался, то он по факту перестаёт быть патриотом, становится космополитом. А потомки его из лю-

дей превращаются в человекоподобных млекопитающих.

– Что-то ты уж больно круто... Хотя... Я с тобой полностью согласен. Здравомыслящие люди при первой возможности стараются приобрести свой участочек и домишко слепить. А на старости лет таки вообще уехать из мегаполиса и на земле поселиться. Моя жизнь тоже по большей части в своём доме протекала, но для детей в провинции возможностей значительно меньше, к тому же склоки начались с родственниками из-за дома, короче получили мы стойло в многоэтажном бараке, да так до сих пор из него выкарабкаться не можем.

– Ну что ж, тогда есть повод повторить по глоточку, – Никита торжествующим жестом поднял свой импровизированный фужер и пригласил меня соединить сосуды.

Мы освежили гортань и продолжили знакомство.

Сколько живу на этом свете, столько раз подмечал, что бытовая тема как-то сразу занимает первенство в разговоре людей с неустроенной личной жизнью. У кого быт налажен, семейные проблемы отсутствуют, те обычно любят порассуждать об искусстве, спорте, на худой конец о героях сериалов.

Политика больше волнует бизнесменов, чьё благополучие напрямую зависит от курса мировых валют. А те, кому пересекать кордон приходится разве что во время отпуска, да и то не всегда, чаще всего говорят о шмотках, автомобилях и косметике.

На безымянном пальце у Никиты я не обнаружил даже намёка на рыжий металл, хотя и сам ходил в своей жизни окольцованным всего полчаса, пока отмечали в ЗАГСе торжественное событие, именуемое бракосочетанием.

Должен признаться, что не все равнодушно отнеслись к моему жесту доброй воли. Пришлось не шибко просвещённым поведать историю о том, как один мой приятель зацепился кольцом за борт грузовика и таким образом потерял две фаланги безымянного пальца. После услышанного публика уже не высказывалась громче обычного о своём понимании верности и чести, которое, по их мнению, олицетворял этот амулет.

Моего новоиспечённого брата во Христе счастливый брак обошёл стороной, ачесть и не так, чтобы счастливых, по большому счёту, не состоялось.

Были у него свои маленькие радости, но большую радость он не сумел доставить никому. Почему он не сумел найти свою вторую половинку, Никита не стал посвящать случайного попутчика, однако много позже мне удастся выяснить столь нетривиальную причину. Немного позже и расскажу вам о ней.

А пока наш полёт продолжался на высоте десять с половиной тысяч метров и со скоростью девятьсот километров в час.

За окном иллюминатора показалась безбрежная гладь Чёрного моря, и мой сосед приковал свой взор к открывше-

муся пейзажу. Это дало мне возможность разглядеть его по-внимательнее, и я постараюсь максимально подробно написать его портрет.

Гренадерским ростом Никита похвастаться не мог, зато физические кондиции могли дать фору даже начинающим культуристам. Под футболкой с изображением чернеца Пересвета во время его битвы с Челубеем, довольно рельефно проступали накачанные бицепсы. Ноги его в изрядно потёртых джинсах не находили себе места, а это первый признак отменного здоровья.

Красивая борода, колечком опоясавшая ротовую полость с не ведающими кариеса зубами, и сливающаяся с поседевшими бакенбардами, придавала лицу мужественное выражение, и в то же время подчёркивала благочестие. Морщины, разрезавшие широкий лоб и подчеркивавшие скулы, говорили о его задумчивом характере и недюжинном интеллекте. Чуть раскосые с едва уловимым прищуром глаза цвета лазури и расходящаяся веером паутина морщин на висках обозначали завидную проницательность и непадкость на слухи и сплетни.

Широкий прямой нос, немного подпорченный врагами отечества, намекал на неуступчивость и незначительное, но всё же упрямство своего господина. Плещма косая сажень и руки золотых дел мастера, умеющие при необходимости собираться в крепкие кулаки, дополняли это качество зѣло наглядно.

Редкие седые волосы, обозначившие причудливый чуб на широком лбу, выдавали в нём то ли холодного философа, то ли горячего адепта православной веры.

Сразу хочу отметить, что я не Рембрандт и не Валентин Серов, они бы написали не просто портрет, а шедевр. А всё, что ещё могу добавить к вышесказанному, это факт, что Никита в своей жизни перепробовал множество профессий, пока не остановился на цветочном бизнесе.

Последнее десятилетие этот род деятельности приносил ему гарантированный доход, почти как барону Мюнхгаузёну, родившемуся заново садовником Мюллером. Но если с бароном дворянская кровь сыграла злую шутку, то amigo mio⁵ делал своё дело честно и добросовестно, а излишним честолюбием отнюдь не страдал. Стреляться на дуэли из-за роковой красавицы он вряд ли бы стал, поэтому, видимо, даже на шестом десятке был один-одинёшенек.

Пока Никита с пряным удовольствием рассматривал морской пейзаж, азь нелюбопытный успел посетить «Wi-Fi» и с видимым облегчением приготовился вкушать заслуженный обед.

Стюардессы уже продвигались с нагруженными под завязку тележками в первые ряды, что вызвало заметное оживление в салоне. У нас же ещё оставалась в фужерах недопитая терпкая влага, а это требовало скорейшего исправления создавшегося положения. Никита в отношении говорить тосты

⁵ Amigo mio (исп.) – спасибо, друг.

был не мастак, поэтому предоставил мне полнейшую инициативу.

– Предлагаю этот тост за святую великомученицу Агнию, Римскую деву!

– А почему вдруг за неё? – Никита был немного ошарашен, видимо никогда слыхом не слыхивал об этой святой. Ачесть по его роду деятельности можно было и поинтересоваться.

– Тёмный вы, сударь, как лошадь у Казбича. Святая Агния – Небесная покровительница садоводов и молодожёнов! По-моему, для тебя и то, и то актуально. Или я ошибаюсь?

– Да нет, не ошибаешься. А ты что-нибудь знаешь про её житие? – Ники слегка пригубил вино и устремил на меня пристальный взгляд в ожидании сенсационного познания.

– Святая Агния родилась в Риме в конце III века от благочестивых родителей и, получив христианское воспитание, решила посвятить себя девственной жизни.

Будучи в тринадцатилетнем возрасте, девица получила предложение от сына префекта Рима, но отказала ему. Тогда префект Симфроний повелел подвергнуть святую деву поруганию, обнажить и отправить в блудилище за хулу на языческих богов.

Но Господь не допустил её бесчестия: у неё на голове мгновенно выросли густые и длинные волосы, скрывшие тело от нечестивых взглядов. Ангел Божий встретил её и покрыл блистающим сиянием, что всяк был ослеплён, лишь

посмеив взглянуть на деву с вождедением.

Нечестивый сын префекта, лишь едва дотронувшись до неё, пал бездыханным, но по горячей молитве святой Агнии моментально был воскрешен и тут же уверовал во Христа. А одновременно с ним крестились ещё сто шестьдесят человек, и все они были впоследствии обезглавлены язычниками.

Агнию бросили в костёр, но по молитве святой огонь погас, и после этого её умертвили ударом меча в горло. Святая дева-мученица была похоронена родителями недалеко от города.

Через много лет дочь Константина Великого Констанция исцелилась на гробе святой Агнии от тяжелой болезни, и в благодарность повелела возвести храм на площади Номентана, на месте усекновения святой мученицы.

Впоследствии там возник девичий монастырь. В этой обители сложилась традиция: инокини выращивают агнцев, ткнут из их шерсти облачение и каждый год в день поминовения святой Агнии преподносят его в дар папе Римскому.

– Так она что, католическая святая? – недоумение слегка перекосило лицо Никиты.

– Это случилось в триста четвёртом году, во времена правления Диоклетиана. В то время Церковь ещё была единой, поэтому святая Агния равно почитается как православной, так и католической церковью, – мой ответ успокоил собеседника, и он величаво поднял фужер.

– А когда день её памяти, ты знаешь?

– Двадцать первого января по византийскому календарю или третьего февраля по-нашему.

– Как раз накануне сенокоса, надо будет взять на заметку, – Ники записал на телефон.

– Какого сенокоса? Сибирь что, страна вечного лета?

Никита чуть-чуть раздвинул в улыбке свои тонкие губы, а глаза просто искрились от смеха.

– Сенокосом я называю дебильный маятник: день самца – день самки. Когда у меня день год кормит. А ещё четырнадцатое февраля – день нетрадиционной ориентации. Тоже хватает сумасшедших, когда чуть ли не сносят цветочные киоски. Только держись! Вот и держусь.

Нетрадиционный юмор моего визави вызвал во мне небывалый подъём настроения, понеже вот уже много лет все эти пережитки советского идиотизма вызывают у меня архинегативные эмоции, но придумать им достойное название до сих пор не удавалось. Или просто лень было. А тут с места в карьер!

Я мысленно воздал благодарность Всевышнему за такого попутчика, с которым не только не соскучишься, но и обрящешь «полцарства за сюжет». Ведь все наши беды происходят из-за того, что пока мы чувствуем себя слишком как дома, пока не возникнут неразрешимые проблемы, мы не ценим дарованных нам попутчиков.

Лишь когда известная птица клюнет в известное место, мы вспоминаем о них, к тому же забывая благодарить.

Никита на моё скромное «ха-ха» отреагировал таким же скромным немым вопросом, будто сообщил общеизвестную многократно повторяющуюся истину. А убелённый сединами кент вдруг проявляет поистине младенческую наивность, даже как-то неловко получается.

Он слегка поменял позу, в чём, при его кипучей энергии, была регулярная необходимость, и решил восполнить мои пробелы в знаниях по истории отечества и его вооружённых сил.

– Ты считаешь, что день дезертира достоин более красноречивого названия? – начал он.

– Просто как-то не задумывался над этим, – я слегка пожал плечами и сделал губёшки бантиком. – Когда служил, тогда был просто повод для пьянки и лишнего выходного, а позже мне были настолько параллельны все эти выдуманные праздники...

Другое дело Пасха или Рождество – ни один православный человек не может остаться безразличным...

– То-то и оно. А какой повод для *этого* шабаша? Еврей создал банду для войны с русским народом? Сам как думаешь, разве за прошедшее тысячелетие некому было Русь защищать?

– Я так не думаю! – Мой ответ прозвучал как выстрел, Никита даже зажмурился.

– Вот видишь. То есть это прямой намёк на отрицание тысячелетней истории России. Как будто история началась с

октябрьского переворота, а раньше на одной шестой части суши жили только медведи и аисты. А в октябре семнадцатого аисты принесли младенцев, – секса-то не было, – и появилось первое в мире социалистическое отечество, которое потребовалось защищать от всего мира. Можно подумать, раньше защищать Россию было необязательно.

– Должен с прискорбием констатировать, что твоими устами глаголит истина. Аминь.

Я поднял свой *la copa del vino tinto*⁶ и предложил тост за славное русское воинство. Никита с огромным воодушевлением поддержал мой благой порыв, и вот уже наши одноразовые *copas*⁷ ополовинились ещё на один глоток. Шоколадные ассорти также неумолимо сокращались.

– Вот, что меня поражает, – продолжал мой новоявленный братишка, – не то, что день национального позора сделали праздником, а та дьявольская хитрость, с которой это обыгрывается. Казалось бы, что в этом плохого, что народ почитает своих защитников? Вопрос весь в том, в честь какого события устанавливается тот или иной праздник.

Православные праздники понятно, все они в честь дня представления пред Господом того или иного Угодника Божия. Я не беру Дванадесятые праздники, здесь поминаются события Нового Завета, связанные со Спасителем или Богородицей.

⁶ Copa del vino tinto (исп.) – бокал красного вина.

⁷ Copas (исп.) – бокалы.

Но и память основных событий российской истории также связана или с грандиозными победами русского оружия над супостатами, или, скажем, с основанием Москвы, то есть Третьего Рима; Санкт-Петербурга; других городов. Но чтобы праздновать день разгрома под Аустерлицем или при Цусиме...

До такого кощунства ни один русский царь никогда бы не додумался. Только *большевики* на такое способны.

Мне ничего не оставалось, как молчать в три погибели.

Когда-то я злѣо гордился своими сногшибательными познаниями по истории и победами почти на всех школьных олимпиадах. Но то были другие годы, то было в другой стране, при другой социальной системе. Впоследствии оказалось, что все сферы жизни незыблемой конструкции нашего социалистического отечества были насквозь пронизаны ложью и мифами.

Пока из кормушки, наполненной за счёт ограбленного народа, раздавались щедрые подачи верноподданым нукерам, вопросы о «правильности» генеральной линии КПСС и советского правительства возникали лишь у диссидентов.

Но как только «стало нема золотого запасу», так сразу «хлопцы стали разбегаться в разные стороны». В основном в Израиль и за океан.

Колхозы моментально перестали приносить «рекордные» урожаи, гиганты советской индустрии за неимением заказов в условиях жѣсткой конкуренции, стали один за другим за-

крываться и перепрофилироваться на выпуск несвойственной продукции, следствием чего стала массовая безработица. Коллапс экономики не заставил себя долго ждать.

История – не уличная девка; это наука, а не идеология.

Пока в Стране Советов существовала одна политическая сила – нерушимый союз коммунистов и беспартийных, все попытки донести истину до сознания людей натыкались либо на бюрократические препоны, либо на лишение свободы, а то и жизни. Руководящая и направляющая сила зорко следила, чтобы какой-нибудь шибко подкованный интеллигент не выдал государственную тайну.

Но вот железный занавес рухнул, однако власть имущие и тут не очень торопились развенчивать коммунистические стереотипы. Они их вполне устраивали, поскольку тупым и оболваненным обывателем гораздо легче управлять. Не учли власти одного, что не всякий обыватель захотел оставаться «ватником», и электорат начал прозревать в геометрической прогрессии.

По мере становления в стране гражданского общества всё меньшим спросом пользовались «великие победы», зато всё строже был спрос за реки крови и неисчислимые жертвы, стоящие за каждым завоеванием социализма. Патриоты в сталинском понимании, в сознании молодого поколения стали восприниматься чем-то вроде давно вымерших динозавров и птеродактилей.

И вот тут возник вакуум в трактовке национальной идеи.

Молодым невозможно объяснить, почему европейцы не считают своими освободителями тех, кто принёс им на штыках «новое светлое будущее». Кто установил в их стране коммунистическую диктатуру, загнал фермеров в колхозы, а бюргеров сделал «пушечным мясом» гигантов индустрии. Кто готовит их солдат не к защите отечества, а к завоеванию и порабощению свободных народов, к мировой революции.

Подобная близорукость «перестроившейся» партократии привела к неизбежному в таких случаях конфликту поколений, и стала благоприятной питательной средой для возникновения в посткоммунистических странах радикальных организаций правого толка. В свою очередь, это привело – при щедрой финансовой и идеологической подпитке из-за океана – к цветным революциям в ряде «братских стран социализма» и даже постсоветских республиках, сопровождавшимися массовым психозом и бесчинствами разбушевавшейся толпы.

Русофобия стала продолжением антисоветизма, при этом, наряду со сносом памятников советской эпохи и осквернением могил советских воинов, уничтожают православные храмы и убивают православных священнослужителей.

Мы не можем понять, почему немцам простили триста тысяч жертв Второй мировой войны на территории Чехословакии, а Советскому Союзу не могут простить сто восемь погибших во время Пражской весны. Нацистам «забыли» шесть миллионов поляков, погибших на войне и уничтожен-

ных в лагерях смерти, а Советскому Союзу не могут забыть пятнадцать тысяч жертв Катыни. Должна же быть какая-то логика?

Должна! И она есть. Вот только не все хотят её принять.

Более того, упорно доказывают недоказуемое, называя чёрное белым, а красное фиолетовым. А всего-то и делов, чтобы назвать вещи своими именами. Перестать лицемерить.

Ибо сказано Спасителем: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры!.. Истинно говорю вам: мытари и блудницы вперёд вас пойдут в Царство Божие; Ибо пришёл к вам Иоанн путём праведности, а вы не поверили ему, а мытари и блудницы поверили ему; вы же, и, видевши это, не раскаялись после, чтобы поверить ему» [Мф. 21; 31-32]. Вот и вся логика.

Нацисты не лицемерили, не скрывали своих захватнических устремлений, зато понесли заслуженное наказание. Мы же продолжаем считать сталинский режим «спасителем отечества», и называть порабощение им народов Восточной Европы «великой и отечественной» войной. Чему ж тут удивляться?

– Причём смотри, какая фишка, – продолжал мой сосед слева. – Немцы привели Ленина к власти в России, чтобы заключить почётный мир и выйти из войны, сохранив лицо. Иначе бы пришлось подписывать безоговорочную капитуляцию. И зачем большевикам нужно было им сопротивляться?

Просто сдали немцам как можно больше территории, чтобы с помощью германских штыков подавить народный протест.

В Сибири действовали пленные чехословаки, на Дальнем Востоке – японцы, на Севере – англичане, война шла лишь в казачьих областях. Русская вольница стала русской Вандеей. И была уничтожена не менее, даже более жестоким образом.

– Почему только в казачьих? В чернозёмных губерниях тоже восстания происходили, на Тамбовщине, например. Да по всей стране народ сопротивлялся самозванцам.

– Это уже потом. – Никита не замешкался с ответом. – Когда уже миллионную армию создали и вооружили. А поначалу с казачеством еле-еле справились. Многих маловерных обманом на свою сторону переманили, потом всё равно уничтожили.

Так вот, возвращаясь к нашим баранам, – Никита смочил горло глоточком терпкого винчишка и продолжал. – Так называемое «сопротивление» нужно было для того, чтобы показать немцам, мол, ситуация под контролем, если какой бунт, то *есть* чем его подавить. А как только война закончилась, сразу *большевики* пришли на готовое.

Но не тут-то было. На Украине начался такой раздрай, что пришлось отдавать хохлам исконно русские земли вместе с населением в качестве выкупа.

– Да, уж, делов наворочали, – у меня от этой политинформации уже мозга за мозгу плела макраме. – Слушай, не пора ли осушить бокалы, а то уже трапеза стоит в очереди.

– За царя и отечество! – Никита соприкоснул фужеры и опрокинул свой в полглотка. – А вообще-то, если принимать в расчёт только эмоции, можно далеко зайти. Это мы сейчас хорошо рассуждаем, сидя в креслах и попивая «Каберне». А окажись мы на месте коммуняк, скорее всего действовали бы также, если ещё не покруче. Пора глушить шарманку, ты не находишь? – его рука, согнутая в локте и указательный палец, поднятый вверх, выражали образ мыслей в направлении «на то воля Всевышнего». Разве можно что-либо возразить на это?

– Не нахожу! – моя упрямая сущность не сдаётся, почти как гордый «Варяг», пока в теме не будет поставлена жирная точка. – Ты сказал, что самое подходящее название для этого «праздника» – день дезертира, а аргументов не привёл.

С немцами заключили сепаратный мир – это понятно, союзников предали – тоже. Но и они нас предавали, и не раз...

– Они просто вели *свою* политику, мы – свою. Цель России в этой войне была защитить Сербию, а у англосаксов чисто конъюнктурные интересы. Хотя и наши буржуи меньше всего думали о Православии и патриотизме.

Но мы говорим не о Первой мировой войне, а о защите интересов самозванцев, совершивших государственный переворот в России. Как только встал вопрос о защите «социалистического отечества», так эта банда во главе с Дыбенко драпанула аж до Самары. Это как раз и случилось 23 февраля под Нарвой.

Об этом позоре даже Ленин написал. Только там их сумели догнать и под конвоем доставили обратно в Петроград. Потому *большевики* и установили «праздник» именно в этот день, чтобы посмеяться над глупостью русского народа.

Должен признаться, что, несмотря на свои «глубочайшие» познания истории по советским учебникам, об этом факте имел абсолютно нулевое представление.

Понятное дело, что в СССР этот факт благо разумно замалчивался, но мы живём уже в XXI веке, информация исчисляется мегабайтами и парсеками, можно бы и освежить интеллект. Большой мне минус, зато огромный плюс Всевышнему Творцу, за то, что посылает мне таких попутчиков.

Теперь всё встало на свои места, можно было зѐло подумывать и о наполнении ненасытного чрева.

Вот уже благодатная тележка обдала нас запахами генно-модифицированных продуктов в экологически безупречной упаковке, и проголодавшаяся публика зашелестела одноразовым шанцевым инструментом и влажными салфетками. Подошло время заканчивать тары-бары и вспомнить о том, что мы хоть и высшие, но всё же млекопитающие, и ничто человеческое нам не чуждо. Тем более после стольких мытарств и томительных ожиданий в аэропорту.

Должен сказать по секрету, что главное в трапезе – это принимать её умиротворённым, чему архиспособствует чувство исполненного долга и усердная молитва. Не будь поставлена точка в нашем разговоре, трапеза не показалась бы

мне настолько благодатной.

Мысль текла уже в направлении будущего паломничества, посему и по завершении трапезы мы больше не возобновляли обмен мнениями и шустренько отделись во власть сновидений...

И снова перенесёмся в Изумрудный город. Снова мы вместе с моими братьями по вере, и снова, вот уже в который раз в предвкушении приключений и соприкосновения с вечностью. Потому что всё созданное тварным усердием, тленно и бренно в этом мире. Незыблемым и нетленным всегда будет только то, что угодно Всевышнему, а потому и мощи святых также остаются нетленными, дабы не было сомнений в божественности создания нашего мира.

Каблуки наши чинно отбивали реквием по мраморным плитам, которые ведут к заветной двери архондарика Свято-Пантелеимонова монастыря. А там нас ждал радушный приём, райское угощение и долгожеланный отдых до вечера.

Но... как иногда обманчивы бывают ожидания, если тварные создания в очередной раз забывают о том, что в Своём Уделе всем управляет Богородица. А наше дело – горячая молитва.

Ибо «просите, и дано будет вам; ищите, и обрящете; стучите, и отворят вам» [Мф. 7;7]. Но кто из нас вспоминает строки Священного Писания, кроме, разве что когда фэйсом об тэйбл?

Глава II. «Послушание»

Один человек проделал долгий путь по суше и по морю и явился на Святую Гору, чтобы увидеть прославленного старца.

Придя в монастырь, сначала поинтересовался о нём.

– Скажи, какие чудеса творит ваш авва? – спросил он у молодого монаха.

– Смотря, что называть чудом, – ответил тот. – У вас в миру принято считать чудом, если Бог исполнит чью-то волю. У нас же считают чудом, если кто-то исполнит волю Бога.

Порог архондарика стал для нас как бы зримой границей, разделявшей два мира: напоённый солнцем, благоуханием субтропической растительности и морского прибоя уголок земного рая; и рукотворный – томящийся в полумраке, наполненный суетой, неистребимым запахом толпы и звонком посуды.

Поначалу, затворившись от жары, мы даже почувствовали лёгкое блаженство в сравнении с изнуряющей солнечной активностью. Таковое обычно ощущаешь, воротясь домой после длительного отсутствия по казённой надобности.

Но мятущаяся душа после баньки, трапезы и блаженного сна уже томится неволей и, подобно птице счастья, снова рвётся из пут и всех сухожилий в очередной вояж за приключениями.

Монастырский буфет, по прошествии совсем малого времени, обдав нас волной кофейных ароматов, напомнил о резкой необходимости утоления животной страсти. Но первоочередной задачей, всё-таки было обрести койко-место, поэтому с цитаделью чревоугодия мы решили ознакомиться во вторую очередь.

В заветный кабинет архондаричьего о. И – я выстроились в смиренном ожидании человек несколько, аще убо в предвкушении блаженного отдыха вполне по силам было приглу-

шить звучание внутреннего громкоговорителя.

Авве торопиться было некуда, и он с каждым паломником непременно проводил коротенькую беседу на предмет его целей пребывания на Святой Горе. Обладая знанием как минимум трёх иностранных языков, что при моём музыкальном слухе разобрать было не сложно, сие занятие не доставляло о. И-ю особых проблем, однако требовало времени и немалого, а также нашего недюжинного терпения.

Что ж, мы не гордые, потерпим.

На сегодня у нас запланирован полный штиль, поэтому появилась благоприятная минутка почитать Последование ко Святому Причащению. Достав из безразмерного рюкзака весьма потрёпанный молитвослов, Вольдемар со свойственной его пономарскому гласу выразительностью начал вычитывать каноны.

Звуки, характерные для любого общепита, будь то ресторан или закусочная, трактир или монастырская трапезная, нисколько не мешали нашей усердной молитве. Единственно, что привлекло моё внимание, так это украинська мова, щедро разбавленная непарламентскими выражениями. У меня почему-то сразу всплыла в памяти картина И.Репина «Запорожцы».

Без труда узнав гуторившего по характерным усам, которые невозможно спутать ни с какими другими, я искренне поразился той тщательности, с которой незалэжный брат подготовил себе лакомое местечко. По непонятной для меня

причине, паломники, отведав трапезы, не горели желанием убирать за собой посуду, а о. Ф-ф был слишком один, чтобы успевать всех обслужить, да ещё и за всеми навести порядок.

Как известно, язык до Киіва доведёт, если только вовремя придержать его. В противном случае может довести до киллера. Незалэжный брат добродетелью немногословия, похоже, был не слишком обременён, во всяком случае, поносить своих братьев во Христе у него получалось намного лучше, чем проявлять смирение. И что меня всегда особенно поражало в манере поведения потомков древних укров – если уж таковой заведёт свою волынку, то остановить его только пуля сумеет. А так, чтобы по велению внутреннего гласа или по правилам приличия – не дождётесь! На территории по обе стороны нижнего течения Днепра прилично только то, что приносит реальный и осязаемый доход, что осязаемо и не имеет запаха.

«О, безумный человек! Доколе углебаеши яко пчела, собирающая богатство свое? Вскоре бо погибнет, яко прах и пепел: но более взыщи Царствия Божия», – гигант Х-в сделал глубокий вдох, будто сожалел о бесцельно прожитых годах, и продолжал самозабвенно вычитывать канон покаянный Господу нашему Иисусу Христу.

М-да, если бы все, как один понимали Закон Христов, скольких бы войн, да и просто бед и потрясений удалось бы избежать? Сегодня ты окрысился на брата своего за то, что он посуду за собой не убрал, а завтра? Выйдешь на очеред-

ной Майдан, потому что власть тебе не угодила?

Так власть и не обязана угождать всем и каждому. На свете семь миллиардов человек проживает, поди, каждому угоди!

То же Священное Писание для всех едино, однако нашлись умники трактовать его по-своему. Сначала католики подправили Символ Веры, затем Мартин Лютер «реформировал» христианство, и понеслось: иеговисты, адвентисты, мормоны...

Но с этими понятно, а как быть с тремя только православными церквями на территории Незалэжной? На любой вкус! Полный плюрализм мнений: чей «закон божий» больше соответствует твоим греховным помыслам, в том «истина». Поэтому и правительств у них за два десятилетия незалэжности два десятка сменилось, и всё равно во всём виноваты «кляты москали».

Как была Запорожская Сечь, вольница, жившая разбоем и работорговлей, так за три столетия ни на йоту не изменилась. Только грабят теперь казну, а торгуют собственным телом. На панели. И на автостадах. Не вертите пёстрый глобус, куда ни ткни – по всему свету путаны сплошь с Незалэжной.

«Кто творит таковое, якоже азъ? Якоже свиния лежит в калу, тако и азъ греху служу. Но Ты, Господи, исторгни меня от гнуса сего и даждь ми сердце творити Заповеди Твоя», – продолжал гигант X-в. И мне ничего не осталось, как повернуть на себя мой скорбный лик.

«А ведь и правда, чем я лучше моего незалежного брата? Только лишь тем, что у него на языке то, что у нас на уме? Разве мы уж такие до зѣла смиренные? Разве весь XX век не занимались только тем, что бросали своё дело и шли на баррикады? Осуждаем англо-саксов, а они как приняли конституцию три столетия назад, так и живут по ней. Только где-то раз в десять лет вносят поправки, таки время тоже на месте не задерживается!

А в нашей стране? За прошедшее столетие поменялось семь (!) конституций, и всё равно плохому танцору неуютно.

То ли дело на Афоне! Как приняли устав более тысячи лет назад, так с тех пор и не менялся. Кто только ни покушался на монашескую республику – все сгнули, а Святая Гора как была Уделом Пресвятой Богородицы, так им по сей день и остаётся. Безсменная Игуменья вершит здесь суд праведный, и никакая сила не в состоянии Ей противостоять.

В рассуждениях о мірском ваш покорный не заметил, как подошла моя очередь, и, осенив себя крестным знаменем, азъ свідомый переступил порог заветного кабинета.

Встретившись глазами с о. И-м, у меня резко пропал аппетит, а прямая кишка назойливо захотела исполнить марш Мендельсона. Тем не менее, как ни в чём не бывало, я развернул свой диамонитирион и с видом запорожского казака, опустившего пудовый кулак на спину своего собрата на картине И.Репина, подал его архондаричнему.

Тому, кто хорошо знаком с творчеством Н.В.Гоголя, станет понятна элегия перехода от «Тараса Бульбы» к финальной сцене «Ревизора». При моём появлении взгляд о. И – я напомнил филина в яркий солнечный день. Учитывая диоптрии, округлость его прозорливых очей увеличилась на порядок.

Не так, чтобы очень давно, но и не сказать, чтобы недавно, ещё в разведшколе меня немного учили различать взгляды. Поэтому моя прямая кишка стала мне подсказывать, что в этом кабинете Гm явно лишний. Но в той же школе я усвоил истину, что иногда нужно не доверять пятой точке опоры и прислушиваться к голосу разума. Поэтому решил не поддаваться шестому чувству, а пройти сей крестный путь до конца.

По всем вероятностям выходило, что надо бы мне улыбку изо всех сил к губам приложить, но мой суровый нрав позволяет вырываться ей наружу лишь в первый день апреля. Поэтому немая сцена продолжалась недолго – о. И – й был слишком занят, чтобы играть со мной в переглядки. Нарочито тихим, ровным, но не терпящим возражения голосом, он спокойно мне намекнул о необходимости поискать себе другое пристанище для ночлега. Странникам приют предоставляется на одну ночь, либо даётся какое-либо послушание.

Однако смирению в той самой школе меня научить не успели, поэтому моя реакция была вполне предсказуема:

– Отче, я просто два дня ждал своих друзей. Завтра поут-

ру мы покинем вашу обитель...

Но архондаричий был неумолим. Видимо все мои деяния за двое суток на благо Святого Пантелеимона он счёл крайне недостаточными во искупление моей грешной сущности.

Что ж, ему виднее. Рыпаться было бесполезно.

Мысль о том, что можно поискать счастье в другом монастыре, мне как-то сразу на ум не пришла. Да и не хотелось, едва встретившись со своими закадычными друзьями, отправляться неведомо куда. На Афоне я был дебютант, путей-дорог ещё не изучил, понеже у меня не оставалось иного выхода, как попытаться умиловить Пресвятую Богородицу.

Умный в гору не пойдёт, умный гору обойдёт – так, кажется, пословица гласит. Но это в том случае, если на горе нет храма. Иначе, какой же он тогда умный? Когда Бог хочет сделать тебя счастливым, то ведёт тебя самой трудной дорогой, потому что лёгких путей к счастью, как правило, не бывает.

Вот и мой путь к счастью оказался не совсем простым. Афон никогда не прощает шапкозакидательства и своеволия.

«Запомни: здесь только один распорядок – всем управляет Богородица! Просите Её о чём хотите, и дано будет вам», – рефреном всплыли в памяти слова брата Владимира. По большому счёту первое, что мне довелось услышать на Святой Горе.

Пока о. И – й регистрировал в книгу гиганта Х-ва, мне ничего не осталось, как обратиться с мольбой к Игуменье Горы Афонской. Выйдя за порог кабинета, я окинул тусклым взором насыщающих чрево, скользнул взглядом по усам незалежного паломника, и вдруг со щемящей тоской ощутил присутствие рядом с собой Пречистой Девы. Будто она возвышалась над моим челом и нашёптывала мне строки Евангелия от Матфея: «Просите, и дано будет вам; ищите, и обрящете; стучите, и отворят вам» [Мф.7;7].

Так что же я стою, как памятник последнему динозавру? И в то же мгновение мне вспомнилась молитва из недочитанного канона ко Пресвятой Богородице:

*Царице моя Преблагая, надеждо моя Богородице,
Приятлище сирых, и странных предстательнице.
Скорбящих радости, обидимых покровительнице.
Зриши мою беду, зриши мою скорбь...*

Вольдемар, закончив оформление, уступил свято место Никите. Какое-то несоответствие в его документах немного напрягло о. И – я, тот задал пару наводящих вопросов, и проблема разрешилась довольно скоро. Наш брат в очереди был последним, поэтому моя участь либо определится в течение последующей минуты, либо смазывать лыжи и ковылять потихонечку.

...Помози мне, яко немощну, окорми мя яко странна.

Обиду мою веси, разреши ту, яко волиши:

*Яко не имам иные помощи разве Тебе, ни инья
предстательницы,*

Ни благия утешительницы, токмо Тебе, о Богомати...

Краем глаза я успел заметить, что порог архондарика переступил седовласый, немного согбенный монах и бодрым шагом направился к кабинету о. И – я. Поначалу я не придал этому значения, продолжая разглядывать публику и кивком отвечая на вопросы Вольдемара.

Но вот отче вошёл в кабинет, но не стал встречать в беседе архондаричьего с Никитой. Однако беседа подошла к концу и мой собрат, уже довольный и счастливый направился к двери.

...Яко да сохраниши мя и покрыеши во веки веков. Аминь.

Пресвятая Богородице, просвети нас светом Сына Твоего.

Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя... – и как только азь оптимистичный закончил глаголить молитву Пречистой Деве, вошедший монах обратился к архондаричьему:

– Слушай, о. И – й, у тебя нет кого свободного, мне бы газон прополоть перед входом.

– А кого я тебе дам? Все на послушании, остальные отдыхают после службы.

– Ну, подумай, может, кого со стройки возьмёшь, а то мне в Карею нужно срочно ехать...

Мыслящий человек усваивает с пелёнок, что там, где собираются *два* монаха, как правило, возникает сразу *три* мне-

ния. Правило без исключений, за исключением нынешней ситуации.

После кратковременного молчания, взгляд о. И – я остановился на моей скучающей физиономии. Глаза его резко засветились, как лампы над Кувуклией после схождения Благодатного Огня. Было впечатление, что ему хотелось закричать «Эврика!», но он не стал копировать Архимеда, лишь широчайше, по-американски, улыбнулся и обратился ко мне:

– О! Поможешь отцу А-ю? – произнёс он тоном, будто напоминал о невыученных уроках.

– Разумеется, о чём речь? – в подобных случаях мои ответы разнообразием не отличаются.

Авва И – й моментально «забыл» адрес, по которому послал меня пятью минутами ранее, без тени смущения, взял мой диамонитирион и записал данные в заветный фолиант.

После этого наградил нашу троицу постельными принадлежностями и благословил на послушание.

Володя с Никитой на сегодня считались дебютантами, поэтому их сия участь миновала. Мне же отец А-й отвёл краткие минуты для устилания прокрустова ложа, но не отказал в любезности позволить вместе с друзьями заморить червочка в монастырском буфете. Он и сам не счёл нужным прикидываться фарисеем и с радостью отведал чайку с монастырскими дарами.

Ассортимент угощений на сегодня немного поменялся, но

вчерашнему нисколько не уступал разнообразием.

Место квашенной капусты заняли причудливые слойки с маком и корицей, а в пластиковых баночках имело место быть разнообразное варенье и мёд. О. Ф-ф всё так же шустро и улыбочиво обслуживал клиентуру, успевая между делом убирать со столов и приносить свежую выпечку.

Меня он встретил как старого знакомого, но от благодарности за вчерашнюю «неоценимую» помощь предпочёл уклониться. Более того, обрушился на меня с гневной тирадой на предмет допуска в «святая святых его добротоделания» в неурочный час братьев-мавританцев.

С пользой для дела, ВПС включил дурака и на всякий пожарный обеими руками ухватился за спинку стульца в надежде хоть за что-то удержаться перед подобным натиском.

Получив вчера полуфунтовый пистон от о. И-я с намёком на несоответствие исполняемому послушанию, о. Ф-ф не был расположен к притворному лицемерию. ВПС и так, и сяк пытался донести до его барабанных перепонок, что родители приучили меня откликаться на стук с малого детства.

Но, как выяснилось, грех самооправдания на Святой Горе признан одним из тяжких, поэтому допустивший прокол виноват всегда, независимо от обстоятельств.

Я смиренно втянул голову в плечи, изобразив на челе мину Ваньки-встаньки. Ежели кто-то ждёт от меня чего-то большего, чем я могу предложить, то это *его* ошибка, а не моя вина. Если в Святогорье азь есмь пробыл столько же ча-

сов, сколько в міру прожил годов, то о чём здесь можно благовествовать?

Чтобы хоть как-то загладить свой грех, Г'м молча принялся помогать моему молодому наставнику наводить на столах чистоту и порядок. Попутно азъ востроглазый узрел боковым оком потомка древних укров, который, видимо, выговорился сполна и с конкретным наслаждением поглощал аппетитный лукум. Видимое удовольствие отразилось даже на его атаманских усах, выбелив их сахарной пудрой, словно ранний первый снег не успевшую ещё озябнуть осеннюю траву.

Даже осьмой, судя по времени, стакан чая «Lipton» не в силах был растопить как лёд в глазах незалэжного брата, так и побелку на его национальной гордости.

Трапеза на этот раз не ознаменовалась ничем примечательным, поэтому задерживаться на ней подробно нет никакой необходимости. Если следовать терминологии автора известного бестселлера, то «маленькую и не крепкого» мы с удовольствием предварили «маленькой и крепкого», that is бузы, при этом посетовав, что квашеная капуста была бы сейчас как никогда кстати.

Но, как поётся в одном широко известном шлягере, «надо благодарно принимать» всё, дарованное Всемилоствивым Творцом. Даже в отсутствие подходящей закуски.

После «разминки» мои братья по духу отправились в пятый этаж, мне же была уготована участь добротodelания во

славу Божию. Выйдя на свежий воздух и избавив лёгкие от запаха как сырости, так и сытости, неизменно царивших в архондарике, азъ трудолюбивый окинул печальным взором ландшафт предстоящей битвы с сорняками и остался слегка удручён.

Окончить жизненный путь на этой обетованной земле мне, разумеется, не светит – умереть на Святой Горе ещё надо заслужить, – но безапелляционный факт, что за время послушания у меня могут родиться внуки и правнуки, был неоспорим.

Впрочем, куда мне было торопиться? Как говаривал не совсем почтенный персонаж известной советской кинокомедии, у меня учёт в сутках. А в них, как известно, немногим более двадцати четырёх часов, если взбодриться на час пораньше...

Уже через *полчаса* Г'м стал понимать, почему для работы на хлопковых плантациях соединённоштатники применяли исключительно труд потомков Хама. На широте Афона даже в первой декаде мая у потомков Сима мозг переходит в газообразное состояние спустя сорок три минуты, а после часа с хвостиком не только трава, даже слоны становятся розовыми.

Как же надо было нам с Димой благодарить Отца Небесного, что позавчера даровал нам неразумным живительную прохладу вкупе с благодатным дождём! Слава Богу за всё!

Но тут же поймал себя на мысли, что в данный момент

мне хотелось влаги с небес меньше всего на свете.

Что такое ковыряться в сырой земле, знаю не понаслышке ещё со школьных годов, когда мы в октябре месяце в белоснежных полях под Москвой отмораживали конечности в битве за урожай картофеля.

Телефон просигналил мне, что ещё я не всеми позабыт-позаброшен, но пришедшая SMS-ка радости не прибавила, более того, добавила головной боли. Далёкий друг оказался немного недалёким и попросил меня встретить его с Тарзаном в аэропорту и приютить на пару дней, а то в гостиницу с мопсами не селят. Что ему ответить? Чтобы прямоком следовал в Салоники и первой же лошадьё на Афон? Неужели не мог позвонить тремя днями раньше, если так уж неважоту ему расстаться со своим четвероногим питомцем даже на минутку?

«Опять впадаю в грех осуждения», – последнее, о чём успел просигналить мне мозг, прежде чем я, резко привстав, дабы размять затёкшие конечности, увидел картину Апокалипсиса.

В глазах у меня нарисовалась кристаллическая решётка эмилпропилбутана, а в ушах трубы-дуры запели «Саданули в огороде». Гм ощутил себя летящим на ковре-самолёте, вот только пункт назначения в билете указан не был, о. И – й впопыхах забыл обозначить. Однако, спустя секунды я «приземлился» и был готов к таможенному досмотру.

Ответ незадачливому собаководу-любителю был предель-

но краток, тем не менее позволил мне основательно повысить кислотно-щелочной баланс и привести зазоры между извилинами в соответствие. Что Бог ни делай – всё к лучшему.

Ответного послания ваш покорный так и не дождался, значит, далёкий друг, хочется надеяться, останется им ещё на некоторое продолжительное время. Ну, очень хочется надеяться...

Пока Г'т давил на клавиши дебильника, мои попутчики успели поменять внешний вид и в достопамятное мгновение как раз вышли из дверей странноприимного дома. Никита сменил «память об Иерусалиме» на импозантную ковбойскую шляпу, а его шоколадно-кремовый загар стал ещё красноречивее на контрасте с белоснежным батником.

Вольдемар в этом отношении являл противоположность своему брату во Христе, поскольку за солидный стаж нашего знакомства ни разу не видел его в безрукавке. Складывалось ощущение, что он никогда не покидает православного храма даже мысленно.

Похвальное качество, но для майского Афона не совсем подходящее. Впрочем, о пристрастиях спорить не принято; каждому своё, как было начертано на воротах Бухенвальда.

Вот что значит родственная стихия! Едва Никита улицезрел очаровательные кусты чайных роз, окаймляющих внутренний дворик, как тотчас стал наслаждаться их дурманящим ароматом. Видимо за два десятилетия добротodelания

на ниве цветочного бизнеса не сумел до отказа вкусить запаха душистых прерий. Володя, взирая на это, неравнодушно похихикивал, при этом непрерывно щёлкал затвором своего верного спутника по жизни. Меня он также успел несколько раз запечатлеть для истории, после чего братья во Христе пожелали мне успешного полёта и подались в сторону монастырской лавки.

Как ни коротко было наше свидание, но сил мне придало невероятное количество. К тому же я вспомнил о своём незаменимом помощнике по прозвищу «барракуда», и процесс борьбы с сорняками ускорился многократно. Да и соло-

вьиный хор способствовал поднятию настроения на небывающую высоту. Проходившие мимо паломники лишь за редким исключением не одаривали меня удивлённым взглядом, не понимая, чем я так провинился, что вынужден искупать грехи столь экзотическим послушанием.

В основном это были граждане просвещённой Европы, русских паломников подобная картина не шокировала.

И вот что хотелось бы отметить в этой связи, – раз мне дали это послушание, значит, на то была воля Всевышнего, – ничего случайного не бывает. Г'м сделал вывод, что в просвещённой Европе понятие искупить грех отсутствует в принципе! Там всё покупается и продаётся. Можно купить индульгенцию, и ты безгрешен. А причастие там – пустая формальность, люди даже не понимают её суть, ходят в храм просто отметитьяся.

Насколько же далеки они от Бога!? Всё, казалось бы, делают правильно, законов не нарушают, на службе от звонка до звонка, жёнам не изменяют, «совсем не такие, как тот мытарь».

А богоизбранный народ всё-таки русские. Почему такая несправедливость? Неисповедимы пути Господни! Потому, вероятно, и ненависть к нам почти всего западного мира; потому и страна наша без конца под санкциями; провокации то тут, то там; «двойные стандарты», если не сказать больше...

Но что Бог ни делай – всё к лучшему, и если Он за нас, то какая разница, кто против нас? Ведь жизнь лишь на деся-

тую долю состоит из того, что с нами происходит, а на 90 % из того, как мы на это реагируем. Западенцу невдомёк, что за деньги можно купить кровать, но не сон; книгу, но не ум; секс, но не любовь; связи, но не друзей; икону, но не веру; место на кладбище, но не на Небе. Он меряет жизнь материальными категориями, ему невозможно втолковать понятие «от души», для него душа – нечто абстрактное. Рай для них также возможен лишь на земле: если ты богат и успешен, значит это угодно Богу.

Как гласит монгольская пословица, чего нет в мыслях, того не будет и в глазах. Поэтому их глаза как бы за стеклянной витриной, они осязают видимый мир, но им неподвластен мир духовный. Они созерцают как бы манекены, а не людей.

Неделю спустя мне предстоит воочию в этом убедиться, но это будет через неделю, тогда и расскажу. А пока ВПС занят достойным моего греховного организма послушанием, очищая от сорняков как изумрудный газон Свято-Пантелеймонова монастыря, так и свою изрядно загаженную грехами душу.

И всё же, как бы ни хотелось мне уйти в молитвенное состояние, мысли о мирском всё равно вновь, словно семена одуванчика или пырея, проникали сквозь невидимую преграду и засоряли изумрудное полотно моей души.

«Меня спросите: «Ты имеешь счастье?» и я отвечу «Чтобы да? Таки нет!». Ведь счастье для христианина – это полное отсутствие желаний, кроме одного – быть с Богом. Разве

не так?

А моя греховная сущность откликается на что угодно, только не на разговор со Всевышним. Так чем я получаюсь лучше представителей просвещённой Европы, которых осмеливаюсь судить по своему греховному неразумию?

И как бы там ни было, но трудно назвать человеком того, у кого нет веры, кто умеет только бляеть, и любит только «зелень». Если у человека на генном уровне отсутствует понятие души, если для него необходимость пребывания того или иного локального индивидуума на земле сводится к наличию у него счёта в банке, и он в полной уверенности, что любая ситуация просчитывается наукой вплоть до восемнадцатого знака после запятой, то мне такого искренне жаль.

К примеру: с точки зрения аэродинамики, шмель летать не способен, но он этого не знает и продолжает летать. А попробуй это растолковать шибко цивилизованному европейцу...

Да что там наука! Помню, дочка моих друзей ездила по обмену на пару недель в Германию и жила в немецкой семье. Понятное дело летом, в каникулы.

Столбик термометра зашкаливал порой за отметку 30°C, а в такие дни обычно меньше всего думается о достопримечательностях вообще и неметчины в частности; больше тянет в тенистую прохладу, к воде, на пляж.

Германия – образец правопорядка, закон здесь работает как двигатель «Мерседеса», а нарушение карается неукосни-

тельно. И поэтому редко находятся камикадзе, которые ползут в воду, «где нет броду». Оля была в достаточной степени проинформирована, непредвиденные расходы на штрафы не были запланированы, да и лишаться Шенгенской визы из-за ерунды ей тоже представлялось малодушием.

Однако всё это гладко выглядит в теории, а на практике приходилось изо дня в день терпеть изнуряющий зной. Только к вечеру была возможность понежиться под холодным душем.

Но это опять же в теории. Блажен, кто верует, что в Германии очень высокий уровень жизни. Он настолько высокий, что мыться позволяет один раз в неделю, да и то шестерым в одной и той же воде, а потом быстренько под душем смыть грязь.

А Оля изучала в университете лишь немецкий язык, немецкие законы ей преподать не успели. И когда на второй день после душа на неё косо посмотрели, а на третий не удержались, чтобы не сделать замечание, искреннее восхищение страной Бетховена и Баха, Шиллера и Гёте, Шумана и Рерма, в одночасье сменилось искренним разочарованием.

Разумеется, что экономия и бережливость – прекрасные качества, но ведь не до жлобства! Да, согласен, наши люди, порой, не только не умеют беречь Богом дарованное достояние – отношение к нему просто расточительное. Тем не менее, когда её подруга Анжела приехала в российскую столицу и пожила в Златоглавой те же две недели, у неё пред-

ставление о свободе поменялось самым коренным образом. Она поняла, что всё, о чём вещают не только немецкие, но в большинстве своём все западные СМИ, всего лишь со вкусом упакованная туфта.

Пусть даже она не была в российской глубинке, не видела раздолбанных дорог и хлябей, не ощутила всех «преимуществ» захолустного сортира, не познакомилась с обитателями бомжатников. Но даже эти сырые и озлобленные на весь мир люди, которых многие из нас и за людей-то не считают, имеют одно несравненное преимущество перед лощёным западным обывателем. Спросите какое? У них в глазах нет того остекленевшего выражения, свойственного среднестатистическому европейцу. Глаза – зеркало души, поэтому в глазах православных людей отражается тот божественный свет, который мы называем душой.

Как говорил «отец» немецкой классической философии Георг Фридрих Гегель «свобода – осознанная необходимость». А разве может считаться свободным человек, если он элементарно не может справиться с естественными надобностями?

Запад декларирует свободу, как главную из европейских ценностей, к которым так стремятся все шибко просвещённые «братские» народы бывшего СССР. Вот только свободу чего? Греха? Гей-парадов? Однополых браков? Прилюдно нецензурно выражаться? Или беспредела ювенальной юстиции?

Не побоюсь этого слова, но главной европейской ценностью пока остаётся Афон. Святая Гора! Поборники свободы и демократии именно её почему-то и пытаются уничтожить как раз в первую очередь. Попытки предпринимались неоднократно, но пока, слава Богу, безуспешно. Достаточно вспомнить пожар в Пантелеимоне после прихода в Греции к власти «чёрных полковников». Тогда сгорело не только половина построек Нового Русика, но и пострадали многие святыни русской обители.

Радетели европейских ценностей попытались превратить оплот Православия в курортную зону, разрешить присутствие на Святой Горе лицам женского полу. Евросоюз планировал построить автостраду через весь полуостров от Урануполиса до Великой Лавры, но всего лишь семь(!) русских монахов, которые оставались в то время в Свято-Пантелеимоновом монастыре, встали насмерть на пути мракобесов и не позволили провести трассу через земли, принадлежащие обители. Те самые земли, которые как раз и граничат с материковой Грецией...

Взгляд мой в очередной раз зацепил пустые глазницы окон западного корпуса архондарика, и вот о чём волей-неволей подумалось. Ведь именно богохранимая Россия всегда вставала на пути бесовских сил, и поэтому во все времена была бельмом на зломном глазу ревнителей западного «благочестия».

Трудно сказать, что больше – ненависть или презрение

к России, к русским – царили в умах «просвещённых» европейцев. Достаточно перелистать историю последних трёх столетий и вспомнить бахвальство некогда великих «кормчих».

«Россия – карлик, я поставлю её на колени!» – заявлял в начале XVIII столетия шведский король Карл XII. Спустя два десятилетия Швеция потерпела поражение в Северной войне и навсегда утратила статус великой державы.

«Если будет нужно, я легко покорю отсталую Россию!» – так в середине XVIII века император Пруссии Фридрих II убеждал своих подданных. «Всё потеряно, спасайте двор и архивы!» – панически писал Фридрих Великий буквально через несколько лет.

«Россия – колосс на глиняных ногах!» – эти слова Наполеон произнёс в начале XIX века. В 1814 году русская армия взяла Париж, и Наполеон был сослан на остров Святой Елены.

«Я завоюю СССР к концу года!» – кричал бесноватый фюрер с Нюрнбергской трибуны весной 1941-го. Спустя четыре года Адольф Гитлер благоразумно решил не дожидаться Нюрнбергского трибунала и покончил с собой.

Но это история, а помимо неё существует ещё диалектика. И согласно ей русских всегда считали неотёсанными варварами, а Россию варварской страной. Зато Англия и англичане – это образец благочестия и этикета.

Времена меняются, но молва как тень, следует по пятам.

И наивные европейцы свято верили этим байкам, пока XX век не расставил всё по местам, не поставил с головы на ноги.

Когда-то именно английские гувернантки прививали дворянским отпрыскам достойные манеры и правила этикета. На рубеже третьего тысячелетия на смену временам Мэри Поппинс пришли времена английских фанатов. Не буду углубляться в детали – шибко любознательные могут полистать жёлтую прессу. Фактов наберётся достаточно для объявления войны. Но это горячие поклонники самой популярной игры, какой с них спрос?

А вот случай на престижном пляже, что на острове Мальорка, привлёк внимание даже неграмотных бедуинов и старейшин племени Toulambi Новой Гвинеи. Молодая уроженка туманного Альбиона отдалась за ночь двадцать четыре раза(!) *каждому* случайному мужчине, который покупал ей всего лишь стакан коктейля, стоимостью €4!

По-моему пора расставить точки над «ё». Тем более что своим жалким видом Гm привлёк внимание невысокого субъекта с окладистой чёрной бородой на выразительно-смуглом лице.

Гость Святого Пантелеимона невольно замедлил шаг и вонзил в меня взгляд бирюзовых глаз, будто ВПС только что поймал змею двухметроворостую и собрался её разделать и поджарить на углях. Придя в замешательство от его назойливости, мне ничего другого не оставалось, как ответить взаимностью, и взглянуть в ясны очи равнодушного индиви-

дуума.

– Простите, – наконец выдавил из себя незнакомец, – здесь что, ведутся раскопки?

– А Вы, простите, часом не археолог? – ответил азь недо- стойный вопросом на вопрос.

– Случайно я пою в церковном хоре храма Троицы Жи- воначальной. А отпуск провожу в Артезианской археологи- ческой экспедиции в Крыму. И так уже без малого четверть века.

– И что, всё время в одной и той же экспедиции? – удив- ление пронзило меня до корней волос. – И за такой короткий срок ни разу не появилось желания сменить обстановку?

– Да Вы что? – искренне поразился мой собеседник. – Экспедиция стала для меня почти домом, а начальник мне как отец родной. Я с шестнадцати лет езжу в Артезиан, и ещё ни разу не пожалел. Может, слышали про доктора историче- ских наук профессора Виноградова?

– К сожалению, а может к счастью, я пою немного из дру- гой оперы. Строительной. Хотя за свою грешную жизнь стро- ил только воздушные замки и планы на будущее, – мой ответ поверг собеседника в грех уныния, поскольку тема для него не представляла интереса.

– А здесь что, на послушании? Почему тогда не на строй- ке, я смотрю наш монастырь пожары тоже не обошли внима- нием. А рабочих рук раз-два и обчёлся. А тут такая удача!

– Значит такова воля Всевышнего! – произнёс азь недо-

стойный с такой уверенностью, что у моего собеседника даже пробежала по лицу лёгкая тень желания прервать разговор на самом интересном месте.

Но мне вовсе не хотелось отпускать братишку восвояси, даже не узнав, кто его ангел-хранитель и какого он рода-племени. Да и про экспедицию хотелось бы расспросить его поподробнее. Как знать, может, стоит и мне поучаствовать в раскопках...

– Вас, простите, как величать прикажете? – мой тон вернул собеседнику румянец на чело и улыбку на уста. – Случайно Вы не родственник Ильи Муромца, уж больно похожи.

– Случайно моё фамилие Некрасов, и сколько себя помню, на Серёгу отзывался. Но со знаменитым классиком русской поэзии меня связывает разве что знание церковно-славянского языка и московская регистрация. Даже в Карабихе побывать не довелось ни разу.

– Какие твои годы! Ещё на Луне побываешь, на Марсе будешь яблони сажать. Меня можешь величать Мигелем, как Сервантеса. А фамилия моя настолько известна... в Испании, что на Афоне впечатления не произведёт. Посему скромно умолчу.

– И чем же она так знаменита в Испании? Насколько *мне* известно, самые знаменитые люди там – тореадоры. Неужто Ваши предки бились на арене с быками?

– Если мои предки и бились, то только об заклад. Хотя, возможно, что ещё и с ордынцами.

Мой род восходит к временам Ивана Калиты, а может и более древним, – при этих словах лицо брата Сергия слегка вытянулось, уголки губ опустились на сантиметр, а в глазах стали поблёскивать светлячки. – Но зачем тебе такие подробности, ты же не архивариус, а в деле познания жития-бытия древних греков подобная информация ничего не добавит.

– Возможно, ты и прав, – Серёга слегка зевнул, обнажив два ряда ослепительно белых зубов, которые на фоне чёрной как смоль бороды сияли, будто звёзды на афонском небе. – И всё же хотелось бы знать, чем ты так усердно занят, если не секрет, конечно...

Секрета из своего послушания, разумеется, я делать не собирался и вкратце поведал своему новому знакомому о строгостях здешнего устава. Брат Сергей был немного удивлён, понеже самому ему не довелось пребывать ни в одном монастыре более суток. На Святой Горе он уже неделю, обошёл и объехал с десятков монастырей и скитов, на вершину подниматься не планирует. После Пантелеимона собирается посетить ещё ряд монастырей на севере Афона, а через два дня отбывает в Урануполис, чтобы после праздника начать трудовую неделю.

– Мы тоже завтра планируем податься на север, ребята хотят к старцу Рафаилу попасть, а он живёт где-то в отдалённой каливе, к нему можно только по морю добраться.

– И я бы не прочь с ним побеседовать, – брат Сергей слег-

ка почесал в затылке, затем продолжил. – Я ещё в Абхазии его застал, как раз накануне войны с Грузией. Долго мы с ним беседовали, он много чего тогда предсказал, но нам не верилось, что такое возможно.

– Теперь поверилось? – в моём тоне слегка просквозила издёвка, но брат Сергей не стал придавать этому значение, а может просто не уловил или не подал вида.

Возникла минутная пауза, ВПС снова принялся было за добротоделание, но не успев ещё начать, снова обратился с вопросом к своему новоиспечённому брату во Христе:

– Сейчас-то откуда путь держишь? Не заметно, чтобы ты сильно пылью пропах.

– А я старался больше по траве идти. Прямым из Си-монопетры. Самый удивительный из увиденных мною монастырей, – брат Сергей слегка покачал головой из стороны в сторону.

– Чем же он так тебя удивил? – мой интерес был вполне искренним.

– Ну, во-первых, архитектурой. Он как будто скворечник на шесте, удивляюсь, как можно было вообще такое соорудить. Во-вторых, послушал хор – это что-то невообразимое! Если бы такой был в нашем храме... В России ничего подобного я даже отдалённо не слышал.

– Ты просто мало где бывал, по всей видимости. Слышал как в Суздале или в Новгороде Великом исполняют? Или как в Оптиной пустыни? Да и на Валааме не хуже...

– Бывал я и тут и там, – махнул рукой брат Сергей. – Поправилось, но в Симонопетре у хора какой-то особый распев. Или язык греческий более певучий, не знаю, надо быть профессионалом, чтобы понять. Трудно объяснить непосвящённому.

– Вообще-то я музыке семь лет учился, просто слишком поздно дошло до моих предков, что не моя это стезя. Потом в аварию попал, сломал кисть руки, слава Богу за всё!

А то бы так и занимал чужое место. Хотя и в строительстве не шибко далеко продвинулся...

– Тоже что-нибудь сломал? – неожиданно повеселел мой новый знакомый.

– Угадал! Сломал представление о том, что пора не бараки панельные лепить, а строить красивые и добротные здания. А это многим не понравилось, поэтому сменил профессию.

– Так во-от почему ты не на стройке, теперь поня-а-а-тно, – пропел брат Сергей, но мне лень было растолковывать ему истину. Вроде как оправдывался. А зачем? Пусть думает, как ему нравится, не всё ли равно? В конце концов, разве наводить красоту преступление? Или только красным девицам сие дозволено? Послушание – оно и в Африке послушание, и не моего грешного ума дело. Надо будет, меня и на стройку призовут, чай для старцев не секрет, что я строитель, а не садовник. Но и за садом кому-то смотреть нужно, и траву полоть...

– Так что тебя ещё так поразило в Симонопетре, – I'm re-

шил сменить пластинку, чтобы наша первая встреча не стала последней из-за сущей ерунды, вызванной недопониманием.

– Я как увидел последствие пожара, – Серёга указал на пустые глазницы окон, – так сразу прикинул, сколько их было в Симонопетре. Со счёту можно сбиться. И каждый раз он возрождался, можно сказать из пепла.

Удивительно, столько раз горела библиотека и ризница, а все святыни удивительным образом сохранились. Один монах там – сам он из Молдавии, но по-русски говорит даже без акцента, – рассказал нам подробно всю историю монастыря.

– Так ты не один, выходит дело, путешествуешь?

– Нет, нас четверо, просто ребята немного подустали, решили прокатиться до Кареи на четырёх казённых ногах, а мне по душе пешочком через Пантелеимон. И не жалею. Сейчас хочу к святыням приложиться и тоже в Карею пойду. Они хотели в скиту Андрея Первозванного или в Кутлумуше поселиться, как Господь управит. Мы ещё Зограф не посетили и Хиландар.

– Ну что ж, ангела в пути! Кстати, а к вашей археологической экспедиции можно слегка присоединиться или только избранным путь проторен, а всяких залётных не принимаете?

– Почему же, всех принимаем, но только житие спарганское. Со своей палаткой и жратвой или встаёшь на котловое довольствие.

Электричество по талонам, генератор три часа в сутки.

Море в семи верстах, после обеда ездим на вахтовке. До ближайшего жилья час ходьбы или на велосипеде, но его с собой привози. В экспедиции с транспортом напряжёнка.

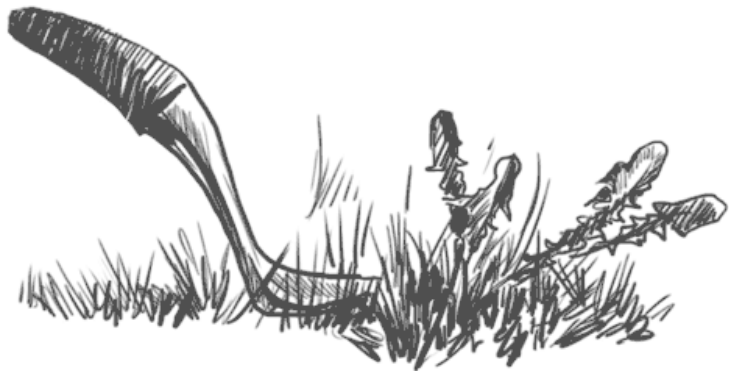
– Устраивает! – азь неприхотливый сжал оба кулака с поднятыми большими пальцами вверх. – Если в августе прикачу, не поздно будет? Или сезон уже закончится?

– Не-е, в самый раз! Как раз камералка в самом разгаре будет, а у нас немногие, кто любит рисовать, всем бы в раскопках участвовать, артефакты находить. Это интереснее.

– А мне бы наоборот. Рисовать у меня, правда, получается только покемонов, а чертить со школы любил, всегда в отличниках пребывал. Полкурса мои проекты стеклили.

– Ну, вот и договорились. Ладно, я побежал, а то время не резиновое. А мне ещё до Кареи топать и Пантократор сегодня хотели успеть посетить. Не знаю, успеем ли?

– Успеете. Молись Николаю Чудотворцу, он всё управит в лучшем виде. До встречи на Крымской земле! – и мы с братом Сергием крепко обнялись. Он засеменял к воротам Свято-Пантелеимонова монастыря, а я снова принялся за ненадолго прерванное послушание.

Глава III. «Симонов камень»

Задолго до Рождества Христова в Сицилии правил государь по имени Гиерон. Среди мудрецов при его дворе особенно выделялся Симонид. Однажды Гиерон спросил его:

– Симонид, объясни мне, что такое Бог?

– Трудный вопрос ты предлагаешь мне, государь, – ответил мудрец, – Позволь мне денёк-другой подумать.

– Хорошо, – согласился Гиерон.

Прошло два дня. Пришёл к царю Симонид и вместо ответа попросил дать ему ещё четыре дня на раздумье. Прошли и эти четыре дня, а Симонид попросил ещё восемь дней отсрочки. Тогда Гиерон нахмурился и говорит мудрецу:

– Ты шутишь, Симонид! Пожалуй, скоро ты станешь просить шестнадцать дней на раздумье, а потом тридцать два. Когда же ты дашь мне окончательный ответ?

– Ты угадал, государь, спокойно сказал Симонид. – Прошло бы восемь дней, я бы стал просить шестнадцать, затем тридцать два, а там шестьдесят четыре и так дальше, удваивая сроки без конца. Что же касается ответа, то, мне кажется, я уже дал тебе его.

– Как дал?! – удивился Гиерон. – Ты ещё ничего не сказал мне о Боге, а только всё просил новых и новых отсрочек!

– Это и есть мой ответ, – без тени смущения ответил мудрец. – Твой вопрос, государь, не по силам никому. Чем больше о нём думаешь, тем меньше понимаешь, приходится просить новых и новых дней. Этот вопрос всё равно, что гора. Издали смотришь – и то кажется громадой, а чем бли-

же подходишь, тем она всё более высится и растёт, и ты перед ней чувствуешь себя маленьким и ничтожным. Как же ты хочешь, государь, умом охватить Того, кто создал и эту гору, и человека, а с ними и всю Вселенную?

Понял Гиерон слова Симонида, благоговейно поднял глаза к небу и прошептал:

– Да. Бог непостижим!

*** * ***

На юго-западном склоне Святой Горы, являясь чудесным рукотворным продолжением высокой отвесной скалы, расположен монастырь Симонопетра (Σιμωνόπετρα), тринадцатый в современной иерархии афонских обителей. Хотя согласно III Типикону он занимал всего лишь двадцать третье место среди монастырей Афона тогдашней эпохи.

«Нанизав» на естественное основание семь этажей, это чудо инженерно-строительной мысли без преувеличения считается самым смелым решением афонской архитектуры.

На высоте 230 метров над уровнем моря, он как маяк «вырастает» из скалы, являясь одним из самых впечатляющих и самых сложных, для того времени, зданий на планете, и вроде бы даже первым многоэтажным зданием в мире.

Симонопетру с полным основанием называют самым ошеломляющим из всех монастырей Афона: его монументальная конструкция на вершине скалистого холма над морем

чем-то напоминает старый Таллинн. Там тоже крепостные стены являются как бы естественным продолжением огромного скалистого основания.

Здесь же отвесные стены переходят в жилые ярусы, поднимающиеся на 7-9 этажей, каждый из которых располагает крытой деревянной галереей, протянувшейся по всей длине здания.

Ограниченная площадь холма обусловила особую застройку территорий монастыря: здесь нет отдельных зданий, за исключением главного храма, – хозяйственные, жилые и религиозные помещения часто располагаются под одной крышей. Мощные каменные стены покрыты ярусами ровных галерей, придавая монастырю сходство с гигантским скворечником.

Согласно преданию решение о строительстве монастыря принял преподобный Симон Мироточивый в 1257 году, увидевший в Рождественскую ночь из своего жилища светящуюся точку на вершине скалы. Поэтому изначально обитель называлась «Новый Вифлеем», но затем получила имя своего основателя и скалы, на которой построена – «Симонопетра» или «камень Симеона» («петра» греч. – камень).

По афонской традиции монахи переименовали её таким образом в честь крепчайшей веры основателя.

История первых двух столетий существования монастыря практически неизвестна – все свидетельства уничтожили по-

жары. В житии святого Симеона повествуется, что обитель была возведена высшими силами, почти без человеческого участия и особое покровительство монастырю оказала равноапостольная Мария Магдалина. Поэтому братия Симонопетры считает святую Марию соосновательницей обители.

Место было указано Симеону Самой Богородицей.

Святой вёл скромный, отшельнический образ жизни в пещере неподалеку от этого места. Святость и особенное достоинство своей аскетической жизни преподобный Симон проявил дивными подвигами и чудесами, которые совершил как при жизни, так и после кончины, и особенно источением мира, подобно великомученику Димитрию Солунскому.

Откуда Симеон был родом, кто были его родители, как воспитан и где совершал начальные иноческие подвиги, нет ни исторических сведений, ни даже местного предания.

Что касается до прекрасной его жизни на Афонской Горе, про то расскажет следующее повествование.

Помня старческое изречение, что без послушания спастись невозможно, преподобный Симон постарался после прихода на Святоименную Гору прежде всего найти духовного старца, которому мог бы подчинить себя безусловно. Чтобы был тот старец ему не только верным водителем ко спасению и светлым образцом совершенного подвижничества, но и строгим судьёй в отношении к его немощам.

Как любое живое существо ищет животворных струй источника, так и преподобный ходил по всем монастырям и

скитам Святой Горы в надежде найти себе желаемого руководителя. При каждой встрече с иноками испытанной жизни пришлец вступал с ними в подробные расспросы и суждения о добродетелях иноческих.

Наконец, среди множества их, нашёл искомого старца, совершенного во всех отношениях подвижничества.

Единственным правилом всех своих действий, после открытия учителю всех обстоятельств минувшей жизни поставил он безусловную покорность всему, что бы ни повелевал ему авва; положил исполнять в точности и без всякого размышления каждое из отеческих его слов – так, как бы слова эти исходили не из уст старца, а от Самого Господа Бога.

Такая благопокорливость ученика радовала учителя.

Чтобы не подать ему случая к тщеславным помыслам и вместе с тем укрепить его в опытах крестной жизни и безусловного послушания, старец вместо хвалы и снисхождения не только постоянно бранил его, но даже частенько бил. А блаженный принимал это с великой радостью и благодарением. Следствием содействия благодати было с его стороны то, что когда старец вместо побоев и унижения начинал оказывать ему внимание, он скорбел и считал это важным ущербом в деле спасения.

Вследствие этого между ними воцарилась такая взаимность сердечной любви, которая составляет счастье и радость как родителей, так и детей и которой, к сожалению, иногда не пользуются ни те, ни другие. Сладкие плоды по-

добной любви преподобный Симон, очевидно проявлял, со своей стороны, в неподражаемом благоговении и привязанности к своему старцу.

Эта привязанность простиралась до того, что когда авва спал, он лобызал ноги его и даже то место, где тот обыкновенно отдыхал после трудов своих или молитвенно беседовал с Богом.

Всё это Симон проделывал по чистым побуждениям сердца, что объяснялось его же словами. Он говорил всем, что сколько, с одной стороны, должны мы любить Творца, приведшего нас из небытия в бытие, столько же, с другой – и старца, ибо этот последний при помощи Божией преобразует в нас внутреннего человека, некоторым образом восстанавливает и обновляет образ Божий, падший и сокрушённый нашим небрежением и тяжкими грехами.

Так глубоко чувствовал блаженный важность и необходимость безусловного повиновения старческой, а не собственной греховной воле, что этим образом мыслей о добродетельной жизни преподобный Симон скоро прославился по всей Святой Горе. Равные ему по возрасту благоговели перед ним, а старшие любили его. Потому что те и другие, несмотря на юный его возраст чувствовали в нём старческий разум, в подвигах – неподражаемое терпение, в разуме – совершенство, в слове – назидание, строгую рассудительность и, наконец, искреннюю ко всем любовь, составляющую венец всех добродетелей.

Одним словом, преподобный Симон сделался на Святой Горе украшением своего времени и светлым образцом испытанного послушания, так как оно является незыблемым основанием смирения и прочих подвигов иночества.

Старец, убедившись постоянными опытами в истинно безусловном послушании Симона, совершенно изменился в обхождении с ним, и при отеческой внимательности к нему, располагал им, как послушником, а обходился с ним как с братом и даже в некоторых случаях просил его советов и рассуждения.

Какие же были следствия такой перемены старческого отношения для смиренного Симона? Вместо того чтобы радоваться внимательности аввы, он зѣло огорчился и решил оставить его под тем предлогом, что ищет себе совершенное безмолвие.

Когда блаженный поведал это своему духовнику и, заливаясь слезами, начал просить его благословения, тот, хотя и с прискорбием, но всё же изъявил своё старческое соизволение.

Таким образом, святой Симон расстался со своим старцем, для которого в последнее время был уже не столько учеником, сколько другом и дивным сподвижником.

Долго искал Святой Симон на Святой Горе такую сокровенную пустынь, где бы никто не мог ни знать, ни найти его, пока, наконец, с Божией помощью не обрёл пустынную скалу, а при ней пещеру на юго-западной стороне Святой Горы.

Именно там существует ныне монастырь Симонопетра, основанный, как уже упоминалось выше, этим самым преподобным.

Поселяясь в пещере, преподобный Симон, зная, что ему предстоит бороться с невидимыми врагами, облёкся при содействии Духа Святаго в духовное всеоружие, облобызал крест, молитву, веру, терпение, пост и всё, что уничтожает демонские козни и возвышает человека до ангельской чистоты и младенческого бесстрастия. Трудно представить тайные сети и брань сатаны против святого Симона, который, впрочем, царственно наступил и попрам его гордыню и низложил все козни.

Из множества таких случаев расскажем о следующем.

Один раз ночью святой молился, как вдруг является пред ним демон в виде страшного дракона. Зевнув пастью, он хотел проглотить святого, но так как не было на то соизволения Свыше, не мог умертвить его. Ачесть одним ударом своего хвоста поверг преподобного наземь так сильно, что святой Симон, в совершенном изнеможении чувств, едва мог собраться с духом и воспеть с Пророком: «Приближишася на мя злобующии во еже снести плоти моя» [Пс. 26, 2]. «Аз же яко глух не слышай, и яко нем не отверзаяй уст своих» [Пс. 37, 14].

Меж тем, страшный дракон не преставал бить его хвостом своим с намерением если не совсем умертвить, когда бы попустил это Всевышний, то, по крайней мере, навести страх

и таким образом выгнать его из пустыни.

Но вместо страха, несмотря на невыносимую боль, святой Симон обратился к Богу с молитвенным воплем страдальческой души. Зная, что не чувственный дракон напал на него, а под видом его вооружился сатана, противопоставил ему имя Господа Саваофа, и дракон – как дым, исчез на виду у него.

Следствием сего подвига и непостыдной надежды на помощь Божию было то, что едва исчез демон, по пещере разлился тихий Божественный свет, повеял райский аромат, и Симон, исполненный сердечного веселья и мира, услышал глас Свыше:

– Мужайся и крепись, послушный и верный раб Сына Моего!

Повинуясь велению Богородицы, святой Симон остался по-прежнему в пещере и провёл в ней многая лета, несмотря на постоянную борьбу с невидимым врагом своего спасения и на чрезвычайные скорби и лишения с внешней стороны.

Меж тем, узнав о его аскетической жизни и особенном духе ведения и рассудительности, многие из иноков Святой Горы начали приходить к нему и все получали великую пользу душе своей от его советов. Ибо, по Слову Божию, «не может укрыться град, стоя верху горы» [Мф. 5;14]. Вместе с тем Симон удостоился получить от Господа дар прозорливости и предвидения.

Впрочем, по своему смиренномудрию, не терпя, с одной стороны, славы, а с другой, – избегая докучливости людской,

он тяготился своим положением, особенно когда увидел, что посещение братии служило препятствием его безмолвию. И потому хотел было снова перейти в место более пустынное. Но Творец, промышляющий и пекущийся о пользе и спасении как всех, так и каждого, воспрепятствовал такому его намерению.

Как-то ночью, во время молитвы, он вышел из пещеры и увидел страшное явление: внимание Симона привлекла яркая звезда, которая, как ему представилось, опустилась с неба и стала над ближайшей скалой.

Пещера, как обычно накануне Рождества Христова, осиялась Божественным светом. Вокруг разливалось неизъяснимое благоухание, и вот послышался преподобному глас Свыше.

– Симон, Симон, верный друг и служитель Сына Моего! Не удаляйся отсюда, Я положила прославить это место, ты будешь для него светом, а имя твоё будет славно.

Зная, по словам апостола, что сатана преобразуется и в Ангела света, Симон сначала из предосторожности не поверил этому видению: не сети ли это лукавого? Поэтому он всё-таки не оставил мысль, куда бы ему удалиться на безмолвие.

Однако это видение повторялось несколько ночей кряду, но преподобный Симон все-таки остерегался, не есть ли это действие вражеское, а потому и не вполне доверял ему.

Когда же наступила ночь на Рождество Христово – он видит снова светлую звезду и слышит Божественный глас:

– Симон! Ты должен основать здесь иноческое общежитие. Оставь своё сомнение, Я Сама буду тебе Помощница, а иначе за твоё неверие будешь наказан!

Голос этот слышал он трижды. И как говорил он впоследствии ученикам своим, в это время, ему представилось, что он находится в Вифлееме Иудейском на месте пастырей и слышит сладкие звуки ангельского пения: «Не бойтесь, я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям. Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человецех благоволение!» [Лк. 2: 10, 14].

После этого исступление и страх оставили святого, и он возвеселился духовно, таинственно созерцая события Вифлеемские, когда там, в пещере, в яслях Пресвятая Богородица и праведный Иосиф благоговейно предстояли Божественному Младенцу.

Прошло несколько дней после Рождества Христова.

И вот приходят к преподобному трое мирян, братья по плоти и люди очень богатые. Припав к нему, они исповедались ему во всех грехах и потом стали убедительно упрашивать его о принятии их к себе в послушание.

Это было следствием того, что слава добродетельной жизни преподобного пронеслась уже по всей Македонии и Фессалии. Далеко не сразу святой Симон откликнулся на их прошение под предлогом великих трудностей, какие сопряжены с обетами иноческой жизни и безусловного послушания.

Однако они, как посланные Свыше в помощь преподобно-

му при созидании киновии, не преставали умолять его, чтобы он оставил их хотя бы на несколько дней при себе.

– А если будешь недоволен нами, – говорили они, – тогда вышлешь нас отсюда.

Такая усиленная их мольба не могла не тронуть блаженно-го: он принял их, облёк в ангельский образ, причастил Святых Христовых Тайн. Только тогда, как своим братьям по духу, он открыл им о Божественном видении, повторявшемся неоднократно над соседней скалой, взяв с них обет, молчать об этом чуде до тех пор, пока он жив.

Братья, выслушав его, с любовью предложили преподобному всё свое богатство для устройства киновии и, по благословению его, занялись приготовлением всего нужного к этому столь важному и богоугодному делу.

Вскоре явились мастера, были подготовлены необходимые стройматериалы, оставалось только обозначить место, где положить камень в основание будущей обители.

Но когда преподобный Симон указал мастерам место, где строить церковь и другие здания, строители ужаснулись, видя отвесную скалу, которая должна была служить основанием. Работать на такой высоте было крайне сложно – акрофобия существовала и тысячу лет назад.

– Шутишь ты, авва, – говорили они ему, – или говоришь правду? Посмотри, можно ли приняться за дело, когда эта скала может быть опасна для строителей, а тем более для тех, кто будет жить здесь? Как хочешь, а мы не хотим напрасной

смерти.

Дело, таким образом, осталось нерешённым. Строители, напуганные глубиной пропасти, всерьёз считали, что попытки их безнадежны, и поэтому решили уйти.

Между тем святой Симон, видя, что не может убедить их приступить к постройке, велел приготовить трапезу.

Когда они вкушали её, один из учеников преподобного, Исаия, поднося вино, по зависти демонской запнулся и упал со скалы вниз, в страшную пропасть, держа в одной руке сосуд, а в другой – налитый стакан вина. Как раз на то самое место, где ныне расположена монастырская пристань.

Блаженный Симеон, глубоко скорбя по произошедшему, попросил братию спуститься за телом келейника. Поражённые случившимся, мастера строго заметили преподобному:

– Видишь, авва, начатки убийственных следствий твоего неосновательного предприятия! Сколько бы могло быть подобных случаев смертоубийства, решишь мы строить здесь обитель!

Святой ничего не отвечал им, а между тем втайне молился Владычице Богородице. Да не постыдился он, ожидая заступничества Ея. Столь неизреченны чудеса Твои, Владычица, и кто может восхвалить величие Твоё!

Не прошло и получаса, как брат, неосторожно упавший в пропасть, вышел из неё с противоположной стороны не только совершенно здоровый и невредимый заступничеством Пресвятой Богородицы, но даже с неразбившимися стака-

ном и сосудом в руках, так и вина не было пролито ни единой капли!

Такое чудо привело мастеров в трепет и ужас; они пали к ногам святого и, прося прощения, молвили: «Теперь мы узнали, отче, что ты точно человек Божий».

И по усердному их желанию все они были приняты преподобным в число братии, и вскоре удостоены ангельского образа.

Увидев в этом Божие знамение, строители убедились, что Сама Богородица помогает им. А место это с тех пор стали называть «Симонопетра» в память о твёрдой вере основателя обители.

Под непосредственным наблюдением и по распоряжениям самого преподобного Симона ученики его, бывшие ранее мастерами, приступили к возведению монастыря.

Но так как им нужно было, прежде всего, положить в основание огромной величины камень, то святой им указал на один, находившийся вблизи, и велел перенести его. А они, забыв про чудо и видя, что нельзя не только донести эту тяжесть общими силами до назначенного места, но даже и сдвинуть её, стояли в недоумении и не знали, что им делать.

Видя это, святой подошёл к ним, и, запечатлев на том камне знамение животворящего креста, без посторонней помощи поднял его на плечи, перенёс и положил там, где нужно.

Таким образом, он на деле доказал истину слов, которые Господь сказал апостолам: «Истинно говорю вам: если вы бу-

дете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдёт» [Мф. 17: 20].

Человек, совершенно иссохший от постнических трудов и подвижнической жизни, поднял тяжесть, превышающую человеческие силы. Не видно ли из этого, что преподобный стал очевидным орудием всемогущей десницы Всевышнего, что подтверждается и следующим чудом.

Когда монастырь, которому из-за явившейся над ним звезды святой Симон дал имя Нового Вифлеема, был устроен, и братство его умножилось, у монастырской пристани показались хищные сарацины, желающие разграбить обитель.

Заметив неприязненные их действия, святой в сопровождении некоторых своих учеников, спустился к пристани и поднёс им хлеб и плоды. Сарацины взяли приношение, но, желая расхитить монастырские сокровища, приступили к преподобному и требовали, чтобы он показал им начальника обители.

Святой кротко отвечал им, что смиренный настоятель её – он сам и что, кроме вынесенных к ним даров, у них ничего нет.

Разбойники, недовольные таким ответом, бросились с неистовством на святого, как дикие звери, а один даже обнажил меч, чтобы убить его.

Но Всевидящий Бог не допустил этого: рука дерзкого убийцы внезапно иссохла, а прочие сарацины поражены были слепотой. Вразумлённые таким Небесным гневом, злодеи

в один голос закричали: «Аллах, аллах», – и, заливаясь слезами, смиренно начали просить святого об исцелении. «Умилосердись над нами, авва, – вопияли они, – и исцели нас; мы даём слово отныне и вовеки быть христианами!» И тотчас исцелились.

В 1363 году монастырь получил щедрое пожертвование от сербского государя Иоанна Углиеша Мрнявчевича. Благодаря обильным дарам в монастыре начался период расцвета.

На эти жертвования были построены новые здания и приобретены несколько земельных участков. В связи с этим монахи Симонопетры почитают Иоанна Углиеша в качестве второго основателя монастыря. Его дочь получила исцеление по молитвам преподобного Симона, а сам Иоанн впоследствии принял постриг и монашествовал в Симонопетре.

По причине случившегося здесь в 1570 году пожара, когда исчезли бесценные документы, в частности связанные с византийским периодом жизни обители, нам не известны точные даты истории монастыря и навсегда сокрыты от нас многие факты. В 1581 году Симонопетра снова пострадал от страшного пожара, уничтожившего множество построек, часть библиотеки и другие святыни. Обитель была покинута монахами на некоторое время, которые переселились в соседний монастырь Ксенофонт, но продолжали трудиться над восстановлением обители.

К середине XV века число малых обителей на Афоне фактически сошло на нет, и монашеская жизнь переместилась

в крупные монастыри – с конца XVI века и доныне их двадцать.

Тогда же на смену общежитийному уставу, установленному ещё в X веке святым Афанасием Афонским по образцу устава святого Василия Великого, пришло и получило широкое распространение новое для Афона устройство – идиоритм, то есть особый, своеобразный. Это устройство, подобно уставам древних лавр, позволяло инокам самостоятельно распределять силы и время на труд и молитву. Каждому разрешалось иметь собственность и даже землю для обеспечения себя всем необходимым. Общее богослужение, трапеза и послушание хотя и сохранялись, как в общежитии, но не носили безусловно обязательного характера.

Игумен в таких монастырях избирался лишь номинально, обителью сообща руководили проэстосы, то есть старейшие монахи. Сами монастыри в это время, благодаря обилию разнообразных построек, напоминали города в миниатюре и содержались за счёт огромных вкладов извне от доходных имений, пожалованных императорами и другими благодетелями.

Однако, несмотря на преимущества такого строя жизни, его можно было реализовать лишь там, где уже была достигнута высокая степень духовного совершенства и личной ответственности. При её отсутствии идиоритм оказывался просто уклонением от «слишком строгого» общежительного устава, «плотской» жизнью в монашеской одежде.

И то, что духовный уровень большинства иноков оказался не соответствующим возможностям идиоритма, с особой остротой проявилось во время турецкого владычества.

Завоевание Византии в 1453 году турками-мусульманами в жизни Афона на первых порах почти ничего не изменило, да и затем изменения выразились лишь в необходимости платить подати. Но отсутствие материальной поддержки от государства, уже ставшей привычной, требовало мобилизации всех личных усилий при полном единстве братии. И постепенно открылась картина крайнего духовного упадка, потому что в своеволии таится корень зла.

Ныне общежительный монастырь не разрешается превращать в идиоритм, но особножительный преобразуется в общежительный по требованию большинства старших братьев, чей постриг превышает шесть лет. Решение о преобразовании монастыря в киновиальный принимается Священным Кинотом и доводится до Константинопольского Патриарха на предмет издания соответствующего сигиллия – Патриаршего указа (статья 85).

В годы испытаний идиоритмическое устройство оказалось инокам непосильным и практически способствовало не углублению, а ослаблению аскезы. Само слово «идиоритм» в эту эпоху приобрело негативный оттенок «своежитие» и стало как бы обозначением плотского своеволия.

В XVIII–XIX веках в одиннадцати афонских монастырях вновь было учреждено киновиальное устройство с запреща-

нием обратного перехода к идиоритму. А девять афонских монастырей даже в 1960 году всё ещё оставались особенно-жительными, но с 1992 года все перешли на киновиальное устройство.

Обитель Симонопетра, которая в XVII веке также имела идиоритмическое устройство, вернулась к киновиальному с 1801 года.

В результате изменилась роль устава. В общежитии видеть уже не столько путь к достижению высоты богопознания, сколько практическое средство уберечься хотя бы от самых пагубных пороков. Главным в духовном делании теперь считалось послушание, беспрекословное подчинение, всвязи с чем особенно подчеркивается роль игумена.

Русский учёный-паломник архимандрит Антонин (Капустин) отмечал, что полное подчинение игумену возможно лишь там, где игумен есть достойный представитель единой воли, подобный святому Афанасию и другим. Однако же, где нет игуменства делом, игумена-отца, а есть только игумен именем, игумен-господин, там и в общежитии представляются камни преткновения, не меньшие, чем в своежитии.

В 1622 году в обители случился очередной пожар повредивший собрание монастырских летописей. Вскоре монастырь был восстановлен, но в 1626 году горел вновь, что привело к полнейшему упадку, и обитель надолго опустела.

В 1762 году сюда прибыл иеромонах Паисий Величковский, оказавший монастырю серьёзную помощь.

В конце XVIII века усилиями святителя Иоасафа Митиленского, епископа Белгородского, обитель вновь ожила. Известный церковный деятель выкупил для монастыря часть подворий и нетленную десницу Марии Магдалины.

Монастырь Симонопетра благодаря своей неповторимой архитектуре никогда не подвергался пиратским набегам. Трудным временем для него был лишь период борьбы Греции за независимость, когда турки наложили налог на монастырь, вследствие чего монахи оставили обитель. В 1821 году большинство монахов покинули Асимопетру (как стала называться обитель в период турецкого гнёта) как и многие другие монастыри.

Во время греческой революции монастырь был захвачен 60-ю оттоманскими солдатами, и оказался полностью заброшенным. Монахи не могли содержать оккупантов, и были вынуждены разрушить обитель. До этого они уже сожгли этажи, иконы, книги и разобрали свинцовую крышу храма. Однако через 4 года иноки вернулись и восстановили монастырь.

Многие древние реликвии были уничтожены пожаром 1891 года, в котором выгорело большинство зданий, собор, сгорела библиотека, были утрачены многие реликвии.

Огонь охватил фактически все помещения монастыря, уничтожил старые постройки и монастырские драгоценности. Насельники чудом смогли спастись и вынести некоторые святыни, многие из которых пострадали от другого большо-

го пожара, случившегося в августе 1990 года.

В 1902 году обитель восстановил руководитель монастыря архимандрит Неофит. Он несколько раз ездил в Россию, где и собрал необходимые деньги не только на восстановление монастыря, но и на присоединение новых владений. Реставрация стала возможной лишь благодаря поддержке со стороны русских верующих, оказавших монастырю щедрую помощь.

Главный соборный храм монастыря, небольшой и основательный, ведёт свою историю с 1600 года. Но нынешнюю форму обрёл лишь в 1891 году после восстановительных работ, и до сих пор не расписан. От первоначального сооружения остались лишь элементы фундамента, чему виной несколько разрушительных пожаров, охвативших монастырь с XVI по XIX век.

Освящён собор в честь Рождества Спасителя, поэтому престольный праздник в монастыре 25 декабря/7 января – Рождество Христово. Также особо почитаем день памяти Преподобного Симона Мироточивого, основателя монастыря 28 декабря/10 января, и день памяти Святой равноапостольной Марии Магдалины 22 июля/4 августа.

Стоит обратить внимание на богато украшенный иконостас, старинные иконы и серебряные сосуды для святых даров.

Всего на территории монастыря помимо Соборного храма расположены 4 церкви: Марии Магдалины, святого Хара-

лампия, святого Георгия Победоносца и святых Архангелов.

За пределами обители находятся восемь храмов: Успения Пресвятой Богородицы; Святителя Николая Чудотворца; святого Апостола Иоанна Богослова; святого великомученика Димитрия; святой мученицы Мины; преподобного Симона и другие.

Также монастырь имеет восемь часовен на своей территории и четыре вне его; четыре каливы, в которых в одиночестве живут монахи-отшельники, и семь келий в Карее, из которых келья Всех Святых является его представительством, а также другие здания в Карее и Дафни.

Кроме того, за пределами Афона монастырь располагает следующими подворьями: Вознесенским в Афинах, Святого Харлампия в Салониках, Преображенским в Ормилии на Халкидике, Святого Артемия и Святого Антипа на Сифносе и Богородицы Триги на Лемносе.

Среди особо почитаемых икон обители: «Успение Пресвятой Богородицы», образ Божьей Матери «Надежда отчаявшихся» и чудотворная икона «Элеовритисса» («Элеоточивая»), находящаяся рядом с помещением, где хранится оливковое масло.

С этим образом связано множество чудес.

В 1974 году был случай, когда монастырь посетила Своей милостью Пресвятая Богородица. Это чудо, случившееся через год после возвращения иноков в Симонопетру, было знамением, что Богородительница благословляет возрожде-

ние обители.

В канун великого праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы монах, которого послали осмотреть огромные канистры перед заготовкой нового урожая, сказал, что две ёмкости, которые за день до этого были совершенно пустыми, полны масла. Причём иноки не обращались с мольбой к Божией Матери и не ведали, зачем Богородица послала им масло: они абсолютно в нём не нуждались, да и могли бы купить его.

В 1989 году чудо повторилось. А летом следующего года на Афоне был страшный пожар. Он начался на западном побережье, в Ивероне, и охватил почти весь полуостров.

Вокруг Симонопетры огонь бушевал со всех сторон, но чудесным образом сама обитель от пожара практически не пострадала. Снаружи весь монастырь был охвачен стеной огня, пожарные приказали монахам эвакуироваться, все бежали из стороны в сторону, пытаясь выносить какие-то вещи. И лишь архимандрит Эмилиан спокойно отправил всех по кельям – молиться.

Только когда пожар был полностью потушен, игумен поведал братии, что накануне ему являлась Божья Мать и сказала, что огонь обойдёт монастырь стороной. Но старец никому ничего не открыл, дабы проверить силу веры у подопечных. Это чудо стало предзнаменованием расцвета монастыря.

Наиболее почитаемая реликвия монастыря – нетленная

кисть десницы святой равноапостольной Марии Магдалины, которая, согласно преданию, коснулась Самого Христа и поклониться которой приходят множество паломников со всего света. Она более двух тысячелетий чудесно сохраняет тепло человеческого тела: это ощущает каждый, прикладывающийся к ней.

Также здесь хранятся: фрагмент Честного Древа Животворящего Креста Господня; стопа святого мученика Киррика; честная глава Святого Павла Исповедника, патриарха Константинопольского; глава святого Модеста, патриарха Иерусалимского; лик святого мученика Сергия, на котором виден шрам, оставшийся от удара во время его мучений; кровь святого Димитрия Солунского; правая рука святого Дионисия Ареопагита.

Частицы мощей Иоанна Крестителя; святого Харалампия; святой Феодоры Александрийской; святого Симеона Столпника; преподобного Дионисия Закинфского; святых безсребреников Космы и Дамиана; святого великомученика Пантелеимона; великомученицы Параскевы; преподобного пророка Наума и многих других святых.

В отдельных церквях покоятся: часть руки преподобномученицы Евдокии и часть руки великомученицы Варвары.

Гордость монастыря составляет обширная библиотека. Среди манускриптов на греческом, турецком и румынском языках огромное количество печатных книг, певческие манускрипты и уникальные старинные ноты церковных песно-

пений.

В сгоревшей библиотеке монастыря хранились 42 кодекса X–XIV веков, написанных на пергаменте, и 210 кодексов XIV–XIX веков, написанных на бумаге.

В сокровищнице Симонопетры хранятся иконы, печати, гравюры церковные одеяния и головные уборы, серебряные изделия, антиминсы, клейми, а в костнице – многочисленные черепа и кости монахов. Стоит отметить, что весь сохранившийся материал является поствизантийского происхождения.

Раньше монастырь на плодородных землях имел большое количество подворий с фермами, самым старым из которых является Петриотико в Ситонии. На сегодняшний день подворья обители находятся в Халкидиках, Фессалониках, Афинах, а также за рубежом: в Румынии и во Франции.

Симонопетра по ряду причин является одним из самых известных монастырей Святой горы. Жизнь здесь действительно кипит. В 1973 году здесь поселились два десятка иноков, покинувших Метеоры, и с тех пор постоянная братия обители насчитывает пятьдесят монахов.

Они с одинаковым рвением молятся Всевышнему и возделывают монастырские угодья, совмещая свои прямые обязанности с прекрасным.

По всему миру известен хор монастыря, который заслуженно считается одним из лучших на планете и регулярно радует меломанов новыми альбомами.

Игумен Симонопетры – архимандрит Елисей.

...Надежда как была с двумя тарелками в руках, так и застыла в этой позе, пока душевный порыв Алексея не угас, подобно зарнице, и не дал ей возможность продолжить хозяйственные хлопоты. Хотя сердце её продолжало колотиться с той же невероятной частотой, холодный дождь разума уже остудил страстные порывы и неторопливым потоком закрутил жернова мельницы благочестия.

«Семёна жди, молись за него ежедневно, и я молиться буду. Вернётся Семён, ты только жди», – слова отца Амвросия снова рефреном отчеканились в её мозгу.

К ним на пару припомнились ещё и другие: «Сама скоро убедишься, сколь жаден и завистлив безбожный человек».

К чему бы это? Ведь прозорлив батюшка, зря всякую чепуху глаголить не станет. Значит, есть у него на то основание, значит, предчувствует он скорую беду...

Алексей уже вернулся в естественное состояние, хмель улетучился, зато уверенности было не отнять, что все страхи позади, что Надежда никогда его не предаст и не оставит без защиты и попечения, не бросит на произвол судьбы. В этом он мог не сомневаться совершенно.

Пока она убирала со стола и готовила всё к чаепитию, Алексей не отводил зачарованного взгляда от переливчатого мерцания пламени на хрустальном узоре графина, словно это было волшебное северное сияние.

Но вот разлитый по чашкам духмяный напиток защекотал ноздри, свежеиспечённый пирог порадовал очи, а взгляд полных доброты и заботы глаз Надежды снова вселил уверенность в завтрашнем дне. Говорить уже как-то ни о чём не хотелось, всё, что тяготило душу, он уже успел высказать, поэтому чаепитие протекало в тишине, лишь потрескивали поленца в печи.

– Давай ещё налью, – предложила она, чтобы разрядить затянувшееся молчание.

– С удовольствием, – тут же поддержал Алексей, хотя на сегодня уже вполне выполнил норму принятия жидкости.

Но уж очень ему не хотелось прерывать эти посиделки, так сладок был ему этот разговор, что хотелось продолжать его до бесконечности несмотря ни на что.

Все переживания и пересуды вчерашнего дня, всё услышанное из уст как Надежды, так и Виктора он успел переварить и, насколько это оказалось возможным, поменять мировоззрение.

Однако не нужно обольщаться, что сию минуту Алексей был готов стать великомучеником за Христа, но всё же православная чаша весов в его сознании явно брала первенство.

Смерти не боятся только блаженные и младенцы несмышлёные, а вот вера в счастливый финал укрепилась в нём паче известковой стяжки после многолетней карбонизации.

Восхищённо приняв из рук Надежды дымящийся ароматом эликсир, он с нескрываемым блаженством принялся отводить душу, будто на исповеди. Когда у человека наступает мир в душе, тогда и всё человеческое в нём уже не прячется за призрачный фасад застенчивости. И не отягощается грузом животного страха за ближайшее будущее. А что ждёт нас в отдалённом будущем, то знает лишь Господь Бог. Главное – безраздельно доверять Ему.

– Слушай, – Алексей вдруг встрепенулся, будто пробудился от кошмарного сна. – А что, ты говорила, тебе последнее поведал батюшка перед тем, как вы расстались?

– Он намекнул, что мне вскоре воочию предстоит убедиться, насколько жаден и завистлив безбожный человек, что зависть людская похлеще змеиного укуса будет. «Аще бы толико ума имел, сколико молвил, толико не молвил бы», – дословно им сказано.

– А к чему он это сказал, ты не знаешь? – Алексея снова не на шутку пронзил страх.

– Во всяком случае, думаю, не про нас с тобой. Тогда бы он не стал уверять меня ничего не бояться, а наоборот, предупредил бы о надвигающейся беде. Так что не переживай.

Спокойный её тон и доброжелательная улыбка почти убедили Алексея в правильности слов Надежды, но мы помним

из Священного Писания, что даже апостол Пётр засомневался, когда начал тонуть в Галилейском море [Мф. 14, 30-32]. Что уж говорить о человеке, который едва-едва возвратился к вере православной, будучи столько лет воинствующим атеистом?

Неторопливо, глоток за глотком, он продолжал наслаждаться ароматным чаем вприкуску с малиновым вареньем.

Но хрупкий мир в душе снова подвергся испытанию на прочность и не сумел это испытание преодолеть. Надежда попыталась, было, перевести разговор в бытовое русло, но, словно мембраной, постоянно улавливала ту непреодолимую настороженность в его глазах, которая, подобно масляному пятну на воде, вроде бы и незаметна, но и не даёт покоя.

– А ещё отец Амвросий сказал мне напоследок, чтобы я Семёна ждала. Несмотря ни на что ждала. Что вернётся Семён, обязательно вернётся. Но вот когда не сказал.

– А сама как думаешь: это он сказал ради утешения или действительно предполагает?

– Думаю, чтобы верила, – Надежда в упор посмотрела в его очи. – По вере и сбудется! Для Господа нет ничего невозможного, только верить нужно, отбросив всяческие сомнения.

– Счастливая ты, – вдруг неожиданно констатировал Алексей, сам того испугавшись. – Вот бы мне хоть толику твоей уверенности. А то места себе не нахожу.

– А ты найди в молитве место своё, – произнесла она так,

как произносят напутствие на дальнюю дорогу. – Сейчас тебе как раз самое время к Богу возвратиться, подобно блудному сыну. Господь прощает раскаявшихся грешников и даже помогает при жизненных невзгодах.

– Хм-м, на словах оно легко получается, – Алексей допил последний глоток и поставил чашку на стол. – А лишь вспомню, как в подвале сидел и что успел почувствовать за каких-то полчаса. Особливо когда ты за рассолом полезла... А полицай зыркать начал...

– Зато теперь знаешь, если что, то тебя никто не найдёт. И никто никогда не выдаст. Когда придёт твой черёд, тогда и ангелы тебя понесут, и не заметишь, как дома окажешься.

– Знаешь, о чём я подумал? Даже не подумал, а просто чисто по-человечески позавидовал Семёну. Иметь такую опору в жизни, такую жену, у которой вера крепче гранита, разве можно желать большего счастья? Ты – Семёнов камень, – и Алексей улыбнулся во второй раз.

Надя не стала ничего говорить, лишь ответила такой же затаённой улыбкой.

К чему слова, если и так всё понятно без слов. Сейчас, когда опасность поджидала в любой момент, таилась за каждым углом, она была счастливее многократно, чем когда изнывала от одиночества и не знала о судьбе любимого мужа.

«Семёнов камень», – продолжала она повторять вновь и вновь, и приходила в неопикуемый восторг, будто гимназистка, прочитавшая «на отлично» стихи Пушкина на экзамене.

Позже её вновь захватило мирское попечение – домашние заботы никуда не делись. Но она уже не только не чувствовала усталости, а наоборот, справившись с очередным делом, ощущала каждый раз новый прилив сил.

Вот уже и сумерки дожевали последний лучик солнца, потихоньку на потемневший небосвод выкатилась луна, обозначив своим присутствием, что очередной день стал достоянием истории. И что «Семёнов камень» далеко не каменная, а состоит из плоти и крови, и только Божией благодатью, непоколебимой верой и безграничным милосердием она ещё держится на ногах и помогает спастись рабу Божию Алексею. Аминь!

Глава IV. «Агио Пантелеимон»

К одному Учителю пришёл человек и спросил: «Ты Бог?!»

– Нет, – кротко ответил Учитель.

– Ты знаешь больше всех?!

– Нет, – кротко ответил Учитель.

– Ты мудрее всех остальных?!

– Нет, – кротко ответил Учитель.

– Так почему же ты думаешь, что имеешь право что-то говорить людям?!

– Мы все идём по одной дороге, и если я, или кто-то другой увидел яму, то его долг предупредить об этом всех остальных.

Как известно, театр начинается с вешалки, предприятие – с проходной, а государство – с границы. Разумеется, для тех, кто пересекает её из соседней страны, не имея чести пребывать в статусе гражданина державы, но являясь званым гостем.

Станцию Харьков некогда Южной железной дороги трудно назвать пограничной, однако с распадом СССР и образованием незалежной України, ей досталась эта малопочтенная миссия.

Благополучно пройдя пограничные формальности на станции Белгород, мы никак не ожидали, что подобная процедура с украинской стороны будет столь муторной и унижительной.

Здоровенный бугай, который вполне мог двигать наш поезд вместо локомотива, и дородная деваха с формами «а ля Рубенс в ауте», с нагловато-казённым гонором стали проверять паспорта и досматривать багаж. Девушка в каждом чемодане обязательно находила вопиющий беспорядок, но пассажиры были принципиальны, и со взятками дело упорно не выгорало.

Когда очередь дошла, наконец, до моей персоны, злость прикордонников удвоилась, и они уже позабыли всякие приличия.

Несмотря ни на что я не собирался поддаваться на их провокации, потому молча и, как можно более учтиво предъявил документы и багаж к досмотру.

Верзила «прожёлг» меня будто рентгеном, после чего стал рассматривать мой паспорт, не забыв с откровенной злостью оторвать корешок карты прибытия.

Девушка тем временем обследовала содержимое моего рюкзака с таким усердием, будто там могли находиться французские духи, которые запрещены к ввозу в Незалежную. Однако, обнаружив лишь прожиточный минимум участника археологической экспедиции, явно впала в уныние, но виду не показала.

Впрочем, время стоянки поезда ограничено, поэтому все переживания Олеса (так бугай обратился к напарнице) отложила на «музыкальную паузу».

Через считанные минуты над величественным зданием «пивденного» вокзала зазвучит «Прощание славянки», тогда можно будет, в самых что ни на есть непарламентских выражениях высказать всё, что накипело за достаточно короткую жизнь в её необъятной груди номер семь по адресу «клятых москалей».

– Крым подарили этим свиньям, так ещё взятку давай за то, что хочешь там отдохнуть, – в сердцах ощерился небольшого росточка дед, вероятно, без снотворного, не способный соединять голову с подушкой. – А ещё лекарства нельзя провозить, будто я наркотики какие везу. Лучше бы контрабандистов ловили, а то норовят взятку содрать, где попроще!..

Дед ещё что-то ворчал себе под нос, но слов было уже не разобрать. Я придавил ухом казённую наволочку, но сон ушёл из обоих глаз по-английски, забыв сказать good-bye⁸.

⁸ Good-bye (англ.) – до свидания.

Прибегать же к испытанному методу почему-то не хотелось.

«Нервы», – подумалось мне, а сей недуг спиртным не лечится. Более того, калечится.

До тёплого моря нужно было ещё доехать, стало быть, единственный способ в данных условиях вернуть благодать на душе – это метод самураев. Вдохнув побольше воздуха, напоённого запахом человеческого естества и нестиранных носков, я на минуту задержал дыхание и так повторил несколько раз.

После серии упражнений сердечная боль немного отлегла, голова стала непропорционально тяжёлой, и через минуту мной овладел мир грёз и любви.

С рассветом я почувствовал, что залізниця в Незалэжной содержится, мягко говоря, не на должном уровне, машинистов набирают, видимо, в ближайшей пивной, а торговки плодятся пуще летающих кровососущих насекомых.

Не успело солнце окрасить небо на востоке, как по вагонам начали шнырять затрапезного вида товарки, мычащие на непонятном диалекте экзотические названия предлагаемого барахла. По опыту знаю, что стоит проявить малейший интерес, как они от тебя не отвяжутся, пока не впарят свой хлам или не доведут тебя до белого каления. Поэтому, не желая употреблять крепкое словцо, отделялся молчаливым безразличием.

Кое-кто из пассажиров, тем не менее, клевал на спекулянтские цены, и тогда в вагоне начинался невообразимый

гвалт. По мере удаления одной торговки, подругу сменяла другая, поэтому вагон вскоре стал напоминать восточный базар.

Окончательно похоронив надежду сомкнуть веки, Гім прихватил казённое полотенце и подался в заведение. Должен отметить, что оно приятно удивило меня чистотой, поэтому моцион вернул так бездарно утраченное хорошее настроение.

После утренней молитвы и принятия священных даров, не мешало подумать и о хлебе насущном. Несмотря на то, что вагон помнил ещё князя Потёмкина-Таврического, кипятик вполне отвечал европейским стандартам. Вежливая проводница Света предлагала «джентльменский набор» всевозможных сладостей, список которых был утверждён, по всей видимости, Верховной Радой. Во главе «набора» стояли конфеты «Roshen», далее по пунктам американская и европейская отрава. Нисколько не соблазнившись данным ассортиментом, аффтор этих строк проследовал в родной отсек и расчехлил свой НЗ.

Хотя путешествую с тех пор, как начал ходить и говорить, с попутчиками знакомиться не особо тороплюсь. Но в данном случае пожилой сосед сам проявил инициативу, поэтому разговор завязался с пол-оборота.

Алексей Семёнович оказался военным пенсионером, хотя в каких войсках довелось служить, он не поведал. Зато с жаром набросился на нынешних реформаторов армии, осо-

бенно бывшего министра обороны и его любовницу, которые всё разворовали и оставили армию, по его меткому выражению, «без порток». Кроме этого они уволили всех «грамотных ветеранов», набрали пройдох и карьеристов, пустили на металлолом всю мощную военную технику, и так далее, и тому подобное.

Короче, все казнокрады, взяточники, воры, et cetera. Воевать никто не умеет, только штаны протирать да разворовывать.

Ларчик просто открывался. Семёныч попал под сокращение, пенсии для беззаботной жизни внуков, разумеется, не хватает. А они ждут не дождутся гостинчиков, которые дед позволял себе в Совдепии на весьма не хилое офицерское денежное довольствие. Отсюда и желчь бьёт фонтаном.

Дослушав внимательно до конца его убийственные доводы, ваш покорный не удержался от наводящего вопроса:

– Скажи, Семёныч, ты считаешь, что старая гвардия непременно должна была умереть на боевом посту. Сокращать её – государственное преступление, я правильно понял твой намёк?

– Я этого не утверждаю, – был ответ. – Но отношение к делу у ветеранов было намного лучше, чем у нынешних. Ответственность была, честь, совесть, патриотизм.

– А может, всё гораздо проще: просто раньше воровать смысла не было. Во-первых, за рубли кроме хлеба, водки и колбасы разве что спички купить можно было, да ботинки

«прощай молодость», а сейчас всё что хочешь. Во-вторых, раньше пока двадцать пять лет не оттарабанишь, из армии не уволишься, если только без пенсии. Потому и служили с оглядкой.

Помимо всего прочего был «железный занавес», и если на гражданку уйдёшь, то чем заниматься? На завод учеником или военруком в школу? Даже охранником устроиться была проблема. Сейчас же широкий выбор, да и мирь поглядеть сможешь, какой смысл за погоны держаться? Другие резоны и стимулы должны быть, а над этим никто голову ломать не хочет. Чисто советский подход. От того и все беды.

– А разве министром обороны можно было торгаша ставить? – Семёныч раскраснелся, как после литра выпитой, и сделал «hände hoch»⁹, а голос зазвенел, как благовест на Велико-ростовской звоннице. – Понятно, что он всё разворует и продаст, какой из него реформатор?

– Так *кого* ставить было? Солдафона? – от этих слов мой собеседник поморщился, будто попробовал змеиный глаз. – Которые до сих пор учат солдат бежать в атаку с криками «ура»? И это в век высокоточного оружия и «звёздных войн»? Он, пожалуй, нареформировал бы, что потом не то, что чеченцев – коряков бы не смогли бы раскорячить.

– А нынешний что нареформировал? Печки-лавочки, да пыль столбом? Реформатор, б...

– Нынешний? Вот ты, Семёныч, вроде бы не дилетант в

⁹ Hände hoch (нем.) – руки вверх.

военном деле, а представляешь хотя бы отдалённо, во сколько обошлась военная реформа? Ты хоть в курсе, сколько стоит один танк или самолёт? Я уже не говорю о боевых кораблях и подводных лодках. И на какие, по-твоему, шиши всё это производится? Вот тебе пенсию сокращают или каждый год только повышают, да не один раз? Может облигации заставляли покупать, как в советские годы?

– Ты хочешь сказать, что нынешний деньги из воздуха делает? Как Арутюн Акопян.

– Семёныч, хочешь одесский анекдот? Циля послала своего благоверного мусор вынести. Полчаса его нет, час нет, через два часа заявляется. Циля в бешенстве: «Ты где, такой-сякой, два часа шлындал? Сколько нужно времени, чтобы мусор выкинуть?» Мойша радостный: «Циля, ты не поверишь, но я его таки продал!!!» Ты догоняешь, Семёныч, или повторить?

Алексей Семёнович с ходу не нашёл, что ответить, но и сокращать диафрагму с короткими выдохами через рот отнюдь не торопился. Это говорило о том, что он всё понял, но тема расходилась с его убеждениями, как встречные поезда, а рассмеяться – значит проявить солидарность. Этого он позволить себе никак не мог, поэтому с постным видом посмотрел в окно.

За окошком неспешно начинался новый день, мерно проплывал унылый пейзаж горняцкого посёлка, по улицам которого всё ещё пылили давно позабытые на безкрайних про-

сторах России «Москвичи» и «Таврии».

Когда-то «жемчужина» в братской семье советских республик, в настоящее время Украина являла собой жалкое зрелище. Два десятка лет незалежности явно не пошли ей на пользу во всех отношениях, тем более если брать в расчёт состояние инфраструктуры и уровень жизни.

Даже если сравнить с советскими временами, то запустение чувствовалось во всём. Или просто Россия за два десятилетия настолько преобразилась, а здесь время словно остановилось как в Чернобыле? Вот уж действительно застой так застой.

И это при том, что не один миллион украинских гастарбайтеров освоили все виды деятельности в России, начиная от торговли овощами на рынках и оказания интимных услуг гарными дівчинами, и заканчивая практически всем спектром рабочих профессий для гарных хлопців. В лихие девяностые українську мову можно было слышать на каждом шагу, пока её не сменило во всех сферах производства среднеазиатское «гыр-гыр».

Может это прозвучит резко, но в наши дни Незалежная всё больше напоминает сумасшедшего, который, повредив вестибулярный аппарат, с умным видом отстреливает себе конечности, в полной уверенности, что после этого будет намного лучше ориентироваться в пространстве и станет устойчивее.

А в действительности, в результате подобной политики с

лёгкой руки кураторов из-за океана, страна паки и паки становится похожа на историческое недоразумение. Или на бродячий цирк, который с каждым годом всё больше бродячий и всё меньше цирк. А если уж быть до конца принципиальным, то всё больше бродячий и всё больше «цирк». Шапито!

Вагон по-прежнему бросало из стороны в сторону, как будто «братский народ» специально хотел отравить отдых в Крыму «клятым москалям». Странно, ведь из полуторамиллионного Харькова жители тоже едут отдыхать в солнечную Тавриду, так зачем же гадить себе любимым? Или просто иссякли карбованцы в казне, а братья-соединённоштатники не торопятся вкладывать зелёные капиталы в непредсказуемую страну? Если только в разработку сланцевых газовых месторождений, что чревато полным уничтожением экологии в здешних краях...

Но доведённый до отчаяния народ готов будет на что угодно, лишь бы дядя Сэм подкинул баксов в тощенький бюджет.

– Вот прикинь, – я отхлебнул пару раз из гранёного стакана, – если в Советской Армии было *сто тысяч*(!) танков, то, сколько голодных ртов можно было накормить, будь у наших вождей хотя бы толика ума? Спрашивается, зачем было клепать столько металлолома?

– Так страна у нас шестую часть суши занимает! – Семёныч просто взорвался от таких крамольных слов собеседника. – Раскинь по всей территории, ещё и не хватит!

– То есть Чукотку ты тоже собрался танками защищать? –

мой вопрос едва не вызвал у собеседника приступ икоты. Однако быстро справившись с возникшим замешательством, он как ни в чём не бывало, собрался парировать мой выпад, но я успел добить его дополнением.

– Или, может, западносибирские болота для них самый подходящий плацдарм? Танки – основное оружие агрессии, а мы на всех углах кричим, что боремся за мир во всём мире.

– Правильно. Хочешь мира – готовься к войне. Это ещё Цезарь говорил, – Семёныч решил проявить свои познания не только в военном деле, но и в истории. Хотя... припиши он эту фразу Ганнибалу, Крассу или Карлу Великому, её актуальность от этого ничуть бы не уменьшилась в размерах. Актуально лишь то, к *какой* войне нужно готовиться?

– То есть, если принять твои доводы, получается, что Чингисхан, Наполеон, Гитлер – это самые миролюбивые вожди в истории, я тебя правильно понял? Они готовились к войне, потому что хотели мира! А может они хотели не мира, а завоевать весь мир? Так оно будет вернее?

Алексей Семёнович открыл, было, рот, чтобы произнести очередной убийственный довод, но получилось у него только несколько вдохов, как будто щука об лёд.

Академия академией, там могли наговорить всё что угодно, но ведь и своими мозгами думать тоже никто не запрещал. Хотя в советских учебных заведениях, тем более военных, это не всегда приветствовалось, а если быть до конца откровенным, то до зѣла не приветствовалось. Зазубривали

то, что завещал великий Ленин, что было выгодно коммунистической партии.

А уму, чести и совести нашей эпохи было выгодно, чтобы электорат клепал металлолом на военных заводах и пахал на колхозных полях. И при этом не сомневался в мудрости советского руководства, которое вело его в «нновое светлое будущее».

Вот только зачем понадобилась перестройка, если «светлое будущее» было уже пять лет как построено? Во всяком разе так было записано в программе партии, которая не менялась.

От нечего возразить Семёныч снова перевёл задумчивый взгляд на пейзаж за окном. В полусотне метров от насыпи и насколько хватало зрения, простиралась и переливалась всеми цветами радуги безбрежная гладь Запорожского моря.

Некогда Днепровские пороги мешали судоходству по великой реке, поэтому ещё Столыпиным была выдвинута идея строительства Днепрогэса.

Поняв, насколько реформы усилят Православную империю, враги совершили на него одиннадцать покушений, но о его безстрашии ходили легенды. Его фразы «Не запугайте!», «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия» стали крылатыми.

Тем не менее, выстрелы террориста Дмитрия Богрова, по странному стечению обстоятельств, произведённые именно в славном граде Київе, что стоит на высоком берегу Днепра,

оборвали жизнь великого реформатора.

Царствие ему Небесное!

Собственно, днепровские пороги, которые ныне покоятся глубоко под водой, и дали название этому краю: Запорожье. Именно здесь возник самый известный в мире воровской притон, именуемый Запорожская Сечь. Гарны хлопці жили исключительно разбоем и работорговлей. Крым в течение трёх веков был в Европе центром торговли людьми. Особо бойко работорговля шла во время тридцатилетней незалежности України от России в послеордынскую эпоху и приносила ей самый богатый доход.

В античную эпоху на берегах Крыма существовали греческие колонии: Каффа (Феодосия), Боспор (Керчь), Киркинитида (Евпатория), Херсонес (Севастополь). Все они были полисами, то есть самоуправляющимися городами, сочетавшими в себе и демократию, и деспотию.

В 986 году в Корсуне (Херсонесе) принял крещение равноапостольный князь Владимир, ставший крестителем Руси. Позднее Керчь перешла под контроль Тмутараканского княжества.

В середине XIII века Крым был включён в состав Золотой Орды. Выгодное стратегическое положение на пересечении Великого Шёлкового пути и пути «из варяг в греки» дало мощный импульс развития его экономики. Хан Мамай даже стал претендовать на господство в Золотой Орде, но в 1380 году благоверный князь Дмитрий Донской разгромил мамаевы полчища на Куликовом поле, после чего Москов-

ское княжество и Крым оказались в ситуации противостояния, которое продолжалось более двух столетий.

В конце XV века Русь, только-только освободившаяся от ордынского ига, ещё не могла в полной мере сопротивляться полчищам крымского хана. Поэтому запорожцы были как бы буфером между Московией и Тавридой, частенько спасая богохранимое наше отечество от басурманских набегов со стороны ордынских правопреемников.

В процессе развала Золотой Орды образовалось Крымское ханство, но в 1475 году было завоёвано Османской империей и становится её верным вассалом.

В 1569 году крымские татары проводят ряд набегов на Русь. В 1571 году хан Девлет-Гирей совершает самый дерзкий набег и сжигает Москву. Лишь Кремль чудом уцелел от пожара.

Первые сведения о крымских христианах в Боспоре и Херсонесе относятся к I веку от Р. Х. В Инкерманские каменоломни был сослан епископ Римский Климент. В Третьем веке уже существуют Херсонесская и Боспорская епископские кафедры.

При императоре Юстиниане на юго-западе полуострова поселяются ариане – готы, и усиливается влияние Византии.

Хазары не чинили христианам препятствий в исповедании православной веры – в начале VIII века существовали Сугдейская и Фульская епископии. В эпоху иконоборчества многие христиане из Византии, а также бежавшие от погро-

мов армяне из Ирана и Турции переселились в Крым.

С появлением итальянских колоний здесь также растёт число выходцев из Венеции и Генуи. Основная масса христиан поселяется, как правило, в горнолесной зоне и в городах. В IX столетии равноапостольный Константин (в постриге Кирилл) и Мефодий обрели в Херсонесе мощи Климента Римского.

В периоды Золотой Орды, Крымского ханства и Османской империи не проводилось массовых гонений на христиан. Только в 1778 году правительство Екатерины II переселило православных греков в Приазовье.

В семнадцатом веке ветер перемен повернул флюгер истории немного по азимуту. Русь окрепла, чего нельзя сказать о некогда могучих её оппонентах. Речь Посполитая превратила Запорожскую Сечь в свою колониальную окраину – отсюда и пошло название Украйна, – а Крым оставался вассалом Османской империи. Шагин-Гирей считал, что проводит реформы по европейскому образцу и обеспечивает её будущее.

В 1654 году, после Переяславской Рады и вхождения Правобережной Украины в состав России, Москва усиливает давление на Крым. В 1681 году подписан Бахчисарайский договор, и хотя он неоднократно нарушался, по нему русские корабли могли беспрепятственно проходить через Азовское море и Керченский пролив в Чёрное, Мраморное и Средиземное моря.

Войны с Турцией шли с завидным постоянством, достой-

ным лучшего применения. Можно вспомнить походы 1687, 1689, 1735, 1736, 1737, 1738 годов. В эпоху Екатерины II были завоёваны северные берега Чёрного моря, и своим указом она передала казакам кубанские земли, превратив казачью вольницу в замкнутое самоуправляемое военизированное сословие.

Не обошлось без Пугачёвского бунта, но всё же со временем именно казачество стало главной опорой самодержавия.

По договору от 1774 года Таврия выведена из состава Османской империи, Керчь передавалась России. В 1783 году в результате Русско-Турецкой войны Крым был окончательно присоединён к России, татары массово выселялись в Турцию, а Таврию заселяли новыми колонистами. Первым губернатором Крыма стал князь Потёмкин-Таврический.

После присоединения Крыма к России на полуострове в большом количестве строятся и возрождаются православные храмы и монастыри, а также кирхи, костёлы, мечети и молитвенные дома других конфессий.

В советский период все монастыри и множество храмов всех конфессий были уничтожены, оставшиеся почти все были закрыты, священнослужители подверглись жестоким гонениям. В настоящее время Крымская митрополия разделена на три епархии: Симферопольскую, Феодосийскую и Джанкойскую.

Величайший флотоводец святой Фёдор Ушаков в конце XVIII века установил на Чёрном море власть Андреевского

флага. В 1853 году адмирал Нахимов также наголову разгромил Турецкий флот в Синопском сражении. Но в результате Крымской войны России с коалицией европейских держав, только благодаря безпримерному мужеству русских солдат и матросов, а также искусству русских флотоводцев, Крым не был потерян для России, несмотря на потерю Черноморского флота, и оборонительных крепостей на черноморском побережье.

Четверть века спустя генерал Скобелев во главе русской армии окажется в трёх шагах от стен Константинополя, но англо-саксов такое положение не устраивало, поэтому они сделали всё возможное и невозможное, чтобы втравить Россию в новую войну, причём там, где её позиции не так сильны.

В начале XX столетия нападение Японского флота в бухте Чемульпо на крейсер «Варяг» спровоцировало Русско-Японскую войну. Неприкрытый саботаж везде и всюду стал не только главной причиной поражения России в войне, но и подрывом авторитета самодержавной власти в России. По всей стране начались смуты, вооружённые мятежи и погромы.

Но в тот раз враги просчитались, и бунты были подавлены. Власть сделала из случившегося правильные выводы, и государство встало на путь реформ. Противников нового курса было сколько угодно, потому что найти предателей среди элиты для врагов самодержавия не составляло особого труда.

Как «по заказу», на Святой Горе случается Афонская трагедия, и «обиженные» монахи вместе с подготовленными агитаторами – возвратившимися домой пленными солдатами и матросами – стали порочить Православную церковь.

В сердцах и умах русского народа начинается брожение, и «шибко грамотные» его представители уже тут и там агитируют за свержение царя и установление в России парламентской республики.

Однако, в отличие от сталинской «индустриализации» и коллективизации, столыпинские реформы привели не только к усилению мощи государства Российского, но и к небывалому росту уровня жизни, а также к приросту населения. Помешать этому могла только новая война, и за этим дело не стало.

Балканы испокон веков были пороховой бочкой Европы, вот и на этот раз конфликт возник именно там. Убийство наследника Австро-венгерского престола Франца Фердинанда в Сараево террористом Гаврилой Принципом послужило поводом для развязывания Мировой войны.

Учитывая тот факт, что Россия кормила всю Европу, достаточно было одного продовольственного эмбарго, чтобы усадить за стол переговоров Германию и её сателлитов.

Вопрос в том, что англо-саксы прекрасно понимали: на такой иезуитский шаг Православная Россия не способна и никогда не пойдёт. Одно дело воевать с германской армией, и совсем другое – с немецким народом. Поэтому реакция

Зимнего дворца для британцев была заранее предсказуема. И в новой войне саботаж и предательство высшего звена не обошли Россию стороной, но даже несмотря на это Германия и Австро-Венгрия были в начале семнадцатого года на грани поражения. Великая Победа подняла бы авторитет трона на недостижимый уровень, поэтому в феврале того года и случилось «предательство века».

Пока *большевистские* вожди проматывали ворованные деньги в европейских кабаках и притонах, финансовые воротики подготовили дворцовый переворот и заставили Николая II отречься от престола, надеясь присвоить *себе* результаты Великой Победы, но просчитались.

Как бы ни порочили православного царя-батюшку, народ верил только ему, а воевать за интересы олигархов желанием не горел. Началось массовое братание солдат на фронте, а потом и дезертирство. И в конечном итоге случился октябрьский переворот, а с ним в Россию пришёл красный террор.

Большевики поначалу не имели всей полноты власти, поэтому делили её с временными союзниками в лице анархистов, левых эсэров и прочей нежити. Когда с «союзниками» было покончено окончательно, создана армия нового образца, утверждена новая «конституция», узаконившая диктатуру пролетариата, тут уже машина террора набрала полный ход.

Жертвами нового «светлого» будущего стали не только десятки миллионов русских людей, но и прежде всего наме-

тившиеся реформы. Запрет на частнопредпринимательскую деятельность привёл к росту бандитизма, мошенничества и проституции.

Крестьянство перестало быть заинтересовано в результатах своего труда, что послужило предтечей небывалого голода, разразившегося в центральных губерниях России. Крестьянские бунты, особенно Тамбовское восстание, подавлялись со звериной жестокостью – рассказ об этом в последующих главах.

По всей стране возникает сеть концентрационных лагерей – прообраз будущего ГУЛага. Самый первый и самый одиозный из них – АЛГЕМБА, возник уже в двадцатом году по приказу Ленина и Троцкого, но вскоре прекратил существование по причине до зѣла высокой смертности заключённых из-за убийственного труда и абсолютно *бесчеловечного* содержания.

Последним островком Великой России оставался Крым. В годы Гражданской войны там разбойничали банды татарских националистов, *большевиков*, анархистов (Махно) и других. С марта 1920 года Крым возглавил генерал П.Врангель, поставивший целью сделать Таврию идеальным государством. Были проведены важные реформы, сформирована сильная армия, воздвигнуты оборонительные укрепления.

После падения Перекопа Крым вскоре был оккупирован Красной Армией и вошёл в состав РСФСР. Завоеватели учили в Крыму массовый террор, в результате которого по

различным данным уничтожено до двухсот тысяч человек.

Большевики взяли курс на мировую революцию. Но первый же поход на Париж закончился не просто *бесславно* – чудовищно! Полчища Тухачевского были разгромлены под Варшавой, а конница Будённого подо Львовом. Результатом этой авантюры стали массовые выступления против советской диктатуры, подавлявшиеся с применением самых бесчеловечных средств.

Советской власти ничего другого не оставалось, как начать «новую экономическую политику» на милитаризацию всей экономики страны. Но военная промышленность не приносит никакого дохода, разве что гнать военную продукцию на экспорт, а для этого необходимы вооружённые конфликты.

После затянувшейся Мировой войны, от которой Европа порядком устала и ещё не успела оправиться, закупать советское оружие немного не торопилась. Несмотря на это уже в 22-м году Германии был «подарен» крейсер «Коминтерн», хотя согласно Версальскому договору ей было запрещено иметь вооружённые силы. Но Советская Россия не подписывала договор, и выполнять его не собиралась. Возрождение германской армии происходило на полигонах и в академиях СССР, о чём сталинское руководство, спустя два десятка лет, горько пожалеет.

Во время Второй мировой войны Крым был оккупирован румынскими и германскими войсками. В мае 1944 года го-

род Севастополь был взят Красной Армией, и в Крыму снова установилась Советская власть. В феврале 1945 года в Ялте состоялась знаменитая конференция глав трёх держав, на которой впервые был поднят вопрос об образовании на территории Крыма еврейского государства. Однако проект был отклонён, и Крым до 1954 года входил в состав Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

В 1954 году Никита Сергеевич Перлмуттер (Хрущёв), тогда Первый секретарь ЦК КПСС, решает передать Крым в состав Украинской ССР. 20 января 1991 года население Крыма высказалось за восстановление Крымской АССР, а в 1992 году Украина провела оккупандум за сохранение Крыма в своём составе.

Тем не менее, пророссийские настроения в Крыму очень сильны и с каждым годом только росли...

О том, что расплачиваться за все авантюры самозванного руководства пришлось советскому народу, написано миллионы книг, статей, монографий, etc.

Самое страшное не это. Страшно, что сидит передо мной самый что ни на есть представитель того самого народа и всеми фибрами защищает это преступное руководство.

Ему лень напрячь мозги и подумать, а откуда советская власть брала деньги для реализации всех этих «прожектов», если они никогда не приносили ни копейки дохода в казну? А ежели вспомнить все крупнейшие и не очень манёвры и учения, включая с применением ядерного оружия, то при-

носили ещё и колоссальные невосполнимые потери, а так же уничтожение экологии! Сколько человек не смогли родиться или рождались мутантами после учений на Тоцком полигоне или авариях на заводе «Маяк» и Чернобыльской АЭС?

Но *лично* Алексея Семёновича и его семью эти проблемы не коснулись, а что до других, то его хата не по центру. Он как чеховский «человек в футляре» или как животное в клетке видит только то, что происходит в радиусе десяти метров от него.

И особо страшно, что в советской стране таких не просто миллионы – подавляющее большинство! Причём, если власть делает из них бифштекс, то они рукоплещут ей до посинения, а скажи слово поперёк – готовы тебя порвать в клочья.

Как тут не вспомнить бессмертные строки А.С.Пушкина:

*Живая власть для черни ненавистна...
Нет, милости не чувствует народ:
Твори добро – не скажет он спасибо;
Грабь и казни – тебе не будет хуже.*

Поэтому до сих пор подобный электорат ненавидит святого царя-мученика и боготворит Сталина. Такие как Семёныч не только будут готовы продать первородство за чечевичную похлёбку, они и Христа продадут за тридцать сребреников. Их напугает только расстрел на месте или взятие семьи в заложники, что с непоколебимой уверенностью при-

менял во время Второй мировой войны их кумир – «легендарный» маршал Жуков.

Таковые и солдата не считают человеком, для них он всего лишь пушечное мясо. Поэтому они обеими руками за призывную армию. Человек для них ничто, тля, а цель – всё. Они готовы положить хоть весь личный состав до последнего бойца ради очередной звёздочки на погоны или дабы повесить себе на грудь очередную побрякушку. Жалкое племя!

Между тем Алексей Семёнович оторвал свой взгляд от «волшебного зеркала» и, кажется, был уже не прочь возобновить беседу, мимолётно прерванную созерцанием пейзажа.

Если он хоть на секунду задумался, то это уже благой знак. Такое ощущение, что за всю сознательную жизнь он думал один-единственный раз, когда после известных событий 1991 года сомневался: платить или не платить членские взносы в партийную кассу. Во всех остальных случаях его «холодный» разум и горячее сердце подсказывали ему единственно верное решение, продиктованное, хотя и по слогам, на очередном партийном съезде дорогим Леонидом Ильичом Брежневым.

«Не надо думать – с нами тот, кто всё за нас решит», – это слова из песни величайшего из бардов. Вот только поётся в песне о солдатах группы «Центр», которые шли завоёвывать на востоке жизненное пространство. Так чем же – получается – такие как Семёныч, лучше, чем фашистские захватчи-

ки? Если он, что ни прикажет родная коммунистическая партия, кинется исполнять с тем же рвением? И жечь будет, и вешать, и стрелять... И старого и малого...

– Ты говоришь Гитлер! – мой визави раскраснелся, как после литра выпитой, хотя выпил, по большому счёту, стакан чаю. – Мой отец всю войну прошёл, дошёл до Будапешта, трижды ранен был! У него восемь орденов и медалей и наградное оружие!

– Поздравляю! И тебя и батю твоего особо. Мой отец тоже всю войну прошёл, дошёл до Кёнигсберга, правда ранен ни разу не был и орден у него один, не считая медали за Победу. Ему повезло меньше – за Ржевскую битву орденов не давали. И медалей тоже. Просто не было такой битвы – и вся недолга!

Миллион солдат и офицеров в землю уложили, полтора искалечили, а герой только один – Александр Матросов. Остальные так, погулять вышли... Только в толк никак не возьму, какое это имеет отношение к нашему разговору?

Можно подумать, если наши отцы воевали за Сталина, то сталинский режим сразу вдруг стал белым и пушистым? Или немцы все как один кричали «Хайль Гитлер!»? После такого унижения, что пережила Германия после Первой мировой войны, поневоле кричать начнёшь.

К тому же Гитлер абсолютно законным демократическим путём к власти пришёл, через выборы. А вот Сталина никто не выбирал. Уркой был, уркой и остался, и место ему на каторге.

– Но Сталин всю Европу спас от коричневой чумы! – не унимался Алексей Семёнович.

– А что принёс взамен? Красную холеру? – при этих словах лицо моего оппонента стало слегка прямоугольно-выпуклым, щёки приобрели яично-мучнистый оттенок, а глаза налились кровью как у севильского быка. С таким выражением, надо полагать, ходил в атаку его отец во время Второй мировой, когда приняв «наркомовские сто грамм», боец становился пушечным мясом, а через пару минут «грузом 200». Только если ранили – либо плен, либо медсанбат. И вот тогда у него уже просыпались и начинали работать извилины мозга: а дальше что?

– Вот скажи, почему в Западной Европе к России отношение лучше, чем к Америке, хотя мы их, как ты говоришь, не «освобождали»? А наши бывшие «братушки» по Варшавскому Договору готовы нас вешать на фонарях, даже могилам советских солдат войну объявили...

– Так пропаганда американская мозги им промыла, вот они и бесятся! – Семёныч произнёс эту фразу примерно так, как великий Ленин знаменитую фразу об электрификации всея Руси.

– То есть в Западной Европе американская пропаганда играет в молчанку, так? Там нет ни радио, ни телевидения, ни газет, ни интернета, короче, первобытнообщинный строй! Все люди ходят в шкурах, охотятся на мамонтов и передвигаются при помощи птеродактилей, верно?

– Зачем утрировать? – Семёныч не нашёлся что ответить, и я решил не сбавлять обороты.

– Пойми, наконец: сколь ни говори «халва», во рту слаще не станет! Сколько ни говори людям о загнивающем капитализме, всё равно пойдут покупать фирменные шмотки и тачки, а советское барахло им силком не впихнёшь. Это у нас было нормой торговать «с нагрузкой» и мы считали это в порядке вещей! Вот до чего озверели! Только уже забыли, как стояли целую ночь за дефицитом, отмечались по номерам; как дрались в очередях; ветеранов, что лезли без очереди, избивали. Вспомнил? Или в военных городках было другое снабжение и подобных проблем не существовало? – похоже, азь недостойный надавил ему на большую мозоль.

– Зато справедливость была! – этим аргументом Алексей Семёнович, видимо, рассчитывал положить меня на обе лопатки. Надо признать, на одну положил, а на вторую силёнок не хватило. И мой ответ добил его окончательно и бесповоротно.

– Обострённое чувство справедливости – не что иное, как зависть. Согласен, уравниловка была. Если у меня сдохла корова, то и у соседа должна подохнуть, верно?

То есть мы своим греховным умишком будем рассуждать о высшей справедливости? Пойми: одинаково можно быть *только* нищими! Сделать всех одинаково богатыми невозможно! Только отмороженные могут думать иначе. Это аксиома!

Поэтому коммунизм – утопия! И вовсе не потому, что невозможно создать для него материальную базу. Просто потому, что жизнь человеческая в этом случае теряет всяческий смысл.

Возьми элементарно спорт: зачем спринтер выходит на старт, если не стремится прийти к финишу первым? Если ему всё равно, какой флаг будут поднимать, и под чей гимн будут вручать награды? И так в любом деле, прежде всего в любви. Если бы все женщины, как одна, были бы одинаковые, возникла бы любовь? А ведь Бог есть любовь! Но она может возникнуть лишь к одной, единственной и неповторимой. Или к одному единственному и неповторимому!

Семёныч опять ненадолго замолчал. Видимо, за последние лет эдак ...дцать у него не было серьёзных оппонентов в споре. В армии он привык безраздельно командовать подчинёнными а вышестоящим беспрекословно подчиняться. Без базара.

И вдруг приходится опровергать сталактитовые глыбы устоявшихся убеждений! Как всё складно преподали ему в академии, как всё чётко отбарабанил он на экзаменах, получил заветный диплом и вечерком, собравшись тёплой компашкой таких же оболваненных, уже обмывал очередную звёздочку.

В один миг устоявшийся каркас «победоносного учения» рухнул, как в сентябре 2001 года небоскрёбы Всемирного Торгового Центра в Нью-Йорке, тоже казавшиеся монумент-

тально незыблемыми...

Заоконный пейзаж также не придал моему собеседнику словоохотливости. Поспевающий подсолнечник, выкрасивший пространство до горизонта в ярко-золотистый цвет, и который, казалось бы, должен был радовать глаз, скорее вышибал слезу, напоминая стихотворение Н.А. Некрасова «Несжатая полоса».

Хотя «моченьки» у гарніх хлопців и дівчин хоть отбавляй, но им более по душеньке скакать на Майдане, чем заниматься душеполезным трудом.

А иначе зачем красны дівчины заповнили притоны всего світу, як не от нежелания трудиться на рідной землице? Как всё-таки верна пословица, что запорожское яблочко от яблоньки недалеко упало. То бишь нынешнее поколение запорожцев продвинулось от своих предков не шибко далече.

– Вот смотри, – вновь подал голос Алексей Семёнович, – раньше как было? В колхозах все работали, всё вовремя убрали, а теперь? Никому ничего не нужно! – и он махнул рукой с досады, будто отгонял от себя рой назойливых мух, мешавших течению его глубокой мысли.

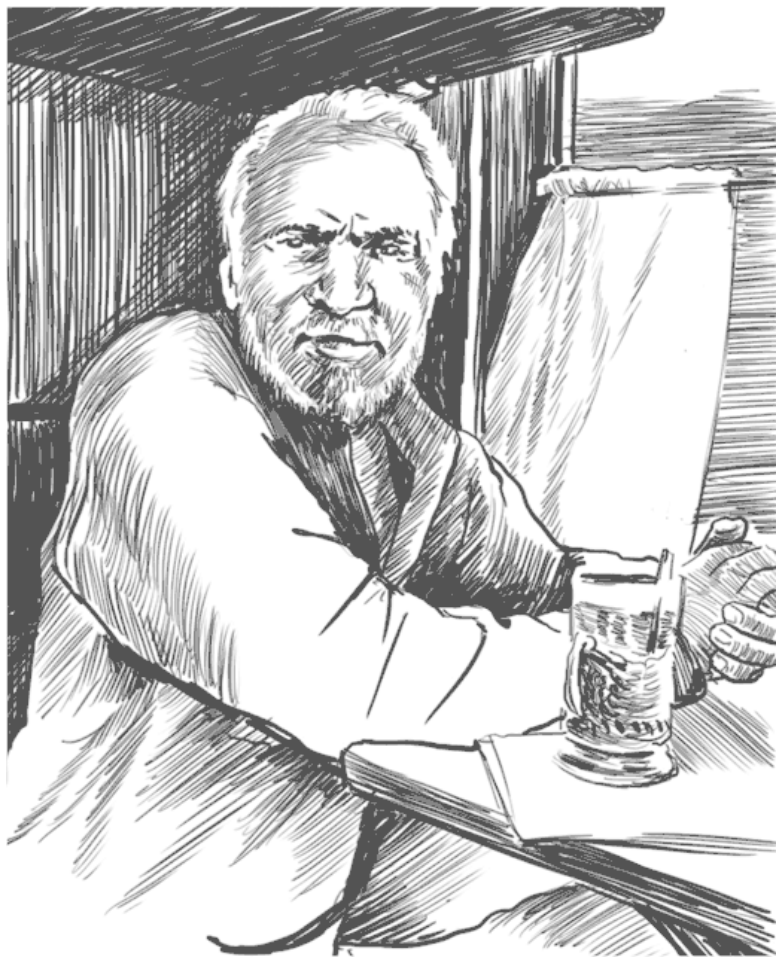
– Правильно, работали все. А ты знаешь, какой самый страшный вид безработицы? Это неработающая голова!

Почему после коллективизации повсюду начался голодомор? Десятки миллионов умерли с голоду, а виноват не тот, кто всё это придумал и затеял, а русский народ! Столетиями люди работали на земле, Россия всю Европу хлебом снабжа-

ла и не только хлебом. Даже в наше время зерна производит больше, чем при СССР, урожаи на Кубани превосходят рекордные советские в разы, но всё равно виноваты проклятые капиталисты. Просто потому, что на яхтах и на крутых иномарках катаются, во дворцах живут и с бездельниками делиться не хотят.

– Это кто бездельник!?! – Семёныча опять понесло вдоль по Питерской. – Моя мать сорок лет в колхозе отработала, спины не разгибала, а ей пенсию выделили – курам на смех!

Енти прибрали к рукам всю собственность, сами любовниц в шампанском купают, а людям на самое необходимое не хватает! Это в какой же стране такое видано?

– Как в какой? В СССР. Забыл, что в совдепии колхозни-

кам вообще пенсию не платили, а на трудодень давали пук соломы? Люди лишь подсобными хозяйствами с голодухи не мёрли. Семёныч, или у тебя память в полтора вершка с гаком, или вообще амнезия. Тебе надо срочно к врачу обратиться, знаешь, есть такой, ухо-глаз. Он поможет, пропишет снадобье.

– Мне не нужно к врачу, я здоров, – мой оппонент выставил грудь колесом, как Ленин на броневике. – Просто я вижу, в какое болото завела страну нынешняя власть.

– Хочешь сказать, завела коммунистическая власть, а нынешняя пытается вывести, так оно будет вернее. Вот ты – военный человек, в начале 90-х ещё служил, и хотя бы в курсе, за что отстранили начальника Генштаба маршала Ахромеева? А позже и повесили, хотя официальная версия – самоубийство? Знаю, ты будешь утверждать, что он патриот, был против развала страны, хотя прекрасно понимал, что она *уже* развалилась.

Но это всё эмоции. Он закончил Бронетанковую академию и не мог не понимать, что, производя в *двадцать* раз больше танков, чем США и Европа, Советский Союз семимильными шагами приближается к своему окончательному краху!

На вопрос: «Зачем нужно столько?» он ответил: «Потому что ценой огромных жертв мы создали первоклассные заводы, не хуже, чем у соединённоштатников. Вы что, прикажете им прекратить работу и производить кастрюли?» Коммента-

риев, как говорится, не требуется.

– А что же, по-твоему, нужно было прекратить? Это только предатель Горбачёв мог такое приказать! – Семёныч уставил на меня указательный палец, будто дуло пистолета.

– Понятно, как всегда Горбачёв во всём виноват.

Тогда скажи мне, сколько нужно персонала для того, чтобы эти танки только охранять!?! И всем платить жалование, причём такое, чтобы было не повадно их «украсть». А сколько потребуется человек, чтобы их не просто обслуживать, а постоянно поддерживать в боевом состоянии: периодически заводить, выезжать на них, чистить, смазывать? В противном случае они уже через год-два станут металлоломом. И при этом сколько нужно построить ангаров, сколько сжечь ГСМ, и сколько построить военных городков для, скажем так, этих дармоедов?

И это только вершина айсберга!

А сколько нужно выплавить первоклассной стали, привезти её, а перед этим добыть руду, обогатить. Ведь в броневой стали несколько компонентов, таки все их тоже нужно добыть за Полярным кругом. Посчитай, сколько люди недополучили элементарных ножей, минитракторов, инвентаря, тех же кастрюль, которые по сей день покупаем в Китае и Корее за валюту?

А кто её зарабатывал? Ахромеев или интердевочки в «Метрополе»? И всё только потому, что миллионы тонн первоклассной стали, меди, молибдена и алюминия ушли в ме-

таллолом!

Вот и посчитай, что выгоднее? Заниматься Сизифовым трудом или, скажем, платить тем же рабочим половину их заработка, но чтобы они не работали, а занимались полезным делом? Шли на стройки, водителями, в ЖКХ, в фермеры, наконец...

Но у населения на генном уровне выхолостили всякое желание заниматься предпринимательством! *Поколения* должны смениться, чтобы у русского человека исчез страх потерять в один миг всё, нажитое невероятными усилиями. И всё благодаря твоей родной коммунистической партии и её вождям.

Алексей Семёнович сходу так и не нашёл, чем мне возразить. Самое неблагодарное дело – скрепя сердце, вытаскивать себя из-под обломков собственных иллюзий.

Правда – странная штука. Сначала тратишь кучу времени, чтобы её узнать, потом всю оставшуюся жизнь, чтобы забыть.

Казалось бы, зачем военному человеку вникать в тонкости экономики, если он на всём готовом? Посему в финансовых вопросах ветеран был подкован лишь на полтора копыта и то халтурно. Сразу видно, что в жизни своей он не сталкивался с этими проблемами, всё поручал помощникам, а в семье всем заправляла жена. И напрасно!

Потому что никогда не станешь настоящим хозяином не только своей земли, но и даже своего собственнго дома, если

в экономике разбираешься не намного лучше, чем последняя дворняга в колбасных обрезках.

Потому и семьи в нашей стране не намного качественнее, чем советские автомобили по сравнению с теми же немецкими или японскими. А нет крепкой семьи – нет и крепкой державы! Тут и доказывать ничего не нужно. Это аксиома...

За окном начали понемногу мелькать признаки цивилизации, и поезд стал слегка замедлять ход, что могло означать лишь приближение к крупной станции. В Северной Таврии таковой являлся, пожалуй, только Мелитополь, остальное пространство занимал природный заповедник Аскания Нова.

Кто уж там водился в этих заповедных краях, знает исключительно Красная Книга, написанная на украинской мове.

Но это не для меня. Если соединится когда-нибудь Новороссия со своей Альма-матер, то Красную Книгу перепишут по-русски, нет – тема закрыта. Медведь свинье не товарищ!

Вот уже наша красавица-проводница Светлана прошлестела идеальными формами в направлении отхожего места, стало быть, стоянка ожидается не шуточная. Продолжительная.

Несколько особо нетерпеливых громадян Незалэжной, подхватив баулы и тюки, неспешно потянулись к выходу. Света тщательнейшим образом стала собирать казённый инвентарь, даря направо и налево свою мраморно-ослепительную улыбку.

Зацепив взглядом наш отсек, она стрельнула очами по моей фиксе, которая блеснула в лучах солнца как маяк на мысе Доброй Надежды. Ответив улыбкой на мой оскал, Света подхватила наши подстаканники, при этом не забыв поинтересоваться о нашем желании повторить.

– Обязательно! – ваш покорный не мог отказать такой очаровашке. – Только гульнём малость и что-нибудь прикупим. Стоянка долгая в Мелитополе?

– Да, больше получаса. Так что успеете проветриться, – и Света снова подарила улыбку.

Вот уже нарисовалась вереница станционных построек, колёса заскрежетали на стрелках, и нашему любопытному взору предстало невысокое, до зѣла уютное здание вокзала.

Отъезжающие пассажиры скучковались возле нашего вагона, значит, контингент поменяется минимум вполовину. Действительно, очередь к выходу выстроилась во весь проход. Нам с Семёнычем спешить было некуда, и мы спокойно оставались на своих местах до полной выгрузки местного электората.

Светлана бойко пробилась к выходу, и когда скрип тормозов обозначил прибытие на станцию Мелитополь, в не по уставу короткой форменной юбчонке грациозно спустилась на перрон, оголив по самые 90-60-90 свои точёные нижние конечности.

Белоснежная, хрустяще накрахмаленная форменная блузка, приталенная слишком по уставу; залихватская пилотка

и босоножки Papillon, подчёркивающие изящный педикюр, приковали к ней взгляды мужской половины пассажиропотока всерьёз и надолго.

Стремясь как можно дольше задержать восторженный взгляд на очаровательной проводнице, мужчины сделались галантными как никогда и всех женщин пропустили вперёд.

Мы же с Семёнычем, сойдя в хвосте прибывших, от нечего делать стали любоваться достопримечательностями, из коих главную представлял из себя паровоз на вечном приколе.

Несмотря на молодость, Света довольно быстро справилась со своими обязанностями и на минут эдак двадцать откровенно заскучала. Мне сразу же пришла идея распросить её о Крыме, и выяснить какую-никакую полезную информацию.

Девчушка, скорее всего, живёт в Керчи, если этот поезд тамошнего формирования, стало быть, обо всём осведомлена на пять баллов. Поскольку мы прибудем на конечную станцию в половине десятого, то либо придётся добираться до места своим ходом, либо дожидаться утра, значит искать ночлег. В отель, скорее всего, не пробиться – сезон, а ловить удачу в частном секторе – можно поймать огромный букет приключений.

Интуиция меня не подвела и на этот раз, поэтому информацию мне удалось получить исчерпывающую. Светлана оказалась довольно словоохотливой, а парочка пикантных анекдотов приподняли её настроение на пару сотен децибел.

Семёныч тем временем приценился у какой-то прокуре-

но-голосистой торговки возможности позавтракать по-домашнему, а заодно выведывал и курс местной валюты по отношению к деревянному. Курс его немного опечалил, видимо в родной его сердцу Ярославской губернии горячий завтрак на провинциальном вокзале стоил копеек на ...дцать дешевле.

Тем не менее, негоже забывать, что жизнь даётся один раз, а удаётся и того реже. И если хочешь сохранить организм здоровым как можно дольше, торг не уместен, бери – не думай.

Время, однако, не резиновое, и на месте не стоит. Вскоре своим серебристым голосочком наша амазонка скомандовала «по вагонам», и спустя шесть минут славный город Мелитополь помахал нам на прощание своей скучающе-гостеприимной десницею. Стук колёс смешался со стуком шанцевого инструмента о днище походной посуды, а также стуком челюстей друг об друга. Пассажиропланктон самым серьёзным образом принялся за трапезу, а у проводницы Светы наступил аврал, связанный со сбором проездных билетов и выдачей постельного белья.

Когда в иллюминаторе прорезались очертания Азовского моря, затрапезный аврал потихоньку перешёл в стадию пассивного отдыха, а наше желание повторить чаепитие за раз всколыхнуло клетки памяти. Светлана уже была тут как здесь, поэтому отмерять расстояние до титана оказалось лишним.

Прокурено-голосистая всё же раскрутила Семёныча на куриный окорочок с горячим картофелем, да и возобновлять нашу дискуссию он был абсолютно не расположен. К тому же разговор на эту тему портит нервную систему и отбивает аппетит.

Видимо окорочок был до того соблазнительный, что променять его поедание на пустопорожние разговоры представлялось более тяжким преступлением, чем подписание Беловежских соглашений. Под такую закуску он бы даже с видимым удовольствием выпил «наркомовские сто грамм» с участниками того преступного сговора, если бы они позвали его четвёртым.

А что? Подарили бы ему какую-нибудь Молдавию или, на худой конец, Приднестровье. И от Крыма он бы не отказался. Это он только с голодухи был злой на нынешнюю власть...

Меж тем, наше путешествие приближалось к удачному завершению. Поезд благополучно преодолел Перекопский перешеек и отстукивал вёрсты по направлению к станции Джанкой.

Оттуда составы отправляются на просторы Тавриды по трём направлениям. Нам предстояло осваивать восточное, где на мысе самой что ни на есть доброй надежды раскинулся по берегу пролива древнейший на полуострове город-герой Керчь, когда-то очень давно именовавшийся Пантикапеем.

Ваш Покорный Слуга отнюдь не оговорился, назвав мыс таким макаром. Вот уже более полувека крымчане зачаро-

ванно взирают на противоположный – российский – берег и ждут не дождутся, когда воссоединятся с ним в единую державу. В эпоху волюнтаризма, как советский народ окрестил годы правления дорогого Н.С.Хрущёва, Таврия перешла под власть жёлто-блакитного прапора, и до сих пор мается под этим игом...

Мои размышления нарушил розовощёкий, гарно сбитый хлопец, явно бывший кавалерист. Не скажу, что ноги у него кривые, но морда точно лошадиная. С малороссийским акцентом, к тому же путая числительные, холопчик предлагал обменять российскую валюту на українську. Поинтересовавшись обменным курсом, Семёныч не стал прерывать трапезу, а мне до зѣла захотелось лошадиную морду превратить в бульдожью.

Но всплыли в памяти пророческие слова отче Серафима, Саровского чудотворца: «Стяжай дух мірен, и тысячи во-круг тебя спасутся». Поэтому лишь проводил незалежного финансиста фиксатой улыбкой, от которой, порой и лошади шарахались. А уж лошадиное личико, что просит кирпичика, покинуло наш отсек быстрее, чем перепуганный конь горящую конюшню.

Коню понятно, что одним хлопчиком дело не ограничится. Похоже, за время незалежности Мелитополь стал в один ряд с Wall-стритом, Piccadilli & другими крупнейшими финансовыми центрами планеты Земля. Переместив вектор на европейскую интеграцию, вільна Україна уже не заинтере-

сована в промышленном производстве, аще убо западные «друзи» не спешат приобретать продукцию Незалежной ввиду отставания её от мировых стандартов примерно так на полвека. А жрать-то хочется!

Причём от горілки з салом молодёжь уже воротит нос, им подай ананасов с рябчиками и артишоков с анчоусами. На заводе таких грошів не зробіть, вот и подались гарні хлопці в финансисты, а гарні дівчини в притоны всея планеты Земля.

Как в воду глядел! Не прошло и десяти хвылын, яко слідом за лошадиной, нарисовалась в нашем отсеке миловидная мордочка хомячка. Курс обмена был прежний, но «хомячок» уже не хамил, готов был скинуть несколько копеек, но не более того.

Видимо, ему тоже претил сам факт работы у станка, а вкушать хотелось тоже не поляницу, а супчик из акульих плавников.

Третьим по счёту был уже ярко выраженный запорожский казачишка, вот только хохолок на макушке был сбрит вместе со всей остальной шевелюрой. Сдаётся мне, что холопчик смог бы заработать гораздо больше, если бы пускал своей лысиной солнечные зайчики, но до этого его слишком витиеватые извилины не дотумкали.

Безнадёжно поугovarивав некую пожилую дамочку поиметь карбованців, «колобок» покотился за удачей в соседний вагон.

Покой нам только снится! Хотя на незалежной залізнице

толком не поспишь, но, тем не менее, усталость своё берёт.

Следом за финансистами вагон начали атаковать продавщицы ширпотреба. Кто поспел обменять свои деревянные на гривны, начали бойко торговаться с дородными товарками. Тем же, кто не успел или не посчитал нужным, мешочницы с радостью старались втюхать своё барахло за «деревянные».

Неумолчный гвалт продолжался до самого Джанкоя. По вышеназванной причине книжечку почитать не было никакой возможности, а вот кроссворд в подобных случаях – просто палочка-выручалочка с заглавной буквы, написанной вязью.

Алексей Семёнович после сытной трапезы заметно подобрел и уже без непарламентских выражений мог говорить о представителях малого бизнеса, которых его до селезёнки родная советская власть именовала упрощённым термином «спекулянт». А для особо злостных даже придумала «страшную» уголовную статью. Но от этого их количество на одной шестой части суши с каждой новой пятилеткой только возрастало.

Перестройка присвоила этому планктону нерусское наименование – кооператор, а в лихие девяностые их опустили до прозвища «челноки». Так, ведь, и правда, мотаются туда-сюда, но пользу какую-никакую всё же приносят. Не все же «дарагие расеяне» могут позволить себе одеваться в бутиках, кто-то и ширпотребом, и сэконд-хэндом вполне удовлетворяется.

А вот и Джанкой! Без особых прелюдий.

Городок затерялся в крымских степях, но станция, пожалуй, самая крупная на полуострове, то бишь узловая. Конечно, могу и ошибиться, но уж точно, что ни один поезд, следующий из Северной Таврии в Южную или обратно, её не минует.

Поэтому всё, что ещё производится или выращивается на полуострове, здесь сконцентрировано в полном ассортименте.

Вдоль всего перрона выстроились сухопарые бабульки, загорелые тётки и даже юное поколение проявило разумную инициативу срубить деньжат перед началом учебного года.

Время стоянки здесь такое же, как и в Мелитополе, а пассажирообмен на порядок меньше, поэтому разношёрстные представители малого, а порой и зёло преступного бизнеса принялись атаковать как пассажиров, так и проводников.

Что удивительно, украинську мову здесь невозможно было уловить даже с помощью слухового аппарата. Как ни пытались большие дяди с Банковой навязать крымчанам украинизацию, они как были, так и остались россиянами под оккупантами.

Первое, что меня поразило по сошествии на пыльный перрон, это пекло в сравнении с прошлой стоянкой в Мелитополе.

Казалось бы, каких-то полторы сотни вёрст и несколько часов езды, а такая резкая перемена! Солнце палило

немилосердно, ветра не чувствовалось вовсе, а зелени практически уже не было – ветки растений торчали почти голые, лишь кое-где проглядывался сиротливо сморщенный буро-коричневый листочек. Может, потому что самый разгар дня? Непонятно.

– У нас с мая месяца ни капли дождя не выпало, – объяснила мне бойкого вида моложавая женщина, торгующая абрикосами. – Ты откуда будешь-то, красивый такой?

Поначалу я не понял, вроде к дорожной полиции тётя отношения не имеет, а с ходу такие вопросы. Внезапно попавшие под солнечный пресс мозги тоже не сразу смякнули, что таким нехитрым образом товарки сразу отсекали граждан России от громадян Незалэжной. Ибо те мало того, что, как правило, неимущие, таки ещё и жадные непомерно. Только нервы с такими портить, а навару с них, что с рыбы шерсти.

То ли дело россияне! И улыбнутся, и комплимент услышишь через раз, да и торговаться считают ниже своего достоинства...

– Ты уж, мать, захвалишь нас непомерно, гляди зазнаемся, а кто грехи замаливать будет?

– Бери абрикосы, золотой, смотри какие. А грехи твои я за тебя отмолю, – тётка три раза перекрестилась и продолжала делать рекламу своему товару. – У меня никаких нитратов, всё натуральное, корову держу, надысь молочком пассажиров баловала, но нынче пост, поэтому в грех вводить не хочу.

У меня и огурчики есть свежие, и яблочки. Бери, хороший!

– Огурчики запивать нужно, а яблоки вкушать не благо-словляют до Спаса, – пытался азъ грешный отвязаться от на-вязчивой торговки, но не тут-то было! У тётки глаз был на-мётан на москвичей не хуже, чем у «Железного Феликса» Дзержинского на врагов революции. Отпустить такую жерт-ву без товара, было для неё сродни сделать аборт. Взяв меня за руку и отведя немного в сторонку, она тихонько прошеп-тала:

– Ты не переживай, хороший, у меня и горилочка имеется. Своя. Бери, недорого отдам.

– Горилку салом заедают, а сейчас пост, – мой довод был достаточно убедительный, чтобы отвязаться, но только не от бабы Мани. По всем вероятностям выходило, что чадо у неё не одно, да и внуки, скорее всего, имеются. А мужик или по-мер или к другой ушёл. Заработать же она может только на отдыхающих. Но я-то еду не отдыхать, а работать, какой с меня навар?

– Так у меня и винишко есть, тоже своё, домашнее. И су-хое, и креплёное, какого хочешь?

– От пивка бы не отказался, да с рыбкой люблю, с вяле-ной. С абрикосами не потянет, – мой аргумент явно достиг цели, потому что по лицу бабы Мани пробежала тень разо-чарования, и она уже готова была расплакаться, что потеря-ла на меня столько драгоценного времени и всё без толку.

Но, обретя «лавровый венец победителя», не худо было и в поддавки сыграть.

– Ладно, почём твои абрикосы? – азъ милосердный оттянул боковой карман жилетки.

Баба Маня назвала две цены, но удивительно, что сначала в рублях.

Прикинув разницу в курсе валют, мне показалось, что гривны она не очень-то жалует.

Странно. Таврида пока ещё не освободилась от украинской оккупации, поэтому дензнаки оккупантов никто не отменил. С чего бы ей пренебрегать ими? Или мы стоим на пороге грандиозного шухера, только он пока в кокон спрятался?

– У меня рубли, я на карбованці не менял, – моя заява не произвела на неё абсолютно никакого впечатления, скорее даже обрадовала, что выразилось в разглаженных морщинах.

– Да на шута они мне? Нехай эти дармоеды ими подавят-ся, – последний аргумент добил меня окончательно.

Баба Маня с радостью запихнула «билеты в Большой театр» в подсумок, висевший у неё на поясе, и протянула мне пакет с абрикосами, предварительно взвесив его на безмене. Я даже, будто невзначай, посмотрел в противоположную сторону, где Семёныч имел примерно такой же диалог с другой торговкой, только у него в руках после этого появился кукурузный початок.

Пусть кто-то считает меня лохом, но в этом есть свой резон.

Обычно, по возвращении в родные пенаты, перевешиваю товар на личном безмене, который всегда вожу с собой, будучи активным авиапутешественником. В самолётах за перегруз приходится платить, а распаковывать багаж при регистрации и выкладывать лишнее – признак дурачины, гораздо легче взвесить заранее. Поэтому весы всегда под рукой: взвесил – и сразу понятно качество товара. Если тебя не обманули и отпустили «с походом», то и отравиться мало шансов. Закон!

Я отнёс абрикосы в вагон и снова вышел подышать.

Баба Маня не теряла времени даром и уже «окучивала» очередного клиента. Меня же взял на мушку молодой детина и предложил свежее пиво. Но этого добра не только в Златоглавой, но и по всей России, и в Европе с избытком. В Крым люди едут дегустировать лучшие в мире вина местного производства.

С тех пор, как Таврия стала для россиян за границей, вывоз качественного вина был сопряжён с определёнными трудностями. К тому же антиалкогольная кампания, затеянная маразматиками-диабетиками в начале перестройки, нанесла невероятный урон крымским виноградникам, а выращивать новые оккупационные власти почему-то не торопились.

Не успел отойти детина, как с другой стороны на мои уши

обрушился призыв охладить пыл мороженым местного производства. В такую жару у девахи с клиентом проблем не было, зато горячие завтраки пассажиры приобретать не торопились.

Тётенька в цветастой косыночке уже битых четверть часа пыталась сбегать хоть один окорочок, но, по всем вероятностям, это был не её день. Или не её час. Более ранние поезда, скорее всего, значительно пополнили её бюджет, но сейчас уже пассажирам было не до горячего завтрака. Скорее до холодного ужина. С ещё более прохладненьким пивком.

А почему бы и нет? В конце-то концов, янтарный напиток в поездах пить не запрещают, да и жажду он утоляет раз и навсегда, не то, что чай. Винишком ещё успею побаловаться, месяц впереди, а оценить местное пиво не помешает.

К тому же у меня всегда с собой солёная рыбка имеется, ачеть авва – й, помнится, не благословлял вкушать на голодный желудок солёную рыбу. Так ведь на голодный, а я уже вкусил чаю с НЗ, значит можно и расслабиться.

Бугай уже подался в конец платформы. Тем лучше, после третьего свистка, глядишь, можно будет и немного поторговаться. Не потому, что мне жалко денег и не за ради спортивного интереса. Просто если этого бугая-перекупщика запрячь вместо трактора в плуг, так он весь Крымский полуостров перепахал бы за одну страду. А то ишь, пристроился, а пашет пусть трактор – он железный.

С одной стороны бугай прав – на то и существует науч-

но-технический прогресс, чтобы людям оставалось больше времени и сил для молитвы. Но у меня возникли сомнения на этот счёт: неужели детина свободное время проводит в храме? На нем, поди, и креста-то не одето, если он вообще крещёный...

Третьего свистка я так и не услышал, но Света знала своё дело назубок. Вот-вот светофор подарит нам надежду на продолжение вояжа, поэтому все пассажиры должны быть на местах.

По старой профессиональной привычке предпочитаю заходить в вагон последним, и на этот раз решил ей не изменять.

Через минуту перрон опустел, только последние коммерсанты ещё продолжали мельтешить в надежде на проблеск удачи. Бугай также оставался на боевом посту, видимо не уложился в отведённое время, но и не терял последней надежды.

Поравнявшись с нашим вагоном, он обратил свой взор на мою персону, одиноко торчащую в дверном проёме. Света уже порывалась захлопнуть дверь, но ради меня решила нарушить инструкцию. Азь терпеливый окликнул амбала и поинтересовался количеством нераспроданного товара. Он растопырил пятерню, и меня это подвигло проверить его скаредность.

– Оптовому покупателю скидку сделаешь? – я, не мигая, в упор смотрел в его ясны очи.

Детина немного опешил, поэтому не торопился с ответом, будто ему предложили родину продать или маму родную. Морщины на его переносице обозначили напряжённую работу мысли, которая продолжалась бы ещё непонятно сколько времени.

Но, увидев в проёме двери очаровательную проводницу, амбал слегка стушевался. Торговаться при даме, вероятно, посчитал ниже своего достоинства. Секундную паузу прервал лязг автосцепки и грохот трогаящегося состава.

– Беру оптом: всё или ничего, – сказал Г'м и развернул два «билета в Большой театр».

Думать и гадать уже времени не было – поезд медленно, но верно начал набирать обороты. Бугаю ничего не оставалось, как закинуть свой баул в тамбур и почти на лету ловить купюры.

Перезагрузка товара заняла не более трёх секунд, и баул благополучно возвратился к хозяину.

Света, наконец, захлопнула дверь и с немного искривлённой усмешкой наблюдала за моими манипуляциями. Ощутив позвоночником её взгляд, решил её немного приободрить.

– Ну, Светик, с меня причитается! Если бы не ты, фортуна бы мне не улыбнулась...

– А я тут при чём? – она слегка пожала плечми. – Это ваши коммерческие способности.

– Не скажи! Это он глядя тебя так расщедрился, явно тво-

ей красотой был ослеплён.

– Скажете тоже! – На её скулах выступил лёгкий румянец, что придало лицу ещё больше очарования. – Я его уже не первый раз здесь вижу, он никогда меня даже не замечал.

– Зато теперь точно замечать станет. Э-эх, жалко цветов на станции не продавали, я бы тебе букет отдал. Миллион алых роз! А ещё лучше альпийских эдельвейсов, как тебе?

– Да ладно Вам, – Света махнула десницей, как бы давая понять: за копейки торгуется, а на словах сама щедрость. Мол, все вы одним миром мазаны: титан слова – пигмей дела.

– Это ты зря, – оправдываться я не собирался, но всё же было досадно, что девчушка так обо мне подумала. – Просто спекулянтов не выношу с твоих лет. Ладно, баба Маня, она хоть вырастила то, что продаёт, а ведь этот пальцем о палец не ударил, перекупщик долбанный. Не мог разве выучиться, получить специальность, чтобы полезным трудом заниматься?

Не хотел на оккупантов горб гнуть, так ехал бы в Россию учиться, сколько у нас таких только в Москве одной? И всем место находится, лишь бы не халтурили, а трудились на совесть.

Ты же, вот, нашла себе дело, так ведь и училась, наверное, не с улицы же пришла? А этому лень учиться, срубил денюжат по-лёгкому, вечерком пропьёт. День и ночь – сутки прочь!

Вот только чем будет заниматься, когда сезон закончится?

Разбоем или того похлеще?

– Зачем так плохо о людях думать? – Света была не на шутку раздосадована. – Может у него мать больная или ещё какое несчастье в семье. А Вы сразу ярлыки людям вешаете...

– Ладно, прости, если что лишнее брякнул, – мне не хотелось, чтобы мы расстались с ней на минорной ноте. – Но всё же пивом спекулировать занятие не для мужчин, согласишься?

– А Вы, вот, чем занимаетесь? – она прожгла меня карими очами, будто электросваркой.

– Я-то? Вообще-то писатель, иногда стихи кропаю, иногда прозу. На что вдохновение найдёт. Ты, вот, подвигла меня стих написать, в Керчи постараюсь вручить тебе его.

Светлана не нашлась, чем ответить, и ошарашенно глядела на меня. В её незамутнённом сознании при слове «писатель» представлялся, видимо, Тургенев или Достоевский, Шекспир или на худой конец Ирвин Шоу.

А тут вдруг занюханный дядька, который торгуется с каким-то фраером из-за бутылки пива; который едет не в люксе, а в плацкартном вагоне скотовоза, и не в Париж или в Лондон на фестиваль, а в Богом забытую археологическую экспедицию.

Чтобы развеять её сомнения, азъ недостойный решил прочитать коротенький стишок на тему своего последнего паломничества. А последнее было ни много ни мало во град Хлынов, что раскинулся по берегам реки Вятки.

Иными словами, стих повествовал о Великоорецком Крестном ходе, который совершается каждый год в начале июня из града Хлынова на берег реки Великой, на место явления Чудотворного образа святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских. Пять дней и пять ночей десятки тысяч человек идут и в жару, и в непогоду, чтобы поклониться святому месту и совершить омовение в освящённых водах Великой реки.

Света слушала, не проронив при этом ни слова, а когда за окном Джанкой сделал нам *Au revoir*¹⁰, также молча открыла дверь в вагон, так как мои руки были заняты, и проследовала на своё рабочее место. Поскольку до самой Керчи крупных остановок больше не ожидалось, она позволила себе расслабиться, лишь одарив меня на прощание лучезарной улыбкой.

¹⁰ *Au revoir* (франц.) – до свидания.

Глава V. «Паче молитвы»

Как-то один человек пришёл в монастырь и, увидев, что вся братия усердно труждается, заметил настоятелю словами из Священного Писания:

– Старайтесь не о пище тленной. «Мария же избрала благовую часть» [Лк.10;4].

Настоятель повелел дать ему книгу и отправил в пустыющую келью.

Когда наступил девятый час, гость стал прислушиваться у дверей, не посылают ли за ним к трапезе. Так как его никто не звал, то он сам поднялся, подошёл к настоятелю и сказал:

– Авва, разве братия сегодня не трапезничала?

– Трапезничала, – отвечает настоятель.

– Почему же меня не позвали? – искренне удивился гость.

– Потому что, – ответил ему настоятель, – ты человек духовный и не имеешь нужды в пище. А мы, плотские, мучимы алкотой и жаждой, а потому труждаемся. Ты избрал

благодарю часть, проведя целый день в чтении, для чего же тебе пища телесная?

Человек всё понял, поклонился старцу и попросил прощения.

– Так и Мария имеет нужду в Марфе, – сказал ему настоятель. – Потому что Марию восхваляют из-за Марфы.

Беседа с братом Сергием позволила мне ненадолго расправить изрядно затёкшие мышцы и взбодрить мой разум, немного замутнённый монотонным доброделанием.

Не припомню, как сформулировал понятие «жара» Владимир Даль, но для меня – это когда завидуешь мёртвой курице, лежащей в холодильнике. Аще убо в данный момент солнышко добило, наконец, мой молодецкий задор, но от этого значимость послушания нисколько не уменьшилась. К тому же освободить меня от него никто не торопился. Да и куда торопиться?

С фантазией, как и с финансами, дело у меня обстояло далеко не на «пятёрку», зато побеседовать с Богом без посторонних и свидетелей, душе моей требуется постоянно.

Так чего же было ещё желать?

В любом праздном уединении твой покой всегда сможет потревожить скучающий субъект, которому не терпится почесать язык, и которого у тебя не хватит духу отправить по адресу «Земля. До востребования». Ведь кто, как не ты, более всего востребован в эту знаковую для тебя минуту для пустопорожней беседы или заманчивого предложения?

Одиночество – прекрасная вещь, но почему-то всем хочется, чтобы рядом был кто-то, кому можно рассказать, какая это прекрасная вещь – одиночество. И, как правило, ес-

ли ты один, то не потому, что никому не нужен, а потому, что тебе не всё равно, кто рядом с тобой.

Живой пример: кого можно было сейчас заманить на социальное соревнование? Разве что бабочку, перелетавшую с цветка на цветок, пока они ещё не оказались в вазе для сорняков.

Чудес не бывает, чудеса происходят лишь там, где в них верят.

Впрочем, для Всевышнего нет ничего невозможного в этом мире, поэтому, казалось бы, не верить глупо. Но не настолько же!..

Азь есмь успокоился на том, что если Бог замыслил сделать меня счастливым, то поведёт к счастью наиболее трудной дорогой, ибо лёгкие пути, как правило, ведут в преисподнюю.

Вселяющий Творец любит своих чад так же, как и мы любим своих детей, поелико Бог и есть Любовь. Слово «любовь» складывается из трёх слов: *люди*, *Божественное* *ведущие*.

А всё, что называют любовью в мире, только привязанность к плоти, вещам, звукам, формам, изменчивым вкусам, моде – возникающим и исчезающим теням.

«Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не ищет своего, не бесчинствует, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине» [Кор. 13; 4-7]. Любовь прощает все грехи, но только не грех против любви. Любовь

не ищет выгоды – она жертвенна, её нельзя добиться силой, невозможно выпросить и вымолить. Она не требует доказательств, потому что в ней нет логики. Скажем, от зависти люди стареют, от обиды болеют, от злости тупеют, а от любви молодеют!

Любовь – это всё! И это всё, что о ней известно.

Она как ветер: её не видишь, но чувствуешь. Сколько спето песен и о любви, сотворено стихов, написано книг и снято кинофильмов, а люди так ничему и не научились.

Потому что мирская любовь – это игра. Кто первый сказал «люблю», тот и проиграл. Зато «Нет больше *той* любви, как если кто положит душу свою за други своя». [Ин. 15:13].

Среди моих родных и близких, друзей и просто знакомых можно сосчитать по пальцам тех, кто причащается хотя бы раз в месяц. Большинство же хорошо, если в посты или по большим праздникам. А некоторые причащались всего несколько раз в жизни, а то и ни разу. И что же, я должен чувствовать себя святым, что живу и общаюсь с такими грешниками?

Может быть они чище и лучше меня, опоздавшего вчера на службу, да ещё и принявшего «на грудь» перед исповедью, прекрасно понимая, что это грех. Но разве выслушать исповедь брата Георгия, которого, может и не увижу никогда больше – не проявление любви к ближнему? Да, я знаю, что мне воздастся с лихвой за моё своеволие, но разве это повод отказывать человеку? Любовь – это наступить себе на горло

ради другого человека, даже если его дело тянет на копейку.

В этой связи вспомним известное высказывание преподобного Серафима Вырицкого: «Вы спросите: что такое любовь? Первое, в чём вы можете быть уверены: любовь – не то, что люди должны оказывать *вам*. Любовь – это всегда то, что *вы* должны отдавать другим». Точнее и не скажешь!

Слова святого пронзают столетия, но время не властно над истиной. Истинная любовь выражается не в том, что ты хочешь менять другого, а в том, что *сам* хочешь меняться ради другого. Любовь предполагает наличие жертвенности в человеке, чтоб жил он не только ради себя, а уже ради кого-то. Сиречь великое таинство брака состоит в том, что человек может свою любовь разделить и отдать кому-то, ибо оно дробит эгоизм.

Когда Гm только начал ходить в храм и читать молитвы, мои родные очень переживали, что я уйду в монастырь.

Тогда как мог, я им объяснил, что Православие – это не секта. Бог – это любовь, Православие – это любовь.

А любовь – это никогда не осуждать ближнего. Ни по поводу, ни без повода. Любовь – не нанизывать на шампур всех, чья вера в Бога расходится с твоим пониманием благочестия; это помогать, быть рядом; это поддержка. Любовь – это не слёзы о том, куда катится мир; это мир в твоей душе, который мы должны дарить другим людям. Любовь – это пожертвовать нуждающемуся последние свои деньги, или даже просто помочь человеку с ограниченными возможностями.

Потому что пока ты чувствуешь боль – ты жив. Но только если ты чувствуешь чужую боль, тогда ты – Человек. Именно так, с большой буквы. А если *вам мучительно* больно, то это у вас бесцельно прожитые годы в организме накопились.

Любовь – это не слова, не вздохи, не любование собой, как идеалом, а реальные дела, без которых вера мертва. Слава Богу, мне Господь давал в пример таких людей и не единожды.

Частенько случается, что кто-то ненароком обидит тебя бранным словом, а то и покруче. И если находишь в себе силы, встретившись с ним, забыть обиду, подать руку, взглянуть в его глаза, не принять его улыбку и его движение к тебе за проявление лукавства, обняться с ним и похристосовать-

ся, – только тогда понимаешь, что такое любовь. Это прощение.

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. И если я раздам всё имение моё и отдам тело моё на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» [Кор. 13; 4-7].

А ещё святые отцы учат обязательно молиться за врагов. Если не молиться за них, то пламя их злобы и ненависти к тебе ещё сильнее разгорается, словно ты подливаешь в него керосин.

Бесы, распалюющие злобу к тебе, – во врагах твоих! Только по нашей горячей молитве за врагов Господь отгоняет от нас бесов и прекращает злобу. Если ты после того не молишься ещё яростней, то они снова и снова будут натравлять врагов на тебя, пока не уничтожат окончательно и бесповоротно.

Великомудрствуя такими категориями, азъ послушный продолжал размеренно ковырять грешную землю своей «барракудой», очищая её от грехов, которые портили идиллическую картину. Соловьиный концерт немного добавлял пряного соуса в бефстроганов моих мыслей, уныло томящихся под крышечкой черепной коробки. Мыслям было сугубо тесно, давление уже зашкаливало. Конфорка солнечного

диска раскалила мозги до точки кипения, и вот-вот из ушей должен был повалить пар.

Спрятаться от языков солнечного пламени было решительно некуда. Одинокие кипарисы если и давали какую-никакую тень, то разглядеть её можно было только под микроскопом.

Сей мудрёный прибор азъ хладолобивый позабыл в Белокаменной, а невооружённый глаз не прибавлял моему упадническому настроению ни грамулечки оптимизма.

Чтобы побороть в себе пессимизм, я решил прибегнуть к проверенному и самому что ни на есть действенному в таких случаях способу – усердной молитве. «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго». «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, ради Пречистыя Твоя Матере, преподобных и богоносных отец наших и всех святых, помилуй мя грешнаго». «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий...» – молитва полилась искрящимся напевом, словно вешняя вода с вершины Афонской горы. Враз отступили навязчивые мысли, как супостатово племя под натиском Небесного воинства, а мышцы перестали донимать нервную систему.

Меж тем, или мне так показалось, сорняки не только не убывали, но за каждого «битого» появлялись два «недобитых».

Складывалось ощущение, что пока азъ трудолюбивый освобождал от нежити один участок, на соседнем они успевали вырастать сызнова. Или у меня уже голова шла кругом?

Гм на всякий случай оборотил взор на отхожее место – куча была уже в половину моего роста, но меня это не шибко вдохновило. Спрос будет не за количество сорной травы, а за качество исполнения. Не в угоду своей гордыне, но должен признаться, что качеством я был удовлетворён в полной мере. Как сам не выношу халтуры, так и делать привык всё на совесть.

Ибо, как учат святые отцы, совесть и есть глас Божий в человеке, а не имея оно, зачем, спрашивается, совершать паломничество на Святой Афон? Для этого случая вполне подойдут Канары или Мальдивы, да и на родине подобных мест с лихвой хватает. И не только на родине. За последнее время злачные места для кобелирующих личностей множатся по всему миру в геометрической прогрессии. И откуда у людей столько денег?

Снова поймал себя на мысли, что только-только рассуждал о любви, о всепрощении, а как только охватила мимолётная физическая немощь, так враз избранники фортуны превратились для меня в изгоев. Или жутко позавидовал, что не лежу в данный момент на золотистом пляже в обнимку с полногрудой манекенщицей и не имею под рукой фужер с ледяным коктейлем?

А как было бы здорово распластаться сейчас на травке да придавить ухо до вечерней трапезы! И сразу вопрос на засыпку: тогда почему дома не сиделось? За каким лешим надо было странствовать за три моря и за тридевять земель, да

ещё и братьев во Христе напрягать?

Сия крамольная мысль обдала меня, словно холодным душем и заставила снова приняться за послушание с удвоенной энергией. И как будто в воду глядел: буквально через пару минут по дорожке прошагал о. И – й, бросив на меня испытующе-удовлетворённый взгляд.

Вот бы я был хорош, если б он увидел меня «послушно оттягивающимся» на жарком солнышке!

Замечаний никаких мое низайшество от него тоже не удостоился. Знать за три дня архондаричий прочитал мои намерения. Тем лучше, даст Бог, не последний раз на Святой Горе.

Когда о. И – й поравнялся с монастырскими воротами, оттуда показались две до боли знакомые фигуры моих спутников, которые о чём-то весело дискутировали. На архондаричьего они не обратили ровным счётом никакого внимания, да и он не счёл нужным удостоить их взглядом. В руках у обоих красовались изрядно нагруженные пакеты, видимо ребята хорошо облегчили монастырскую лавку. Слава Богу за всё! Пока не иссякли золотовалютные резервы, почему бы не пополнить монастырскую казну? А заодно и домашнюю сокровищницу...

Поравнявшись со мной, братья как-то резко замолчали на несколько секунд, и с почтением, а может, с сочувствием – кто знает? – взирая на мои титанические усилия во славу Божию.

Давно известно, что три вещи можно созерцать бесконечно: пламя костра в ночи, переливы водопада и как труждается афонский паломник. Мне ужасно не хотелось прерывать послушание, но долг вежливости заставил всё-таки разогнуть хребет и обратить к ним взор пытливых очей. Короткое время мы поиграли в переглядки, после чего, как-то сам по себе, через дебри любопытства у меня прорвался во-

прос:

– Исключительно по дружескому расположению к вам изволю спросить: о чём молчим?

– Да... вот... – Никита напряг память, чтобы закрыть паузу подходящим словосочетанием. – Сходили, в лавку, кое-чего прикупили, – он развернул пакет, и Божий свет увидела икона великомученика и целителя Пантелеимона в золочёном окладе и явно не Софринской школы письма.

– Какая-то необычная, у нас целителя Пантелеимона немного иначе изображают. Греческая, наверное?

– Возможно. А может Иерусалимская. Написано по-гречески, а там кто знает, – Ники явно не занимала тема происхождения иконы, что уже само по себе говорило о почитании святого и стяжании благодати от образа.

Он благоговейно положил икону в пакет и вынул оттуда несколько книг, причём Псалтирь на церковно-славянском языке. Это меня и удивило, поскольку никогда не замечал, чтобы Никита читал по-церковнославянски. Но мысль не успела ещё до конца укорениться, как брат во Христе развеял мои сомнения.

– Вот, хочу своему духовнику подарить, если удастся побеседовать со старцем Рафаилом. Возьму у него автограф.

Отче благословил побеседовать с ним и кое-что выяснить. Старец сейчас где-то на Афоне подвизается, в каливе.

– Ну, что ж, дело святое, – азь любопытный перевёл взгляд на гиганта Х-ва, и взглядом как бы задал ему наводящий во-

прос. Володя со свойственным ему одесским говорком, на-
пряг голосовые связки и разразился бы, как минимум, полу-
часовой тирадой, но в монастырских воротах снова высвети-
лся о. И – й, и мне пришлось срочно принять позу послуш-
ника.

Братья во Христе любезно оценили мой жест и поспешили
ретироваться. Однако Никита не смог пройти мимо ослепи-
тельно ярких цветов, брызги которых для него, пожалуй, свя-
щеннее, чем корова в Индии. Но мне уже было не до любо-
пытства, до вечера надо было успеть выдать «на гора» успе-
хи в перевыполнении плана по спасению моей погрязшей во
страстях души.

А для этого необходимо было, прежде всего, победить
грех любопытства и пустословия.

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя
грешнаго». «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, ради
Пречистыя Твоея Матере, преподобных и богоносных отец
наших и всех святых, помилуй мя грешнаго». «Господи,
Иисусе Христе, Сыне Божий...» – что, если не усердная мо-
литва может настроить на разговор со Всевышним?

Братья во Христе скрылись в архондарике, о. И – й про-
шагал на своё почётное место, группа говорливых пилигри-
мов, судя по говору, из Латинской Америки, шумно просту-
чала каблуками в сторону монастыря, и враз опустилось без-
молвие, разбавленное лишь морским прибоем и соловьины-
ми серенадами.

Но безмолвие тоже относительно. Человек думает сердцем – именно расположение души даёт направление мысли.

Кто-то говорит целый день и при этом остаётся в молчании, потому что сердце его с Богом и наполнено благодатью. А другой может целый день молчать, но при этом всё равно будет пребывать в словоблудии, аще убо сердце его в другом месте.

И вот здесь как раз технический прогресс ставит людям подножку перед входом в Царствие Небесное.

Во времена старины далёкой человеку значительно труднее или даже невозможно было, оставшись наедине с самим собой, предаваться страстям. Потом появились книги, газеты, журналы и далеко не всегда шибко благочестивого содержания. А в наши дни тем паче никуда не скрыться от радио, телевизора, телефона, интернета и прочих дьявольских козней. И, как на грех, Whats App явился – не запылится... Что нас дальше ждёт?

Когда-то святые, ища безмолвия, уходили в леса, в пустыни, в горы, но сейчас даже там не отыщешь спасения: самолёты и спутники отслеживают каждый твой шаг. Поэтому в наше время главное – это выработать в себе иммунитет от мирской грязи, стать невосприимчивым к соблазнам цивилизации, а это, как оказалось, намного труднее, чем испытание нищетой.

Взять хотя бы историю государства Российского за последнее столетие. Казалось бы, всего было в достатке в на-

чале XX века, жизненный уровень был одним из самых высоких в мире, экономика динамично развивалась, население росло как на дрожжах – что мешало всеобщему счастью?

Что сбило народ с пути истинного и ввергло в пучину братоубийственной войны?

Некоторые скажут: козни дьявола, и будут абсолютно правы. А в чём они выражались в те годы? Чем смог прельстить лукавый православных людей? Ответ прост и банален, как формула пресной воды: информацией! Вернее дезинформацией.

Всего-то люди узнали, что на Афоне появились «богоборцы», которые отрицают святость имени Христа. Что у царя-батюшки появился какой-то наушник, который творит бесчинства и разврат. Что нужно защитить братьев-сербов от грозящей им оккупации «антихристового племени». И ещё много подобной ахинеи.

Первая мировая, а потом и Гражданская война продолжались более шести лет, привели к обнищанию, голоду, разрухе.

И вместо того, чтобы покаяться, вернуть веру Православную и царя на престол, наоборот – начали грабить, уничтожать церкви и монастыри, подвергать репрессиям священников и монахов, проводить массовые расстрелы. В России была уничтожена не только Православная церковь, большевики уничтожили все институты русской жизни, в том числе дворянство, офицерство, казачество, деятелей науки, куль-

туры, предпринимателей, земства заменили Советами, крестьянство загнали в колхозы. Лишь Православная церковь сумела как-то выжить в эпоху лихолетья, всё остальное было уничтожено безвозвратно.

Опомнившись, Ульянов & К° повернули историю вспять и дали старт новой экономической политике. Период НЭПа оказался крайне удивительным. Для всех граждан страны это было событие поистине фантастическое. Полки магазинов были переполнены продуктами, причём отечественного производства.

Зерно, мясо, картофель в больших объёмах гнали на экспорт. Появился золотой червонец. Казалось, ещё чуть-чуть и снова наступит всеобщее счастье.

Когда человек трудится свободно, он делает это от души и тем самым спасает свою душу. Если ещё и во славу Божию, тогда благодатно вдвойне. Но без Бога не до порога! Жадность и зависть, присущая всякому безбожному обогащению, ведёт не к спасению, а к гибели. Нет, и не может быть равенства между богатыми, всеобщее равенство бывает только у нищих!

Так почему же эта, казалось бы, настолько банальная и понятная истина не завладела сердцами и умами людей? А потому что, когда Бог хочет наказать человека, то лишает его разума.

Почему, спросите вы, стали возможны в нашей стране коллективизация, индустриализация, почему не встретили

А всё потому, что люди отреклись от Бога. Они уже не слышали голоса разума, а верили лишь всяким проходимцам и словоблудам. Но самое страшное, что верят до настоящего времени!

Рабский труд из-под палки, который принесли в нашу страну большевики, сделал его предельно одиозным. Люди работали из страха, стремились всячески отлынить от работы, схалтурить, где можно, и такой труд не был угоден Всевышнему.

Любое насилие рано или поздно оборачивается насилием над собственным разумом и собственным благополучием.

Оттого во время Второй мировой войны и попустил Господь уничтожить почти всё, что было создано в первые пятилетки, без благословения, ради гордыни, тщеславия, покорения других народов. Многие из произведённого тогда до сих пор ржавеет на складах или служит памятниками, напоминаям грядущим поколениям о тех безбожных годах и о «мартышкином» труде наших обманутых предков во имя «нового светлого будущего».

Истребляя православное население на протяжении всего XX века, во время Гражданской, Первой и Второй мировых войн, голодомором, создавая «нового человека» в лагерях и так называемых «коммунах», *большевики* превращали гомо советикуса по сути в животного, бессловесного раба, у которого всякая способность к предпринимательству, сопротив-

лению злу и даже воспроизведению и воспитанию себе подобных уничтожена на генном уровне.

Сейчас много пишут и говорят о том, что в России каждый год население сокращается на миллион человек. Заведомая ложь! Просто происходит духовное очищение нации.

Во все времена, чтобы народы обращались к Богу, Господь попускал эпидемии чумы, холеры, и тогда они прекращались. Сейчас происходит то же самое, но на более высоком уровне.

Там, где народ начинает восстанавливать разрушенные храмы, поруганные святыни, там прекращается повальное пьянство, наркомания, преступность. Вымирают наркоманы от передозировки, алкоголики от суррогатов, геи от СПИ-Да – люди генетически обречённые. Это те самые «плевелы», потерявшие не только веру, но с ней и волю, и человеческий облик.

В храмах повсеместно причащают младенцев, и Господь уже с малолетства берёт их под Своё покровительство. И впоследствии направляет их стопы на благие дела. Даже если кто-то из них по своему неразумию потом оступится и отпадёт от Всемилостивого Творца, то рано или поздно всё равно покается и вернётся в лоно Церкви Христовой.

Святые апостолы и те, как повествует нам Священное Писание, порой отрекались от Христа, однако вера в них не ослабевала, и они впоследствии смыли грехи собственной кровью.

Нам внушали и внушают до сих пор, что «плохие» немцы хотели превратить нас в рабов. Но *большевики* уже превратили людей в рабов, при этом уничтожив всё передовое.

Они уничтожили генофонд нации, поэтому последующие поколения рождались уже с рабской психологией, с рабским сознанием. Дух предпринимательства у них вытравлен на генном уровне, в сознание заложено работать только на дядю, от звонка до звонка, а жить они могут лишь как скоты.

Получая за свой труд жалкие гроши, они не могут ими даже по-человечески распорядиться и, за редким исключением, предаются пьянству и разврату. И новоявленные хозяева, бывшие партократы, в этом отношении являются первыми грешниками и подают дурной пример остальным. Не имея благодати с Небес, они лишены разума, их сердце лишено ума. Они не хотят и не могут потратить огромные капиталы на благое дело и прожигают жизнь в страстях.

Рабы же, по сути, ничем от них не отличаются, жутко им завидуют, но стоит им получить вожделенные шальные деньги, как с тем же рвением предаются тем же страстям.

Десятая заповедь прямо указывает «не завидуй», «не возжелай», но рабы с той же лёгкостью меняют своё убогое, как им кажется, жилище на «хрустальный дворец»; своих верных подруг и детей на более молодых и вожделенных шлюх; отказываются от детей ради удовольствий, не сознавая, что в мире всё проходящее, всё тлен. Что очень скоро всё вернётся на круги своя, а то и отнимется Всевидящим Творцом.

Такой человек, отказавшись от людей своего круга и, не будучи признанным высшим сословием, впадёт в отчаяние. И хорошо, если успеет обратиться к Богу и встать на спасительный путь, а не пустит себе пулю в висок или не прыгнет в петлю.

Какой жизненный путь выберет человек, что будет искать в жизни – истину или выгоду – каждый решает сам. Если есть возможность материально улучшить свою жизнь – само по себе это не является грехом. Важно побуждение. Ради чего? Если из зависти, то здесь уже появляется проблема.

Но у человека всегда есть свобода выбора, и не должно быть тотального страха греха. Взрастая духовно, он начинает понимать, что приближает, а что препятствует спасению. «Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов» [Гал. 6; 2].

Парадокс, но именно представителям привилегированного класса свойственно впадать в депрессию. Потому что депрессия происходит от отсутствия глубокого смирения в человеке, это причина умножения скорбей. Права человека – это антисвобода, свобода – это осознанное ограничение.

Покажется удивительным, но иногда монах имеет великое тщеславие, а мирской человек, живущий в мегаполисе, вполне может обладать великой добродетелью и смирением.

Те, кто говорит: жизнь не сложилось, я никому не нужен, уйду в монастырь – они рано или поздно уйдут и из монастыря. Тщеславие есть состояние души! Это не вина их окруже-

ния, это их взгляд на окружение. Вечно недовольные.

«Стяжай дух мирен!» Прежде всего – по большой любви, тогда и результат. Для истинных монахов Бог в сердце, а не какая-то абстракция.

Истинное монашество состоит не в одеждах и чётках, а в смирении, терпении, любви и прочих добродетелях. Старцы утверждают, что внешнего человека монахом сделать не составит большого труда. Но немалый подвиг сделать монахом человека внутреннего. Отрекшийся от всего мирского: давший обет безбрачия, нестяжания, послушания – сделал монахом лишь внешнего человека, но ещё далеко не внутреннего. Истинный монах тот, кто отрёкся от страстных помыслов.

Так же и государства если достигают определённой мощи, определённого прогресса, то начинают диктовать свою волю другим народам, завоёвывать и покорять малые народы, навязывать им свой строй, свою монокультуру, которая им чужда и естественно вызывает неприятие, отторжение и сопротивление.

Русские цари на протяжении веков не завоевали ни одного народа. Царь Иван IV даже приказал казакам уйти из завоёванного Азова, потому что тот был взят без благословения.

Князь Игорь, желая покорить половцев, потерпел страшное поражение и навлёк Божий гнев на своё царство. Апостолы и святители вначале просвещали народы светом Христовой веры, а уж потом власть брала их под своё покрови-

тельство...

Мои размышления прервал Благовест с монастырской колокольни, видимо звонили призыв к повечерию. Не прошло и трёх минут, как из дверей архондарика к монастырским воротам потянулась вереница паломников, среди которых я заметил о. И – я. А вот заметил ли он меня или нет, осталось за кадром, но никаких телодвижений в мою сторону он не сделал.

В тайны устава Свято-Пантелеимонова монастыря меня никто не посвятил, но согласно уставу караульной службы Советской Армии, освободить меня от наряда по службе мог только разводящий. А в данном конкретном случае таковым являлся глубоко мною почитаемый архондаричий о. И – й.

Что ж... Значит так тому и быть.

Я где-то слышал, что послушание паче молитвы, поэтому позы не поменял и продолжал тружиться во славу Божию.

Некое экзотическое пернатое чудо облюбовало ветку кипариса и с любопытством уставилось на мои старания. Очков у меня с собой не было, поэтому толком разглядеть его не сумел, хотя желание и появилось. Птенчик покачался на ветке пару минут, потом вспорхнул и скрылся в зелени монастырского сада.

Мои братья во Христе покинули архондарик одними из последних и на этот раз отвлекать меня не стали, лишь поприветствовали взмахом руки и продолжили междусобойчик.

Никита едва смахнул с лица сонное выражение, Володя, напротив, был предельно сосредоточен, даже шаг печатал, как на плацу.

Вглядываясь в лица разномастной публики, азъ есмь с малой долей вероятности пытался отыскать кого-то из знакомых, но потуги были напрасны. Лишь в конце процессии нарисовалось явно не отягощённое громадным интеллектом чело громадянина Незалэжной, хотя зуб мудрости, по всей видимости, у него был на месте. Но это, пожалуй, единственное, что удерживало его от вероятия ходить на четырёх. Его мысли, если судить по глазам – прямые, как след от бейсболки, не то, чтобы умещались в пенале, скорее всего даже в табакерке.

Не лишним будет ещё раз вспомнить монгольскую пословицу: чего нет в мыслях, того не будет и в глазах.

Как утверждают учёные мужи, мозг человека процентов на восемьдесят состоит из жидкости. Но у многих мало того, что она тормозная, так некоторым её ещё и зѣло не долили.

Как объяснить, что человек не может жить без сердца, без печени, без почек, зато без мозгов спокойно живут целыми поколениями? И счастливы, горя не знают. Великий А.С. Грибоедов свою поэму озаглавил «Горе от ума», но ещё пока никем не написано произведение «Горе от отсутствия ума». Хотя ничто так не украшает человека, как дружба с собственной головой.

Очень интересно наблюдать, как какие-то конкретные со-

бытия высвечивают умственную ограниченность людей, даже тех, кто почитается как интеллектуальный цвет нации. Человек может цитировать изречения, умные мысли, фамилии, употреблять учёные слова, говорить, что он придерживается передовых технологий... И вдруг человек оказывается дураком.

Вы спросите: где же были его мозги? Они принимали точку зрения толпы! Человек поддался стадному чувству. В толпе люди не понимают, что творят. Через лишение разума по воле отдельных идиотов и вершатся законы истории.

Противостоять этому способна только сила Божией благодати.

Поэтому появление в городе монастыря или даже храма в глухом селе, есть великое благо.

Взять, к примеру, атом, который имеет ничтожную материю. Зато есть энергия атома, которая не имеет своей материи, но имеет такую разрушительную силу, что может уничтожить целый город. Также и сила молитвы, хотя не имеет материи, но в ней заложена колоссальная энергия, причём энергия положительная.

Ведь энергию атома можно направить не только на созидание, но и на разрушение, и в результате произойдёт вторая Хиросима или второй Чернобыль. Энергия молитвы напротив, освещает умы и сердца, даёт благодать, настраивает на созидание.

Мне невольно пришло на мысль, что вся история не толь-

ко России, но и Русского Мира, вся её ухабистость, все её великие взлёты и страшные падения, во все времена упирались в один вопрос – состояние духовности народов её населяющих. А это прямо зависит от состояния Православной Церкви. Каково состояние Церкви, таково и состояние всего общества в целом.

С того времени, когда Россия перехватила от Византии эстафету Животворящего Креста, у неё появилась функция удерживающего, которая была заложена ещё в период, когда старец Свято-Елизаровского монастыря Филофей провозгласил принцип: Москва – третий Рим!

«Первый и второй Рим падоша. Москва – третий Рим, а четвертому не быть!» Эту функцию удерживающего, начиная с XV века, с Ивана III – нравилось это кому или не нравилось, кто признавал, кто не признавал, но выполняли все правители Государства Российского. И на этом стержне держалась вся русская история. Именно поэтому русский народ – народ Богоносец. Как сильно билось русское сердце при слове отечество!

Но как только царь Пётр прорубил окно в Европу, мы нахлебались Западных понятий по самую маковку.

Известно, что язык не просто влияет на наше мышление, он конструирует его. Слова – это одно, переводятся-то не слова, а понятия, и некоторые понятия в разных языках не имеют аналогичных соответствий и не тождественны.

Заимствуя язык, мы заимствуем не только слова, но и об-

раз мыслей, систему отношений, выработанную чужой культурой и прокладываем этими словами-понятиями дальнейший путь народа, его историческую судьбу.

За примерами не надо далеко ходить.

В английском языке слово *sex* означает не только известную потребность, но и *пол* человека. А в русском языке слово, обозначающее половую принадлежность, имеет другое происхождение.

В русских избах пол выстилали распиленными напополам брёвнами. Половинки брёвен клали плоскими распилами вверх.

Так русское слово *пол*, имеющее два значения, напоминает о том, что распиленное напополам бревно это – по сути, *половина* человека, а целый человек – это человек, нашедший свою вторую *половину*. Поэтому русский народ хорошо понимал, что первое чудо совершенное Иисусом Христом в Кане Галилейской, – это благословение не винопития, а таинства брака...

С середины XX столетия в России, вооружённой ядерным оружием, происходит Богом установленная работа удерживать мировое зло, не позволяя никакой другой силе, кроме Богом попущенной, осуществлять мировое господство.

К сожалению, мы не удержали эту высокую планку.

Тихон Задонский и Феофан Затворник ещё в XIX веке предупреждали, что Православие незримым образом уходит из России: всё ещё внешне цело, а внутренне уже разлага-

лось.

Сейчас всё потихоньку возвращается на круги своя, но будущее за духовно-светским сознанием, иначе Россия превратится в подобие Саудовской Аравии или Ватикана.

Почему мы потеряли самодержавие, монархию? Она рухнула под тяжестью собственных духовных слабостей. Царское окружение в Бога уже не верило. Они верили в теософию, в оккультизм, играли в спиритические сеансы, – о маммоне даже речь не идёт, само собой. А дальше революционные идеи, вихри враждебные, баррикады, майдан, кровь, смерть...

Монархия пала, пришли временные, потом *большевики*.

Комунисты стали хирургическим скальпелем в руках промысла Божия, который вскрыл гнойные раны русского общества. Через боль, страдания, страшные потери. Но не будь этого, не было и сегодняшнего этапа. Сонм новомучеников и исповедников российских, пострадавших на Соловках, на Колыме, на Бутовском полигоне и прочих, стали молитвенниками за её великое возрождение.

Для чего был попущен либеральный этап? Для того чтобы мы больше никогда не оглядывались в сторону Запада!

Многие философы говорили, что русская революция стала возможной, потому что русское общество не имело иммунитета к революции. Мы получили иммунитет в 1917-м, а потом и в 1991-м. Господь дал нам испытать коммунистического и либерального яда для того, чтобы мы испытали эти

мерзости на собственной шкуре и надолго, а лучше навсегда лишились иллюзий.

Чем, спросите вы, афонский старец отличается от экстрасенса или от гадалки? Богословы говорят, что Его устами с вами разговаривает Бог, старающийся помочь вам в поисках истины, предупреждая о нависающей над вами угрозе, которую вы можете даже обойти, если сделаете верные выводы. А через цыганку с вами разговаривает алчность, не более того.

В Покровском храме находится удивительная икона Спаса Нерукотворного. Чёрный, почти неразличимый лик. Она потемнела в ночь на 17 июля 1918 года. В Святом Пантелеимоне жил прозорливый иеродиакон Вениамин, который воочию видел, как убивали царскую семью, находясь в своей келье.

5 ноября 1999 года, в день прославления царской семьи иконе суждено было обновиться. Во время службы на несколько минут лик Спасителя просветлел, был цвета спелой пшеницы.

По пророчеству афонских старцев икона восстановится лишь когда в России власть перейдёт к *православному* царю.

Рано или поздно, но формой правления в нашей стране вновь станет самодержавие. Афонские старцы даже знают дату сего.

В отношении России в настоящий момент главенствующим на Святой Горе является пророчество одесского старца схиархимандрита Ионы (Игнатенко) – духовника Одесского мужского Свято-Успенского монастыря, – о слиянии всех племён славянских. Российская Федерация объединит земли и народы России, Украины и Беларуси и превратится в мощную православную сверхдержаву. Но путь к объединению не будет лёгкой прогулкой.

Представьте, что народ, численность которого исчисляется миллионами и даже десятками миллионов, если ему плохо живётся на своей родине, переселится в другую страну, потому что дома ему опасно, голодно и нет свобод.

Он хочет получить свободу, безопасность, сытость и мгновенно превращает всё вокруг себя в ту самую помойку, из которой бежал, если не видит разницы. Поэтому, если мы хотим соответствовать своему предназначению сверхдержавы, то в нашем доме не должно быть выбитых стёкол, какого-то разбросанного мусора, сорванных с петель дверей, раздолбанных дорог, недостроя – эти малые преступления порождают большие, создают атмосферу вседозволенности.

Поздно карать преступника или террориста, когда они уже совершили преступление. Болезнь легче предупредить, чем лечить.

Мы должны понимать, что решая вопрос построения сверхдержавы, мы решаем и другую задачу – более высокую и глобальную, чем защита национальной безопасности Рос-

сии.

Уже все народы мира видят в России защитника от американской экспансии. Финансовая система, основанная на американском долларе, рушится. Соединённые Штаты в трудном положении, может быть, висят на волоске. В мире это чувствуют, и с надеждой смотрят на Россию как на миротворца. Пришло понимание, что сильная Россия – гарант справедливости.

Наша страна вызывает ненависть не из-за того, что она конкурент в экономике или военной сфере, просто мы предлагаем миру цивилизационную альтернативу. На Западе во все века главные ценности были: есть, спать и то, что с этими словами рифмуется. А в русской цивилизации всегда над материальным преобладал дух, поэтому наш народ нельзя про считать.

Но западные стратеги прекрасно понимают – не самоубийцы же они – что невозможно в XXI веке победить Россию военным путём. На протяжении столетий не раз предпринимались попытки, но в атомный век война будет означать армагеддон.

Поэтому сейчас всё внимание сосредоточено на экономическом удушении нашей страны. Железный занавес привёл СССР к отставанию от передовых развитых стран на десятилетия, и с его падением промышленность и сельское хозяйство страны стали неконкурентоспособны. Падение цен на нефть и газ в конце XX века окончательно опустошило каз-

ну, что во все века приводило к неизбежным в таких случаях центробежным тенденциям. Не миновала сия чаша и Советский Союз.

После того, как СССР распался, Россия, как его правопреемник взяла на себя обязательства по выплате всех долгов, что привело к катастрофическому состоянию её экономики.

Между тем, радикальные реформы, проведённые в девяностые годы, позволили стране преодолеть экономический коллапс и выйти на устойчивый рост. В то же время все постсоветские и восточноевропейские страны держались на плаву исключительно благодаря щедрым вливаниям из-за океана в обмен на откровенно враждебную России русофобскую политику.

Чтобы «не дразнить гусей», Россия сделала «хорошую мину», что признаёт однополярный мир и главенство в нём Соединённых Штатов. На этом заокеанские ястребы успокоились и сбросили Россию со счёта.

В 1992 году директор ЦРУ Роберт Гейтс провёл в Москве свой персональный парад победы. Он прошёл строевым шагом по Красной площади и выпил шампанского в честь развала СССР. Заокеанские политики в «лихие девяностые» говорили: «Миссия Америки – руководить миром. Поймите и подчинитесь», в противном случае грозились «Ираком и Югославией».

Многие в нашей стране верили и даже сейчас продолжают верить в магическую фразу: «Запад нам поможет». Не пони-

мая при этом, что подобная «помощь» – лишь искушение дьявола, описанное в начале Священного Писания.

«Крепи оборону на Западе, а друзей ищи на Востоке», – утверждал ещё в XIII столетии святой благоверный князь Александр Невский. Дружба России и США в 90-х была, по сути, работой наших западных «партнёров» ради расчленения России на 10-15 образований.

Ещё в 1959 году США планировали истребить население Москвы. Из-за океана шла активная поддержка боевиков на Северном Кавказе, всякого рода оппозиции в национальных образованиях, «болотного» движения в столице. И после, казалось бы, триумфа американской внешней политики происходит нечто непонятное в Сирии и на Украине. Россия заявила о своих неотъемлемых правах! Отсюда и ненависть к В.В. Путину.

Верующие люди должны понимать, что сейчас происходит для нас православных нечто сакральное, таинственное, но очень значимое – русская армия сражается на Святой Земле! Ведь земля Сирии, Дамаск – это Святая Земля, по которой ступал и проповедовал Господь наш Иисус Христос! Где святыни, где арамейские сёла, где глава Иоанна Предтечи в Дамаске!

Наши руководители вслух этого не говорят, но они это тоже понимают. Впервые в истории русская армия бьётся с врагами веры, с врагами человечества, с самыми дьявольскими силами, которые олицетворяет Исламское Государство, бьёт-

ся за дело Господа нашего Иисуса Христа вместе с нашими союзниками – братьями-христианами сирийскими.

Это надо иметь в виду, и отсюда тоже неприкрытая злоба к нашей стране и со стороны элиты Западной Европы и США.

И Первую, и Вторую, и Третью мировую войну организовали силы, которые пытаются управлять миром. Речь о транснациональных компаниях и верхушке англо-саксонской элиты, место их пребывания – Соединённые Штаты Америки.

Германию к войне и с Россией, и с Советским Союзом толкали США. Обеим всячески помогали укрепляться, чтобы столкновение двух стран стало для них катастрофой. После капитуляции Германии немецкий золотой запас хранится за океаном, а на территории Германии более трёхсот американских военных баз.

Страны Восточной Европы и Балканского полуострова никогда не забывали, что Российская империя освободила их от пятисотлетнего турецкого ига. Но элиты, купленные США, ведут антироссийскую политику.

А ещё лидеры многих стран легкоуправляемы, потому что боятся физического устранения. Ведь ЦРУ стоит за десятками государственных переворотов, ведёт информационную войну.

Но сейчас на Россию идёт наступление не с Запада, а с Юга – Грузия, Сирия, Украина. Россию все последние десятилетия пытаются оттеснить от южных морей, трубопроводов – на Север. «Уходите в свои леса и там живите!» США

захватили Грузию, началась возня вокруг Ирана. А цель их опять Россия!

Направление – выйти на Каспий, чтобы организовать новый Шёлковый Путь для товарообмена со странами Юго-Восточной Азии в обход России, а также транспортировки Ближневосточных углеводородов в Восточную, да и Западную Европу.

Если мы уйдем из Сирии, то не только однозначно окажемся отрезанными от всех южных маршрутов, но и от последних наших выходов к Чёрному морю. Для России – это трагедия!

Газ для России означает не только львиная доля бюджета страны, но и главное оружие, благодаря которому страны Европы постольку-поскольку считаются с нашим мнением.

В отличие от любых других товаров, транспортировка газа иным способом приводит к строительству дорогостоящей инфраструктуры, и овчинка не стоит выделки. Вот почему англо-саксонская элита так взбесилась, когда Россия перекрыла им возможность построить по территории Сирии газопровод в Европу и качать дешёвый газ из Катара. Отсюда и крокодильи слёзы о «страданиях сирийского народа» от тирании нынешнего режима.

Война за южные моря началась не сейчас, ещё князь Олег прибил щит к вратам Царьграда, чтобы неверные всегда помнили о предназначении Руси. Но история учит лишь тому, что ничему не учит.

Например, Олимпийские Игры считались священными, поэтому во время их проведения прекращались все войны и вооружённые конфликты. Организатор современных олимпиад Пьер де Кубертен также предполагал, что они послужат делу мира, и всевозможные войны и конфликты на время их проведения будут прекращаться.

Но нынешние ястребы стремятся разжечь пожар войны или устраивают провокации именно во время Олимпийских игр.

В феврале 1988 года, накануне открытия Олимпиады в Калгари, американский крейсер «Йорктаун» и эсминец «Кэрон» нарушили границу СССР, вторгшись в территориальные воды на семь миль. Это была не просто провокация, а типичная демонстрация силы, примерно как в Тонкинском заливе. Сторожевые корабли Черноморского флота «Беззаветный» и СКР-6 пошли на таран нарушителей.

Силовой ответ показал, что соединённоштатники психологически пасуют. При подавляющем преимуществе над противником они готовы убивать, а погибать за родину в их планы не входит.

Подобные провокации происходили всегда. Достаточно вспомнить нарушение воздушного пространства России в мае 1960 года или в сентябре 1983-го. Но это случаи, о которых нельзя было умолчать, а сколько было провокаций, о которых не известно широкой публике? Война в Южной Осетии тоже началась накануне открытия Олимпийских игр

в Пекине, причём все мировые СМИ развернули гнусную и лживую антироссийскую информационную войну, что это российские войска вторглись в независимую Грузию и сравнивали с землёй город Гори.

Либеральный угар постепенно выветривается из мозгов даже заторможенного российского электората. Сейчас всё больше не только политиков и бизнесменов, но и простых энтузиастов поворачивают свой взор на восток, за Урал.

В своё время император Николай II провозгласил этот курс, и Российская империя построила железную дорогу до Владивостока, очень быстро и без использования каторжного труда.

Построены станции, города, промышленные предприятия. Но освоена лишь узкая полоса от Урала до Владивостока, и на этой полосе, за все годы советской власти мы и остались.

У коммунистов не хватало ни ума, ни сил, ни времени, ни понимания, как продвигаться дальше. Перед нынешним руководством встала задача дальнейшего расширения. Нельзя оставаться на том, что сделано к 1912 году – ведь минуло уже столетие!

Надо идти вглубь, вширь, иначе действительно может возникнуть вопрос о принадлежности Дальнего Востока.

По какому пути идти и что искать человеку – истину или выгоду – решать лишь ему самому. Государства как люди, поэтому поворот на восток означает развитие политическо-

го, экономического, военного сотрудничества с азиатскими странами.

Также он подразумевает освоение наших же, российских, территорий, находящихся за Уралом, которым уделялось слишком малое внимание. Речь идёт об освоении наших территорий нашими же усилиями, но с использованием экономического потенциала, Китая, Южной Кореи, Сингапура, Малайзии, Индии.

Если мы не начнём настоящую работу по освоению Сибири и Дальнего Востока, то станет реальной угрозой потери территорий и ухода населения оттуда – синдром Аляски.

Если мы сами не добавим красок в свои серые будни, то нет смысла ждать, что это за нас сделают Рубенс или Брюллов.

Государственник будущего – это верующий профессионал. «Всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь» [Мф. 3:10]. Нынешние чиновники и олигархи – это же те самые лодыри и бездельники, воспитанные коммунистической моралью, бывшие комсомольцы.

Это дети и внуки тех, кто расстреливал в лагерях православных, уничтожал генофонд нации. Они не способны мыслить по-государственному.

Сейчас созданы все условия для возвращения в Россию эмигрантов, уже наученных жить и работать по-христиански, но не прижившихся в смрадном западном мире. Кто остаётся в том аду – потеряны для Царствия Небесного, по сути они уже разлагающиеся трупы, ещё дышащие, но их души мертвы. Они просто служат отрицательным примером, как не надо жить.

«А как надо жить?» – задал азь недостойный наводящий вопрос себе, в который уже раз поднимая заполненный сорняками лоток, чтобы отнести в компостную кучу.

Вроде бы вопрос не сложный и в то же время не лёгкий.

«А как живут монахи на Афоне», – подсказал ответ внутренний голос. Что говорил Христос в Нагорной проповеди: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их [Мф. 6;26]. Монахи-святогорцы и сеют, и жнут, и собирают в житницы, но подобно ангелам, не заботятся о хлебе насущном, потому что вера у них значительно больше горчичного зерна.

Только за ради не предаться греховным помыслам они каждую свободную минуту посвящают послушанию или молитве. Чтобы с натруженной спиной и спокойной совестью упасть вечером на спальное ложе для очередного наслаждения – кратковременного, но глубокого сна без сновидений.

Воистину, самое дорогое на земле – это глупость, потому что за неё дороже всего платить приходится. До сих пор ни-

кто не может внятно объяснить, зачем столетие назад понадобилась революция? Кого ни возьми – ратует за мнимый порядок, но разве не «порядок» несли нам «крылья чёрные» в 41-м?

Хотел – ну, так получи! Люди не хотели идти в колхозы, таки фашисты и поощряли фермерство: живи и радуйся жизни!

Православный народ ненавидел советскую власть, которая закрывала и разрушала храмы – так гитлеровцы открыли на оккупированной территории 16 тысяч православных приходов.

Ты ненавидел иноверцев – а разве после октябрьского переворота в Кремле сидел хоть один православный? Хоть один русский? Где же твоё покаяние?

В Германии даже сумасшедшие не поминают Гитлера добрым словом, за такую «шалость» предусмотрена и уголовная ответственность. В России же славословят Сталина и его подручных, у которых руки по самые уши в крови православных христиан! И всего-то лишь за то, что они вместо компенсации за миллионы смертей, за все лишения и страдания дали тебе возможность раз в году выпить сто «наркомовских» граммов горькой?

Ты судишься со страховой компанией, если она не выплатила тебе компенсацию за пожар или за ничтожную утрату. Ты хулишь полицию, если она не нашла тех, кто украл у тебя принадлежавшее тебе имущество или не защитила от хули-

гана.

Может, ты сам не знаешь, чего хочешь? Задумайся, а не дурак ли ты? Не ищешь ли чёрную кошку в тёмной комнате, которой там нет? Не гоняешься ли за солнечным зайчиком? Так и будешь гоняться, как белка в колесе, пока не поймёшь, что в далёком семнадцатом твои оболваненные предки свергли царя не в Петербурге, а у себя в голове! И пока ты не покаешься за их смертный грех и не вернёшь царя в свои насквозь пропитые мозги, так и будут гнуть тебя в три погибели сильные мира сего.

Зададимся вопросом, а почему вся просвещённая Европа стала работать на Гитлера и его банду, и они всю войну черпали в ней людские и экономические ресурсы?

Если Европа так ненавидела православную Русь, тогда почему папа Пий XII благословил крестовый поход против сатанинского режима, захватившего в 1917 году власть в стране и разрушавшего православные храмы, убивавшего священников и интеллигенцию, «соль земли» и генофонд русской нации?

Зачем Гитлер бомбил «просвещённую» Англию? Рубил сук, на котором сидел? Когда коммунистические историки нам «лепят горбатого» о Второй мировой войне, то их можно понять: они пытаются любой ценой скрыть свои истинные намерения и единственным «белым пятном» истории своего семидесятилетнего правления обелить свои кровавые злодеяния. Но когда эту ахинею начинают повторять люди право-

славные, тем паче Русская Православная Церковь, тут в пору выпасть в осадок.

Если вдуматься, не за тех ли проливал свою кровь на полях Второй мировой русский солдат, кто как раз и принёс нашей стране неисчислимыя беды и страдания? Кто опустошил и обезлюдел просторы Великой Руси, согнал православных христиан (крестьян) в гетто, *отгородив* их от Божиего мира?

Когда же, наконец, просветит нас Господь светом разума, и мы повернём своё оружие не против мнимых «немецко-фашистских захватчиков», а против захватчиков реальных, против настоящего, а не виртуального врага?

Почему белка в колесе доживает до десяти лет, а в клетке всего два года? Ответ очевиден и понятен даже младенцу.

Что бег удлинняет жизнь, знает каждый, а то, что беготня укорачивает её, понимают далеко не все. Кто обделён Божией благодатью, всю жизнь крутятся как белка в колесе, и при этом редко доживают даже до пенсии, если вообще умирают своей смертью. И где же тут логика? Соглашусь, что можно дожить и до ста лет, если *отказаться* от всего того, ради чего хочется жить сто лет. То есть от страстей. Так, где же золотая середина?

Её нет и быть не может, золотой середины!

Если волк питается только мясом, а заяц только капустой, то с точки зрения золотой середины они оба питаются голубцами. Поэтому каждый человек – это целый мир, и не может быть у людей никакой золотой середины!

У каждого из нас своя стезя, и каждый сам волен избирать свой путь. К кому склоняется твоя душа на этом свете, с тем ты будешь и на том. И здесь двух мнений быть не может...

Невольно мой взгляд остановился на монастырской усыпальнице, и мне вновь вспомнились строки духовного завещания монаха Виталия. Не буду цитировать, я их уже приводил ранее в полном объёме.

Может быть, именно прочитав их и приняв сердцем, покидающие Афон так преображаются духовно?

Тогда почему, окунувшись в житейское море, они мгновенно забывают пророчества афонских старцев и снова предаются страстям? Что-то сродни тяжкому похмелью, когда наутро после бурной попойки человек клянёт себя последними словами. Но к вечеру уже напрочь забывает о своём состоянии и снова предаётся необузданному чревоугодию и плотским утехам...

За размышлениями азъ утомлённый слегка позабыл об усталости, но попытка возобновить прерванное на минуточку послушание напомнило мне об этом резкой болью в пояснице.

Всё моё естество враз ответило взаимностью, в глазах нарисовался звездопад, впору было накрыться белой простынёй и медленно ползти в сторону монастырского погоста.

Ухватившись за спасительный круг Иисусовой молитвы, я попытался получить новый заряд благодати. «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго». «Гос-

поди, Иисусе Христе, Сыне Божий, ради Пречистыя Твоея Матере, преподобных и богоносных отец наших и всех святых, помилуй мя грешнаго». «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий...»

Не знаю, как мне оценить милосердие Божие, но со стороны усыпальницы азъ полуживой увидел приближающегося ко мне седовласого, немного согбенного монаха. Его лёгкая, даже немного пружинящая походка говорила об отменном здоровье и прекрасном самочувствии.

Судя по неимоверно увеличившимся очам его при виде полутрупа на монастырском газоне, отче был несказанно удивлён, что во время повечерия кто-то не в храме. Подойдя поближе к незадачливому послушнику, отец А-й – а это был именно он, я сразу узнал его по голосу – с ходу озадачил меня наводящим вопросом, почему азъ пришибленный не на повечерии.

На удивление, резко вскочив и взяв у старца благословение, я попытался нечленораздельно оправдаться, что меня никто от послушания не освобождал. На что авва улыбнулся во всю ширь и неспешно просветил меня, что в Пантелеимоновом монастыре Благовест освобождает от любого послушания. Во время службы и монахи, и послушники, и паломники должны быть в храме. Только игумен может благословить на несоблюдение устава.

– Отцу И-ю скажешь, что тебя о. А-й освободил от послушания. Иди на службу, – и он снова благословил меня лёг-

ким прикосновением ко лбу.

Я уже, было, дёрнулся идти в храм, но тут, будто невидимая сила удержала мой порыв, и мне до сухости в горле захотелось побеседовать со старцем и разрешить у него все сомнения.

Авва по-прежнему улыбался, будто понял мои благие намерения, и не сойдя с места, спросил:

– Хочешь узнать о пророчестве старца Ионы? Будет ли война с Украиной или нет?

ВПСлуга был настолько ошарашен прозорливостью аввы, что не сразу нашёл подходящие слова для ответа. Видя моё искреннее удивление, старец не стал впадать в гордыню, объяснив мне непонятливому, что этот вопрос мучает не только меня.

Почти все паломники из России, да и Украины тоже, задаются этим вопросом, потому что войны не хочет никто.

Искренняя благодарность Всевышнему, что о. А-й не отринул моё любопытство и поведал мне долгую и полезную проповедь. Где бы я ещё услышал подобное, как не здесь, на Святой Горе. В российских монастырях старцев почти не осталось, а если и появляется где, то к нему чтобы попасть, нужно либо ехать в Тьмутаракань, либо договариваться загодя.

Да и то, если и скажет он тебе что, то намёком, боясь прогневать владыку, а там понимай как хошь.

«Пророчество – это не прогноз будущего, Господь может

всё изменить, если человек или даже целый народ покается, – так начал о. А-й своё повествование. – Если человек ничего не хочет менять и не меняет, вот тогда уже следует кара Небесная.

В настоящее время Россия пожинает плоды бомбы, заложенной большевиками под российскую государственность. Это не пустые слова. Советская власть создала на исконно русских территориях геополитического монстра – Украину при содействии спецслужб кайзеровской Германии. Пытаясь уничтожить Российскую империю, Ленин и Троцкий создали это политическое недоразумение, отрезав от России русские города: Харьков, Донецк, Николаев, Херсон, Днепрпетровск, Одессу. Сталин присоединил Галицию и Волынь, Хрущёв подарил Крым. Украина была нужна с одной целью – стать антироссией.

Любая империя держится исключительно за счёт идеи «разделяй и властвуй». Российская империя также ограничивала в правах населявшие её народы, но никогда не вела религиозных войн, даже православную веру не стремилась насадить силой, только проповедью. Народы принимали её, не только потому, что видели её истинность, но и потому, что проповедники готовы были идти за неё на мучения, страдания, даже на смерть лютую.

Українство же, с самого начала своего появления – это антиправославная концепция: она направлена была не просто против русских, против москалей, она направлена была про-

тив Православия. Эта концепция родилась на Западе, в Австро-Венгрии, в Польше, в католических и протестантских странах, и в настоящее время она успешно реализуется.

То, что лжепатриарх Филарет и прочие называют себя православными – это ложь, игра. Настоящая задача – вытеснение Православия, как основы нашей русской православной цивилизации, так как без неё и цивилизации-то нет!

После государственного переворота на Украине ни одна область не избавлена от уничтожения и пожара церквей, от гибели монахов, монахинь, священников, даже в Киеве.

Эти действия являются прямым проявлением борьбы между Западной и Русской цивилизацией. Псевдопатриарх Филарет немедленно записывает отпадающие приходы в свою епархию, и, как четыреста лет назад, идёт продвижение западников!

На Западе любят повторять, что «мы – цивилизация», но забывают, какая цивилизация. Цивилизации без Православия не может быть в принципе. Без веры цивилизаций нет!

Линия Запада – использовать настоящий момент для окончательного разгрома Православия в Грузии, на Украине, для истребления, запугивания православных. К сожалению, в какой-то степени для этого появились условия.

Українская Православная Церковь Московского Патриархата заняла скользкую позицию – не все, конечно, но очень многие – «давайте жить дружно!» И в какой-то степени, такой отклик появился и в России – «давайте замиримся!»

Проявилось непонимание целей той стороны, за которой притаились сатанинские силы, и у них не стоит задача примириться, у них есть только одна задача – уничтожить. Поэтому у истинно православных христиан есть только один выбор – это нести свой крест, исповедовать Христа до конца!

Это заблуждение – «можно замирился», «можно договориться», «давайте жить дружно», «давайте вместе помолимся» – не работает, потому что у той стороны абсолютно нет такой задачи. У них задача убить, уничтожить, в лучшем случае, выгнать! Здесь и кроются причины некоторого отступления, некоторых неудач, но Господь поругаем не бывает!

Основная масса верующих УПЦ Московского Патриархата, стойко защищают Христа и твёрдо стоят на позициях Православия. Они Бога не предадут! Они и есть та единственная реальная сила на той части киевской Украины, которая сопротивляется. Иногда, может быть, молча, иногда не на Майдане и на баррикадах, а в стойкости в вере, но сопротивляется!

И за ними всё равно, безусловно будет победа.

Но российские православные верующие должны исходить из того, что мир с той частью Украины невозможен. Пока братья-малороссы не перестанут быть зомбированными монстрами, их хозяева в США будут воевать чужими руками до победы».

Батюшка сделал паузу, глубоко вздохнул, будто проделал крестный ход из Киева до Афона. Когда-то этот путь, толь-

ко в обратную сторону, проделал преподобный Антоний, основатель Киево-Печерской лавры. С той поры минуло почти тысячелетие, но брань на этой священной земле продолжается по сей день. Просто за время безбожия люди утратили понятие, что самое важное на свете – человеческая жизнь, культура идёт потом.

Люди живут и создают свой язык, свою культуру независимо от желаний политиков. Но когда политики начинают чего-то предьявлять, то возникают реальные конфликты.

Госграницы рисуют на бумаге, чтобы разделить сферы влияния налоговых ведомств. А у культуры другие границы – более настоящие и более важные.

Воевать за какую-то условную линию лично я считаю верхом идиотизма. А вот воевать за свою веру, за свой язык, за свою культуру – это дело чести.

Государство Украина (вернее будет сказать недогосударство и геополитическое убожество) появилось на свет только потому, что банда старых коммунистических алкашей собрались в белорусском лесу сообразить на троих и раздать друг другу титулы президентов вместо старых партийных. Они поделили одну шестую часть суши под названием СССР по границам, проведённым на карте Российской империи «великим супостатом» по (партийной) кличке Ленин.

И всё бы ничего, но самый продвинутый прирезал к своим владениям исконно русские земли, не спросив на то желания миллионов испокон века проживающих на них людей. Все его последователи были такими же тщеславными упря-

ми и с подачи заокеанских кураторов объявили Незалэжную «единой и неделимой». А с людьми можно и не считаться – они кто есть?

И вот, когда политика доморощенных князьков завела страну в тупик, если не сказать на край пропасти, очумевшая от нищеты, коррупции и произвола молодёжь страстно захотела в Европу. Но они никогда там не жили и не знают, что это такое. Невозможно понять, что такое Европа, не попробовав её *al diente*, «на зубок». Это всё равно что судить о работе продавца или грузчика в супермаркете по роскошной его витрине.

Помню, в советские времена максимум, куда можно было поехать простому смертному по турпутёвке это в Болгарию или Польшу. О странах Запада советские люди знали только по кинофильмам.

И тогда возникло удивительное течение – стилиаги.

Они стали носить длинные, специально обстриженные волосы, одевались модно и крикливо, считая, что так одеваются в Европе и Америке. Но это было советское представление о Западе, там такого не было...

«Я недавно встречался со старцем М-м и беседовал с ним, – продолжал авва А-й свою проповедь. – Сам он по национальности грек, но возглавляет сербскую келью недалеко от Кареи. Небольшая усадьбочка, почти у вершины горы, две церкви, монахи, послушники. Он мне сказал, что не нужно воспринимать всерьёз пророчества Ионы об Украине, пере-

данные через десятые уста. Если нет возможности услышать его лично, лучше отыскать в Сети первоисточники. По крайней мере, в них есть хотя бы доля истины.

Он говорит, что Украина как государство может состояться только при двух условиях.

Во-первых, население должно стать единой нацией, что невозможно в принципе. В тех же США попытались «переплавить» все национальности в единую американскую нацию, и ничего не вышло: каждая диаспора живёт обособленно, исповедует свою культуру, религию, нравы.

А если говорить о федерации, тогда зачем они добивались незалежности от Москвы? Жили бы себе в удовольствие и проблем не знали. Так не же... потянуло на старые грабли.

Если греки в начале XIX века восстали против турецкого ига, то они встали на борьбу все как один. На Украине такого ждать не приходится. Скорее произойдёт второй Майдан, чем они захотят воевать за идею. За деньги ещё, куда ни шло, а за родину – не дождётесь. Притом у каждой нации там своя родина, так что если и будет война, то гражданская.

Вторым условием старец Иона назвал покаяние народа и власти. То есть признание старых ошибок и прегрешений, которые православный обязуется не повторять. Старцы Афона предупредили нынешнего, что без покаяния (изменений) он не продержится на посту президента до окончания срока полномочий. Но он понял «покаяние» по своему: стал прилюдно молиться, передавать Церкви многочисленные здания

и сооружения приезжал за благословением к старцу Ионе в Одессу. Так можно обмануть себя, а не Господа. Покаяние – это реформы.

Про покаяние народа вообще говорить смешно.

Сколько я перевидал приезжающих сюда, на Афон украинцев, православие в них даже не теплится. Как были вольными казаками, так и остались ими, хотя сменилось с десятков поколений. О чём можно говорить, если у них только считающих себя православными три церкви? А сколько других конфессий?

Причём греко-католики – это вообще униаты, и нашим, и вашим. А это у них основная конфессия!

Подвизался у нас один схимник, Царствие ему Небесное, – батюшка перекрестился на монастырскую усыпальницу. – Так он ещё в прошлом веке поведал мне: когда Западную Украину присоединили в 1939-м, стали проводить необходимое переустройство, связанное с госструктурами. Поменяли чиновников, которые раньше, естественно, были сплошь поляки.

Новые советские служащие, воспитанные при Советской власти, были шокированы, когда при каждом удобном случае западенцы старались чмокнуть ручку «пана начальника». Благодарили они его за что-либо, просили о чём... Коекто и на колени становился, и «каты-комуняки» его спешно бросались поднимать: такое самоуничтожение им было видеть просто дико.

Кстати, в Западной Белоруссии подобных случаев даже близко не было. Но и резни поляков, подобной Волынской, белорусы тоже не устраивали. Где, скажи, тут ждать покаяния?»

– Да о чём тут можно говорить... – начал ВПС лишь для того, чтобы тут же замолкнуть.

«Также он рассказал, что дивизия «Галичина» из украинских добровольцев была разбита в боях, не сложившие оружие повстанцы уничтожены. Но часть смогли уехать в США и Канаду, сохранив в эмиграции националистические взгляды. В молодости даже супруга предыдущего президента Украины – гражданка Америки, – участвовала в неонацистской группировке.

Во время холодной войны всех их использовали для работы на Украину против СССР. Хотя украинские националисты, привыкшие хитрить и выкручиваться, чувствовали себя вполне комфортно и под немцами, и на Западе, и в советской Украине.

Покаяние для украинцев – это отказ от русофобского советского мышления и осознание того, что корень украинской проблемы – идея украинской нации. Нет иного пути, чем прийти к единственно правильному выводу, что украинский, откровенно русофобский эксперимент пора заканчивать, признать всех желающих того украинцев русскими и начать строить *одно* государство, а не мифическую незалэжную Украину или очередную советскую конфедерацию «братских

народов». Пока такое, истинно русское понимание вопроса не созреет в массах...

Никто не против приращения России землями, если речь об исторических русских землях. Но в каком виде? От этого ключевого вопроса зависит вся дальнейшая судьба Империи.

Какой она будет – Русской или очередным мертворождённым неосоветским проектом?

Запад может реально махнуть Украину, скажем, на Сирию или Иран. Возникнет опасность возрождения пророссийской Украины. Для этого есть всё необходимое: советские идеологи в российской власти, «пророссийские» управленцы и миллионы постсоветского населения в России, готового проглотить любую советскую басню.

Они не научены думать по-русски и до сих пор не могут понять, что главная проблема Украины – сама Украина, украинская идея как таковая. Это и нужно втолковать сознательным русским гражданам, не растерявшим своё национальное чувство за XX век и понимание собственных национальных интересов.

Если бы русский народ, сегодня не был «электоратом» в результате большевистского эксперимента, власть никогда бы на это не пошла. Она сама была бы русской, осознающей интерес России в данном вопросе. К сожалению, вы живёте в эпоху отсутствия в России русской нации и сознательного национально-гражданского русского общества. Если завтра

власть скажет «давайте снова станем братьями?!», что ответят «дарагие расеяне»? «Давайте! ура! даёшь Советский Союз!»

Пока сознание людей в украинском вопросе не поменяется от советского в сторону русского национального, говорить о чём-то серьёзном не приходится. Если вам снова посадят на шею «братскую Украину», вы проглотите, и будете ждать новое Гуляй-поле, новую Хатынь, оплачивая за счёт русского народа восстановление украинской самостийности.

На Украине обязательно прозреют – куда денутся, – ибо жить там скоро станет просто невозможно. Когда они окончательно ошалеют от нищеты, криминала и полного отсутствия надежды, созреют, тогда-то вам и подsunут «единую, пророссийскую и братскую» Украину.

Её жители не осознали всех своих ошибок, просто разочаровались в своей власти и в патриотах, которые загнали страну в пропасть. А ненависть к русским в целом и вашему президенту в частности, всё также бушует в их чёрных душонках и будет бушевать ещё не одно десятилетие.

Увидишь, лет через десять сбудется пророчество схиархимандрита Ионы, который говорил: «Что вы за этим долларом гоняетесь? Посмотришь, их как листья осенью ветер гнать по дороге будет, никто за ними не наклонится, будут дешевле бумаги, на которой напечатаны. И вот тогда гастарбайтерам из обнищавшей Америки вместе с западенцами и поляками выпадет честь лечиться от русофобии на стройках

Великой России».

Когда авва А-й закончил, наконец, свою проповедь, солнце уже прочно вошло в клинч с едва различимой луной. Моя фигура в сей момент зѣло борзо напоминала памятник Дюку-де-Ришелье на Потёмкинской лестнице в городе-герое Одессе. Только вместо грамоты Гm застыл с лотком для сорняков.

Авва с улыбкой оглядел меня с головы до пят и тронул за локоть, приводя в чувство.

Очнувшись от оцепенения, азъ проворный отнёс последнюю порцию «послушания» в компост и, стряхнув с себя усталость, зашагал в сторону Покровского собора.

Глава VI. «Казнь»

– Вы кузнец? – голос за спиной раздался так неожиданно, что Василий даже вздрогнул. К тому же он не слышал, чтобы дверь в мастерскую открывалась и кто-то заходил вовнутрь.

– А стучаться не пробовали? – грубо ответил он, слегка разозлившись и на себя, и на проворного клиента.

– Стучаться? Хм... Не пробовала, – ответил голос.

Василий схватил ветошь и, вытирая натруженные руки, медленно обернулся, прокручивая в голове отповедь, которую он сейчас собирался выдать в лицо этого незнакомца.

Но слова так и остались где-то в его голове, потому что клиент стоявший перед ним, был весьма необычный.

– Вы не могли бы выправить мне косу? – женским, но слегка хриловатым голосом спросила гостья.

– Всё, да? Конец? – отбросив тряпку куда-то в угол, вздохнул кузнец.

– Ещё не всё, но гораздо хуже, чем раньше, – ответила Смерть.

– Логично, – согласился Василий, – не поспоришь. Что мне теперь нужно делать?

– Выправить косу, – терпеливо повторила Смерть.

– А потом?

– А потом наточить, если это возможно.

Василий бросил взгляд на косу. И действительно, на лезвии были заметны несколько выщербин, да и само лезвие уже пошло волной.

– Это понятно, – кивнул он, – а мне-то что делать? Молиться или вещи собирать? Я просто в первый раз, так сказать...

– А-а-а... Вы об этом, – плечи Смерти затряслись в беззвучном смехе, – нет, я не за вами. Мне просто косу нужно подправить. Сможете?

– Так я не умер? – незаметно ощупывая себя, спросил кузнец.

– Вам виднее. Как вы себя чувствуете? Нет тошноты, головокружения, болей?

– Н-нет, – прислушиваясь к своим внутренним ощущениям, неуверенно произнес кузнец.

– В таком случае, вам не о чем беспокоиться, – ответила Смерть и протянула ему косу.

Взяв косу в моментально одеревеневшие руки, Василий принялся её осматривать с разных сторон. Дел там было на полчаса, но осознание того, кто будет сидеть за спиной и ждать окончания работы, автоматически продляло срок, как минимум, на пару часов. Переступая ватными ногами, кузнец подошёл к наковальне и взял в руки молоток.

– Вы это... Присаживайтесь. Не будете же вы стоять?! – вложив в свой голос всё своё гостеприимство и доброжелательность, предложил Василий.

Смерть кивнула и уселась на скамейку. Работа уже подходила к концу, когда выпрямив лезвие, насколько это было возможно, кузнец, взяв в руку точило, посмотрел на свою гостью.

– Вы меня простите за откровенность, но я просто не могу поверить в то, что держу в руках предмет, с помощью которого было угроблено столько жизней! Ни одно оружие в мире не сможет сравниться с ним. Это поистине невероятно.

Смерть, непринуждённо сидевшая на скамейке и разглядывавшая интерьер мастерской, как-то заметно напряглась. Тёмный овал капюшона медленно повернулся в сторону кузнеца.

– Что вы сказали? – тихо произнесла она.

– Я сказал, что мне не верится в то, что держу в руках оружие, которое...

– Оружие? Вы сказали оружие?

– Может я не так выразился, просто...

Василий не успел договорить. Смерть, молниеносным движением вскочив с места, через мгновение оказалась прямо перед лицом кузнеца. Края капюшона слегка подрагивали.

– Как ты думаешь, сколько человек я убила? – прошипела она сквозь зубы.

– Я... не знаю, – опустив глаза в пол, выдавил из себя Василий.

– Отвечай! – Смерть схватила его за подбородок и подняла голову вверх. – Сколько? – выкрикнула она прямо в лицо кузнецу.

– Да откуда я знаю, сколько их было? – пытаюсь отвести взгляд, не своим голосом пропещал кузнец. Смерть отпустила подбородок и на несколько секунд замолчала. Затем, сгорбившись, она вернулась к скамейке и, тяжело вздохнув, села.

– Значит, ты не знаешь, сколько их было? – тихо произнесла она и, не дождавись ответа, продолжила, – а что,

если я скажу тебе, что я никогда, слышишь!?! Никогда не убивала ни одного человека! Что ты на это скажешь?

– Но... А как же?...

– Я никогда не убивала людей. Зачем мне это, если вы сами прекрасно справляетесь с этой миссией? Вы сами убиваете друг друга. Вы! Вы можете убить ради бумажек, ради вашей злости и ненависти, вы даже можете убить просто так, ради развлечения. А когда вам становится этого мало, вы устраиваете войны и убиваете друг друга сотнями и тысячами.

Вам просто это нравится. Вы зависимы от чужой крови. И знаешь, что самое противное во всём этом? Вы не можете себе в этом признаться! Вам проще обвинить во всём меня.

Она ненадолго замолчала.

– Ты знаешь, какой я была раньше? Красивой девушкой, встречала души людей с цветами и провозжала их до того места, где им суждено пребывать. Я улыбалась им и помогала забыть о том, что с ними произошло. Это было очень давно... Посмотри, что со мной стало! – Последние слова она почти выкрикнула и, вскочив со скамейки, сбросила с головы капюшон.

Перед глазами Василия предстало, испещрённое морщинами, лицо глубокой старухи. Редкие седые волосы висели спутанными прядями, уголки потрескавшихся губ были неестественно опущены вниз, обнажая нижние зубы, кри-

выми осколками выглядывающие из-под губы.

Но самыми страшными были глаза. Абсолютно выцветшие, ничего не выражающие глаза, уставились на кузнеца.

– Посмотри в кого я превратилась! А знаешь почему? – она сделала шаг в его сторону.

– Нет, – сжавшись под её пристальным взглядом, мотнул он головой.

– Конечно, не знаешь, – ухмыльнулась она, – это вы сделали меня такой! Я видела, как мать убивает своих детей, я видела, как брат убивает брата, я видела, как человек за один день может убить сто, двести, триста других человек!..

Я рыдала, смотря на это, я выла от непонимания, от невозможности происходящего, я кричала от ужаса...

Глаза Смерти заблестели.

– Я поменяла своё прекрасное платье на эти черные одежды, чтобы на нём не было видно крови людей, которых я провожала. Я надела капюшон, чтобы люди не видели моих слёз. Я больше не дарю им цветы.

Вы превратили меня в монстра. А потом обвинили меня во всех грехах. Конечно, это же так просто... – она уставилась на кузнеца немигающим взглядом, – я провожаю вас, я показываю дорогу, я не убиваю людей... Отдай мне мою косу, дурак!

Вырвав из рук кузнеца своё орудие, Смерть развернулась и направилась к выходу.

– Можно один вопрос? – послышалось сзади.

– Ты хочешь спросить, зачем мне тогда нужна коса? – остановившись у открытой двери, но не оборачиваясь, спросила она. – Дорога в Рай... Она уже давно заросла травой...

* * *

В середине XI века разногласия между Константинопольским патриархом и Папой римским в вопросах догматического, канонического и литургического характера достигли своего апогея, что привело в 1054 году к разделению Единой Христианской Церкви на западную и восточную.

Непосредственным поводом явилось закрытие годом ранее по распоряжению патриарха Михаила Кирулария латинских церквей в Константинополе. В ответ на это Папа Лев IX направил патриарху послание с обоснованием притязаний на полноту власти в Церкви, содержавшего извлечение из поддельного документа, известного как Дарственная Константина, настаивая на его подлинности.

Патриарх отверг притязания Папы на верховенство. Тогда Лев IX в том же году послал в Константинополь для улаживания спора легатов во главе с кардиналом Гумбертом. Но догматические разногласия были второстепенны, главной задачей папского посольства было стремление получить от византийского императора военную помощь в борьбе с норманнами.

Уже после смерти самого Папы Льва IX, 16 июля 1054 года в Константинополе, в соборе Святой Софии папские легаты объявили о низложении Кирулария и его отлучении от Церкви.

В ответ патриарх предал легатов анафеме.

Спустя полтора столетия в 1204 году Константинополь был захвачен крестоносцами и с тех пор так и оставался в руках католиков-латинян. Империей в то время правил Иоанн III из династии Ласкарисов.

Великим домашником при нём был Андроник Палеолог, внук императора Алексея Ангела, отец Михаила VIII Палеолога.

Род Палеологов был богатый и знатный.

Дед Михаила, женившись на дочери императора Алексея Ангела, получил титул деспота. Михаил с юности мечтал о византийском престоле, обладание которым, по слухам, было обещано ему многими пророчествами. О предсказании неким образом стало известно императорам из правившей тогда династии. Иоанн III в 1252 году заставил Михаила торжественно поклясться перед патриархом в том, что он не замышляет никакой неверности, и не будет искать престола.

Тем не менее, в 1256 году Феодор II, сменивший к этому времени на престоле Иоанна, отдал приказ схватить его. Михаилу ничего другого не оставалось, как бежать к туркам.

Иконийский султан в это время вёл войну с монголами, и поелику у него было много ромейских пленных, он соста-

вил из них особый полк и поставил Михаила Палеолога командующим над ними. В бою этот полк добился успеха, но в битве всё равно победили монголы.

Тем временем Феодор отправил к Палеологу письмо, уверяя, что произошло недоразумение, и предложил ему вернуться. Михаил возвратился и получил сан великого коноставла (регента).

Однако его во второй раз принудили принести клятвы, что он останется верен императору, никогда не выйдет из границ повиновения и не станет домогаться верховной власти. Михаил всё послушно обещал, но через короткое время был схвачен, закован в кандалы и брошен в темницу по обвинению в колдовстве.

Вскоре Феодор разобрал его дело, не нашёл никакой вины и вернул ему свои милости. Так Михаил Палеолог трижды избежал страшной опасности.

В 1258 году Феодор II умер. После него остались три дочери и малолетний сын Иоанн IV, которому шёл только девятый год. Регентами при нём были назначены протовестарий Георгий Музалон и патриарх Арсений. Верховную власть над империей до совершеннолетия Иоанна исполнял Музалон.

Но уже через три дня после похорон во время панихиды в Сосандрском монастыре заговорщики убили регента и двух его братьев, после чего было решено передать попечение об императоре Михаилу Палеологу как великому коноставлю.

Михаил отличался приятной наружностью, весёлым нравом, а также великой щедростью, поэтому хорошо умел расположить в свою пользу любого человека. Очаровав всех, он стал постепенно прибирать к рукам верховную власть.

Вскоре члены совета попросили императора пожаловать Палеологу титул великого дукса с правом заботиться об общественных делах. Эта должность позволяла ему иметь доступ к императорской казне, и с этого времени многих лиц благородного происхождения под благовидными предложениями Михаил вознаграждал царскими деньгами, но для себя демонстративно абсолютно ничего не брал.

Расположенные его угодливостью и подарками, патриарх, его архиереи и госчиновники решили, что отныне Палеолог будет именоваться деспотом и отцом императора. Он принял и то и другое и с той поры мог уже без сомнения и смело раздавать дары и привлекать нужных людей на свою сторону.

Своего брата он сделал великим домашником, расставил своих людей на все важные посты, а тех, кто был ему опасен, под разными предложениями удалил из столицы. Наконец, подкупив и обольстив всех, он стал домогаться императорской власти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.